

Ю. ЗОТОВА
Л. КУББЕЛЬ

В ПОИСКАХ НИГЕРА

НИГЕРСКИ
БИЛ
ПО
СТРАНАМ
ВОСТОКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ю. ЗОТОВА
Л. КУББЕЛЬ

В ПОИСКАХ НИГЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Редакционная коллегия

К. В. Малаховский (председатель), *А. Б. Давидсон*,
Г. Г. Котовский, *Н. Б. Зубков*, *Н. А. Симония*

Ответственный редактор
Р. Н. Исмагилова

Зотова Ю. Н., Куббель Л. Е.

3-88 В поисках Нигера. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1972.

247 с. с илл. («Путешествия по странам Востока»).

В книге, в серии последовательно связанных между собой научно-популярных очерков, рассказывается полная драматизма история открытия и исследования Нигера — третьей по величине реки Африканского континента.

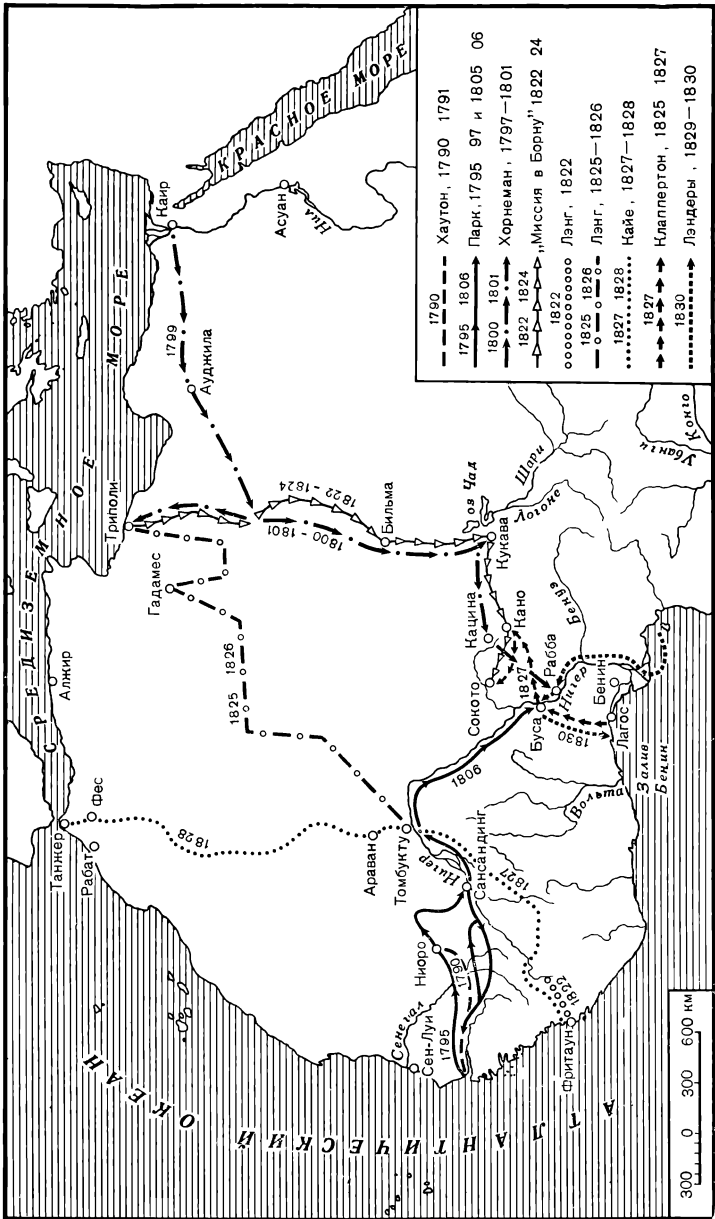
НЕСКОЛЬКО СЛОВ К ЧИТАТЕЛЮ

В этой книге мы расскажем о поисках и исследовании Нигера — третьей по величине реки Африканского континента и одной из крупнейших рек мира. Эти поиски принадлежат к самым увлекательным и драматическим главам истории географических открытий.

С давних пор в Европе знали о существовании в западной части «Черного материка» большой реки, но сведения о направлении течения, протяженности, народах, живущих по ее берегам, были в большинстве случаев самого фантастического свойства. И только в первой трети прошлого века несколько европейских экспедиций смогли ответить на все эти вопросы.

Честь открытия и исследования Нигера принадлежит в основном британским путешественникам. В этом нет ничего удивительного. В конце XVIII века, после победы промышленной революции, Англия была самым передовым из государств Европы, страной, где уже полностью победил капиталистический способ производства. Окрепшая и разбогатевшая английская буржуазия в поисках новых источников прибылей все чаще обращала свои взоры к новым землям. Отсюда тот огромный интерес, какой вызывали в тогдашней Великобритании исследования заморских стран, и не в последнюю очередь — Африканского континента. До начала второй половины XIX века за британскими экспедициями оставалось первенство в нелегком и опасном деле изучения внутренних областей Африки.

История открытия и исследования Нигера в 90-х годах XVIII — 30-х годах XIX века полна драматизма и примеров огромного человеческого мужества. У нас довольно много и в общем-то справедливо писа-

лось о том, что в конечном итоге путешественники прокладывали путь последующей колонизации африканских стран, что объективно они оказывались в роли авангарда и разведчиков алчного европейского капитала. Это, конечно, правильно. Но не менее верно и другое. Хотя инициаторами и организаторами географических экспедиций в Африку выступали чаще всего деятели, движимые эгоистическими, а то и попросту хищническими побуждениями, те, кто непосредственно осуществлял такие предприятия, обычно были людьми совсем иного склада. Трагедия тех, кому будет посвящен наш рассказ, заключалась не только в том, что почти все они погибли во время путешествия от невзгод и болезней, но и в том, что большинство этих людей были искренне уверены в благородных целях своих экспедиций, считали себя носителями более высокой культуры, к которой надо приобщить «невежественных» африканцев. Они не были расистами, и многие из них открыто выступали против рабства и европейской работорговли.

Результаты усилий героев этой книги, достигнутые ценой незаурядной отваги, тяжких лишений и утрат, впоследствии были использованы совсем не так, как им бы хотелось, и принесли невероятные страдания африканским народам, но вряд ли можно винить за это, скажем, Хорнемана, Лэнга или Кайе. Исследователями двигала в первую очередь высокая человеческая страсть — жажда познания, стремление увидеть неведомые страны, наконец, желание прославить открытием новых земель свою страну. Конечно, путешественники начала прошлого века во многом ошибались, и с высоты наших знаний об окружающем мире и о человеческом обществе эти ошибки сразу же заметны; однако не надо забывать, что взгляды человека в решающей степени определяет историческая обстановка той эпохи, в которую он живет, а время Великой Французской революции и наполеоновских войн довольно сильно отличалось от нашего. История географического исследования Африки составляет неотъемлемую часть истории общемировой культуры. Она принадлежит всем народам, потому что знание мира, в котором мы живем, — обязательное условие прогресса человечества. И это, наверное, главное основание для того, чтобы познакомить читателя с людьми, которым мы все обязаны немалой частью наших сегодняшних представлений об облике земли.

КАК НАЧИНАЛАСЬ ЭТА ИСТОРИЯ

Когда в V веке до н. э. «отец истории» Геродот рассказывал об удивительном путешествии пятерых юношей из ливийского племени насамонов, он не мог предполагать, что задает географам загадку, на решение которой им потребуется больше двух тысячелетий. Молодые люди, известные многочисленными «проказами» (мы бы, наверное, сказали, что им некуда было девать избыток энергии), в конце концов затеяли путешествие в южном направлении, с тем чтобы проникнуть так далеко, как еще не заходил никто из их соплеменников. Им пришлось пройти через населенные области и безводные пустыни, и после долгого пути они добрались до равнины, на которой росло множество плодовых деревьев. Когда путешественники собирали плоды, они были захвачены в плен какими-то низкорослыми людьми, языка которых насамоны не понимали. «Их вели через обширные болота,— писал Геродот,— и наконец они пришли в город, где все люди были ростом с их провожатых и с черным цветом кожи. Возле города протекала с запада на восток большая река, в которой было много крокодилов». Таково первое в европейской литературе упоминание «большой» западноафриканской реки.

Но рассказ Геродота не кончается на этом. «Что касается реки, которая текла около города этих людей,— говорится дальше,— то Этеарх (правитель оазиса Сива в Ливийской пустыне, к которому восходит сообщение о путешествии насамонов.— Л. К.) предположил, что это Нил, и этот взгляд подтверждается серьезными доводами. Ибо Нил определенно вытекает из Ливии, деля ее пополам... Однако никто не может рассказать об исто-

как Нила, поскольку Ливия, область, через которую он протекает, пустынна и лишена обитателей».

Для Геродота такая точка зрения казалась разумной и правильной. Нил, на берегах которого лежит Египет, грекам был известен давно, зато действительных размеров Африканского континента они не знали. Поэтому вполне естественно было предполагать, что любая большая река здесь, а тем более текущая с запада на восток, связана с Нилом.

На этом рассказе Геродота основывались все античные писатели, интересовавшиеся географией Африки. Правда, в конце первой половины I века н. э. римлянин Помпоний Мела, не возражая против того, что река течет с запада на восток, позволил себе слегка усомниться в том, что она связана с Нилом, но это был единичный случай. А через два десятилетия после Мелы в «Естественной истории» Плиния Старшего большая река Западной Африки впервые получает название «Нигрис». Плиний считал, что река, начавшись где-то к югу от границ римской провинции Мавретании Цезарейской (территория нынешнего Алжира), течет на восток и впадает в большое озеро, а затем уходит под землю и появляется на поверхности только в пределах Эфиопии.

После Плиния название «Нигер», или «Нигейр», становится достоянием всех авторов древнего мира, пишущих об Африке. Великий географ II века н. э. Клавдий Птолемей поместил реку Нигейр на своей карте, ставшей впоследствии главным источником географических представлений европейского средневековья, между 16-м и 20-м градусами северной широты — примерно на той широте, на которой Нигер находится в действительности. Для Птолемея связь между Нигером и Нилом была несомненной. Но автор начала V века н. э. Марциан Капелла выражался уже осторожнее: «Внутренняя часть Африки, после того как пройдешь лежащие перед нею пустыни, населена белыми эфиопами, нигритами и прочими людьми, наделенными теми или иными особенностями... Река этих народов — Нигер; это как бы их Нил, и с Нилом он схож своими свойствами».

Когда в VII—VIII веках весь южный берег Средиземного моря был завоеван арабами, новые властители уделяли большое внимание тому, чтобы «освоить» культурное наследие тех народов, которые они себе подчи-

нили. Именно арабам обязана Европа сохранением большой части достижений античной и эллинистической науки. Легко понять, что географические знания очень интересовали завоевателей, и уже в первой половине IX века великий среднеазиатский математик и астроном Мухаммед ибн Муса ал-Хорезми переработал «Географию» Птолемея, пополнив ее теми знаниями, которые накопились за прошедшие шесть с лишним веков. Включил он в свой текст и «город Нигиру» — «Нигейра метрополис», то есть «столицу Нигейры» Птолемея; это название сохранялось и на картах тех арабских ученых, которые писали после ал-Хорезми, используя его труды.

В целом арабские географы внесли мало изменений в карту Западной Африки, составленную их предшественниками. Они переняли и представление о связи Нигера с Нилом, но самому названию «Нигер» повезло меньше. Нил арабы знали хорошо, и за большой рекой в западной части «страны черных» надолго укрепилось название «Нил».

Оно держалось настолько прочно, что даже тогда, когда реальные знания о внутренних областях континента, собранные мусульманскими купцами и путешественниками, намного усложнили географические представления о «стране черных», на названиях рек это не отразилось. Просто с третьей четверти X века в географических сочинениях появляются рядом с хорошо знакомым «Нилом Египта» еще несколько рек. Они носят то же имя, только «уточненное» — скажем, «Нил черных» или «Нил Ганы». Теоретики продолжали считать, в соответствии с античной традицией, что большая река Западной Африки течет с запада на восток. Но когда появились достоверные сведения о большой реке, текущей на запад, к океану (это случилось, когда купцы дошли до Сенегала), арабские авторы начали путать эти реки.

Испано-арабский историк и географ Абу Убейд ал-Бекри (середина XI века), у которого мы в первый раз встречаемся со смешением Нигера и Сенегала, вероятно, не придавал этому особого значения. Ал-Бекри составил на основании документов из кордовских архивов практический справочник по странам мира, его сочинение так и называется — «Книга путей и государств», а для торговой практики направление течения «Нила черных» было не так уж и важно. Но столетием позже один из

крупнейших географов средневековья, Абу Абдаллах Мухаммед ал-Идриси, которому принадлежит научное географическое описание известной в то время части мира, вынужден был каким-то образом разрешить противоречие. Он это и сделал... изменив общепринятое до того направление течения западноафриканского «Нила» на противоположное — с востока на запад. Этой ошибочной точке зрения суждено было просуществовать шесть с половиной веков.

Общеизвестно, что исправлять ошибки крупных научных авторитетов — дело нелегкое и часто неблагоприятное. Вероятно, именно поэтому никто в тогдашнем научном мире не пожелал принять во внимание недвусмысленное утверждение путешественника Ибн Баттуты, побывавшего в Западном Судане в 1352—1353 годах, о том, что «Нил черных» течет с запада на восток. И это несмотря на то, что рассказ Ибн Баттуты в географической литературе мусульманского средневековья был первым свидетельством очевидца: ведь никто из тех, кто писал о «стране черных» до него, не бывал там!

Авторитет ал-Идриси остался незыблемым и после того, как в Европе познакомились с трудом марокканского ученого и путешественника ал-Хасана ибн Мухаммеда ал-Ваззана ал-Фаси, больше известного под именем Льва Африканского (Джованни Леоне Африкано — это имя он получил при крещении, когда был захвачен итальянскими пиратами и подарен папе Льву X). Дважды, в 1511/12 и 1514/15 годах, побывал он на Нигере, посетив все крупнейшие торговые города на реке и к востоку от нее, в нынешней Нигерии. В своем «Описании Африки, третьей части света», Лев Африканский подробнейшим образом рассказал о рынках и торговых путях Западного Судана, о политической обстановке в этой части Африки и о многом другом. Но так же как ал-Бекри на триста пятьдесят лет раньше, Лев Африканский интересовался более всего практическими вопросами, а направление течения Нигера к таковым, увы, не принадлежало. Его же слова о том, что Нигер впадает в «море Океан», которые вполне могли быть просто результатом все того же смещения Нигера и Сенегала, были восприняты как подтверждение точки зрения ал-Идриси.

На европейских картах Африки Нигер появляется как самостоятельная река примерно со второй половины

XVI века. До этого времени картографы, начиная с Джованни де Кариньяна (1320 год), изображали во внутренних областях западной части континента довольно неопределенную «реку золота», причем помещали ее чаще всего на широте Сенегала. Но теперь сообщения Льва Африканского, дополнявшиеся неясными слухами, которые удавалось получать от африканских купцов уже на западноафриканском побережье, казалось, позволяли составить более или менее правильное представление о географии Западной Африки. Беда только, что в знаниях об Африке причудливо переплетались истина с вымыслом. Так, рассказ Льва о том, что Нигер в паводок затопляет пойменные земли, в сочетании с его же сообщением о крупном хаусанском торговом городе Гобире (в теперешней Нигерии) и рассказами о существовании дальше к востоку огромного озера (вполне реального озера Чад) отражается на карте, составленной в 1554 году итальянским ученым Трамезино, в виде мифического «Нигрицийского болота», расположенного около Гобира. На карте Джакомо ди Кастальди через десять лет появляется на этом месте «озеро Губер»; голландец Виллем Блеу в 1642 году помещает здесь «озеро Гварде», а крупнейший французский картограф XVIII века Жан-Батист д'Анвиль в 1727 году показал на этом же месте большое водное пространство без названия. Но во всяком случае, как бы ни именовали на европейских картах «озеро Губер», его всегда так или иначе связывали с Нигером.

В 1570 году видный голландский географ Абрахам Ортелий предложил на своей карте Африки такую схему течения Нигера. Река, по Ортелию, начинается около экватора и впадает в «озеро Нигер» (тоже мифическое); отсюда она течет к северу, причем около 60 миль под землей (вот где неожиданно всплыла точка зрения Плиния Старшего!), до «озера Борну», то есть до озера Чад. Здесь Нигер поворачивает на запад, вливается в «озеро Губер», а затем впадает в Атлантический океан, образуя дельту, крайние протоки которой — Сенегал и Гамбия. Почти два столетия спустя д'Анвиль также полагал, что река течет к «озеру Борну» с юга, от него поворачивает на запад, к западу от Томбукту впадает в «озеро Мабериа», из которого начинается Сенегал — естественное завершение Нигера. В мифе об «озере Мабериа», вероятно, в какой-то степени отразились те све-

дения, которые португальцы могли получить еще в конце XV века на атлантическом побережье Африки,— с существованием вдоль среднего течения Нигера нескольких озер: Дебо, Фагибин и других. Такое представление могло возникнуть и на основании рассказов об огромных пространствах, которые Нигер затопляет в паводок. Конечно, схема д'Анвила немного проще схемы Ортелия, но от истины она так же далека, как и ее предшественница.

«ОБЩЕСТВО СОДЕЙСТВИЯ ОТКРЫТИЮ ВНУТРЕННИХ ОБЛАСТЕЙ АФРИКИ»

Усилиями многочисленных европейских мореплавателей прибрежные районы Африканского континента, в особенности — западное его побережье, были обследованы довольно быстро; уже к концу XVI века контуры Африки на европейских картах не слишком отличались от тех, что нанесены на наши карты сегодня. Но с внутренними областями, как мы видели, дело обстояло иначе: все построения картографов оставались умозрительными и основывались на двух главных источниках — сочинениях ал-Идриси и Льва Африканского. В сущности великий английский сатирик Джонатан Свифт был не так уж далек от истины, когда в начале XVIII века язвительно писал: географы-де на картах Африки помещают дикие картинки, а на обитаемых ее пространствах рисуют слонов, так как не имеют сведений о городах, которые там расположены,— и все это для того, чтобы скрыть скудость собственных знаний. Ведь и в самом деле, после того как в 1550 году венецианский книгоиздатель и ученый Рамузио впервые опубликовал «Описание Африки» в своем сборнике «Плавания и путешествия», в Европу почти два с половиной столетия не поступало новых сведений о странах, лежавших в двух-трех переходах от европейских фортов и факторий на побережье. А самое главное — никто особенно и не стремился такие сведения получить.

На протяжении этого времени, то есть с середины XVI по 80-е годы XVIII века, интересы европейских держав были сосредоточены на других частях земного шара — Америке, Южной и Юго-Восточной Азии. Здесь

соперничество между Португалией, Испанией, Голландией, Англией и Францией было на редкость ожесточенным, ведь Америка давала сахар, а Ост-Индия — пряности, самые прибыльные товары в тогдашней мировой торговле. Отсюда и стремление прочно закрепить за собой выгодные позиции в Новом Свете и в Южных морях, не только удержать прибрежные фактории, но и создать переселенческие колонии, и уж во всяком случае подчинить себе как можно более обширные территории.

Конечно, и в Африке взаимоотношения между англичанами, португальцами, голландцами, французами были очень далеки от идиллии. Здесь шла такая же война всех со всеми, как и в Карибском море или в Индийском океане. И все же положение на западноафриканском побережье существенно отличалось от того, что происходило в других районах, ставших объектом внимания «героев» ранней европейской колонизации. После открытия Америки интерес к африканским источникам золота заметно снизился: ограбление заокеанских земель обеспечило приток в Западную Европу неслыханного прежде количества драгоценных металлов. Зато почти сразу же резко подскочил спрос на другой традиционный товар африканского экспорта — рабов, которые теперь были нужны для плантаций и рудников Нового Света. И именно невольники стали на три с лишним века главным предметом вывоза с западного побережья Африки.

А работорговля отличалась важной особенностью: невольников на побережье доставляли купцы-африканцы или правители прибрежных африканских государств. Европейскому скупщику живого товара не было нужды отдаляться от невольничьих рынков на берегу, да его бы и не пустили в глубь страны контрагенты. Ведь охота на людей и последующая продажа их приносили африканской правящей верхушке огромные прибыли, так что эта верхушка вовсе не собиралась добровольно отказываться от чрезвычайно выгодной для себя роли посредника. Такое положение сложилось еще в конце XV века, когда португальцы начали скупать здесь невольников, и сохранялось все время, пока существовала европейская работорговля. И даже сведениями о внутренних областях, хорошо им знакомых, африканские купцы и правители делились с европейцами очень не-

охотно, порой сознательно рассказывая им заведомые небылицы.

Но со второй половины XVIII века обстановка начала быстро изменяться. К этому времени победоносный для Англии исход Семилетней войны в основном завершился колониальный раздел Нового Света и Ост-Индии. Победа промышленной революции в Англии, начало превращения страны в «мастерскую мира» заставляли британскую буржуазию искать новые рынки и источники сырья, новые опорные пункты. Росла и крепла британская промышленность, ей нужно было все больше выращенного трудом невольников американского хлопка. С одной стороны, это усиливало позиции той части буржуазии, которая рвалась захватить в свои руки главные источники рабочей силы для хлопковых плантаций. А с другой стороны, после победы американской революции в 1783 году многие в прежней метрополии были бы не прочь, овладев этими источниками, воспрепятствовать развитию экономики «мятежных» колоний, которая строилась в огромной степени на рабском труде (в отношении к молодым Соединенным Штатам обнаруживалось явное совпадение интересов работорговцев и многих из тех их противников, кто как раз в это время начал активно требовать запрещения работорговли в британских владениях). Естественно поэтому, что как раз в 80-х годах XVIII века в Англии стал очень быстро расти интерес к географическим исследованиям в Африке. Можно было не сомневаться, что в стране найдется достаточное число смелых и любознательных людей, которые охотно возьмут на себя эту нелегкую и очень опасную задачу. Дело было только за каким-то организующим и направляющим центром: ведь исследования требовали помимо всего прочего немалых денег...

9 июня 1788 года двенадцать джентльменов, собравшихся на Пэл-Мэл, в одном из самых аристократических в тогдашнем Лондоне клубов — «Субботнем клубе», решили основать «Общество содействия открытию внутренних областей Африки». Известное больше просто как «Африканское общество», оно играло видную роль в организации исследований на континенте, до тех пор пока британское правительство не взяло на себя эту роль в 1804 году, и поэтому, пожалуй, заслуживает того, чтобы рассказать о нем немного подробнее.

Наш современник, английский ученый Р. Хэллет,

занимавшийся историей общества, очень метко определил его как образ «тогдашнего правящего класса (Великобритании) в миниатюре». И действительно, среди двенадцати членов-основателей были представители земельной аристократии, промышленной и торговой буржуазии, профессиональные политики, верхушка англиканской церкви. Общество с самого начала своего существования было очень замкнутой организацией: количество его членов редко превышало шестьдесят человек. Но в их число входили едва ли не самые влиятельные и богатые люди страны, а бедняку нечего было делать в компании тех, кто способен уплатить годовой взнос в пять гиней. Притом общество никогда не было чисто научной организацией; скорее, наоборот, научные цели в его деятельности всегда оставались подчинены сугубо практическим — расширению британской торговли, приобретению новых факторий и установлению британского влияния во внутренних областях Африки. В этом оказывались непосредственно заинтересованы сами члены-основатели: некоторые из них своим состоянием, а соответственно и положением в обществе, были целиком обязаны торговле африканскими рабами. Кстати, именно такая заинтересованность объясняет другую характернейшую черту Африканского общества — то, что ни в одном из его документов, предшествовавших отмене рабства в британских владениях в 1806 году, нет ни слова протеста против работорговли. А ведь в последнем десятилетии XVIII века аболиционистское движение (то есть движение за запрещение рабства негров и работорговли) в Англии сделало немалые успехи! Более того, некоторые видные сторонники отмены рабства стали членами общества. Но решающее слово в его деятельности никогда им не принадлежало.

Душой и практическим руководителем Африканского общества с момента его создания и до своей смерти в 1820 году был сэр Джозеф Бэнкс — личность интересная и яркая. Один из богатейших людей Англии, крупный ученый-натуралист, участник первого плавания капитана Кука, в 35 лет — президент Королевского общества, Бэнкс олицетворял тот, так сказать, союз науки и практики, который характерен был для деятельности Африканского общества, особенно в первые десятилетия его существования. Бэнкс давно уже интересовался Африкой. Еще во время плавания на «Индевр», в

1771 году, он вел ботанические исследования в Капской колонии; в 1780 году по его поручению на Золотой Берег был отправлен человек для сбора сведений о внутренних областях Западной Африки. Наконец, именно к Бэнксу обратился в 1785 году некий Пауль Изерт, служивший в голландских факториях на Золотом Береге, с предложением отправиться в глубь материка для исследований географического и торгового характера.

«План общества», то есть вступительный доклад, подготовленный для собрания членов-учредителей при непосредственном участии Бэнкса, интересен не только тем, что очень верно показывает состояние знаний об Африке в Европе конца 80-х годов. Это своеобразный памятник эпохи — «века просвещения». «В то время как круг наших знаний относительно Америки и Азии постепенно расширяется,— говорилось в документе,— некоторый прогресс был сделан и в открытии отдельных частей Африки... Но несмотря на успехи в изучении берегов и границ этого обширного континента, карта внутренней его части все еще представляет собою лишь пространное белое пятно, на коем географы, по данным Льва Африканского и Шерифа Идриси, нубийского автора, нанесли неуверенной рукой немногие названия неисследованных рек и недостоверно известных народов.

Течение Нигера, местá его истока и окончания, и даже само существование его как самостоятельной реки до сего времени не установлены... Очевидно, однако, что пока мы остаемся в неведении относительно столь большой части земного шара, это неведение должно рассматривать как своего рода упрек нашему веку.

Испытывая стыд по этому поводу и желая спасти век от тягот невежества, которое в прочих отношениях столь мало соответствует его характеру, небольшая группа лиц, проникнутая убеждением в практической полезности подобного расширения объема человеческих познаний, создала план Общества содействия открытию внутренних областей Африки».

Таков уж он был, британский XVIII век, когда для большинства образованных людей страны интересы купцов Лондона или Ливерпуля, промышленников Бирмингема или Манчестера были равнозначны интересам всего человечества. Правда, что касается коренного населения Африки, то его далеко не всегда и не все относили к этому человечеству...

После создания общества перед его руководителями встала задача выбора маршрутов исследования. К Нигеру можно было подойти с нескольких сторон — это было ясно и при тогдашнем знании географии Африки. Каждое из направлений имело и свои преимущества, и свои недостатки.

Древнейшим путем, по которому осуществлялись давние торговые связи между Западной Европой и Западной Африкой, была караванная дорога через Сахару, точнее — несколько таких дорог. Самая западная из них вела из Южного Марокко к городу Томбукту, на среднем течении Нигера; вторая дорога начиналась на побережье Триполитании, а от Гата разделялась на две — одна вела к городу Гао на Нигере, другая — к Кано, крупнейшему из городов народа хауса, на севере нынешней Нигерии. Еще одна дорога выводила с побережья Средиземного моря в страны, лежащие возле озера Чад.

У всех этих старинных караванных маршрутов была одна общая черта: с незапамятных времен там господствовали кочевники Сахары, дорого ценившие свои услуги посредников в торговле и ее защитников. И уступать кому бы то ни было свое положение и свои доходы кочевники не собирались, в этом отношении они ничем не отличались от африканских правителей на западном побережье. К тому же и мавры, и туареги Сахары всегда относились к европейцам как ревностные мусульмане, не терпевшие на своей земле христиан; в средние века (а в Сахаре средневековые просуществовало чуть ли не до XX века) с таким обстоятельством приходилось считаться. До 20-х годов прошлого века ни одному европейскому путешественнику не удалось пересечь великую пустыню¹. Но это вовсе не означает, что маршрутами через нее не интересовались. Как раз в год создания Африканского общества британское правительство обратилось к своим консулам в государствах Северной Африки, потребовав от них сведений от-

¹ Правда, есть сообщения о том, что в 1470 году в Томбукту будто бы побывал итальянский купец Бенедетто Деи; но эти данные не могут считаться вполне достоверными, так же как и сообщения о пребывании в этом городе португальского посольства в 90-х годах XV века, о переходе через Сахару в 1617 году француза Поля Эмбера или о путешествии из Триполи через Сахару в 1711 году двух католических монахов, которые якобы дошли до Кацины в современной Нигерии.

носителем работорговли и караванных путей через пустыню. В отчете Роберта Трэйла, консула в Триполи, впервые были названы более или менее правильные цифры протяженности караванных маршрутов между побережьем Средиземного моря и берегом Бенинского залива, позволявшие сравнительно точно определить на карте место городов хауса, вернее — ту географическую широту, на которой их следовало искать. В свою очередь Джеймс Матра, консул в Марокко, сообщил своему начальству довольно верные сведения о политической и торговой обстановке в Томбукту. И все же проникновение в глубинные области Западной Африки с севера казалось в то время менее перспективным, чем через Сенегал или Гамбию.

Второе возможное направление продвижения в страну Нигера появилось в поле зрения европейских купцов и ученых гораздо позднее первого. Это и понятно: только после того, как португальские мореплаватели в XV веке двинулись к югу вдоль атлантического побережья Африки, в Европе познакомились с прибрежными районами. А когда сложилась регулярная и очень прибыльная работорговля в этих районах, у голландских, английских и французских купцов, уже к концу XVI века сильно потеснивших португальцев, возник интерес к глубинным областям, откуда поступали рабы на экспорт. Тем более что, по слухам, сравнительно недалеко от береговых фортов, в верховьях реки Сенегал, лежала золотоносная область Бамбук, известная еще арабским географам средневековья. Естественно было попытаться проникнуть туда, продвигаясь вверх по течению рек, в устьях которых стояли европейские фактории. Трижды — в 1618, 1661 и 1723 годах — английские суда пытались подняться по течению Гамбии. Французы, которыми руководил энергичный губернатор Сенегала Андрэ Брю, в конце XVII и начале XVIII века методично продвигались вверх по реке Сенегал, строя форты на ее берегах. Но ни одному из соперников не удалось добиться окончательного успеха. Обе реки — и Гамбия, и Сенегал — сравнительно недалеко от устья пересечены порогами, и эти пороги на долгое время стали для европейцев непреодолимым препятствием.

И все же идея экспедиции во внутренние области Западной Африки со стороны побережья оставалась очень привлекательной. Помимо золота Бамбука и же-

лания вытеснить из торговли с Западным Суданом «мавров» (в те годы в Европе не делали особого различия между собственно маврами, то есть арабами западной части Сахары, и туарегами) немаловажную роль играло то, что и у англичан, и у французов были давние опорные пункты на побережье — в Сенегале, в Гамбии, в Золотом Береге, а немного позднее — и в Сьерра-Леоне. Здесь накопили какой-то опыт общения с местным населением, сложились определенные формы связей, и можно было, казалось, с достаточным основанием предполагать, что это хотя бы немного облегчит задачу тех, кто возьмется исследовать внутренние области материка (впрочем, будущее показало, что такие надежды обычно не оправдывались). Поэтому Африканское общество в первые полтора десятилетия своей деятельности уделяло западному маршруту в неизведанные страны, лежащие по реке Нигеру, пожалуй, главное внимание.

Что же касается третьего направления, по которому европейские путешественники пытались добраться до Нигера, то оно заинтересовало исследователей еще позднее. Таким направлением было южное, со стороны побережья Бенинского залива. Гипотезу о впадении Нигера в Бенинский залив только в 1803 году выдвинул немецкий географ Христиан Рейхардт, но его точка зрения долго оставалась непризнанной; в Англии же первые упоминания о ней появились лишь в 1815 году. А до тех пор, пока было неясно, где оканчивается река, казалось, что Золотой Берег дает такие же шансы достигнуть ее, как, скажем, Гамбия. Поэтому, например, в Африканском обществе считали исследование пути к Нигеру со стороны Бенинского залива возможным лишь в более отдаленном будущем. В июне 1804 года комитет Африканского общества решил, что «экспедиция от Бенинского залива в сторону Ганы или какой-то другой, более доступной, части реки Нигер сможет быть принята, когда финансовые средства общества будут для этого достаточными». Кроме того, именно в этой части побережья существовали самые сильные из работорговых государств Западной Африки, и трудно было рассчитывать, что европейская экспедиция в глубь страны сможет получить не то что поддержку, а даже гарантии элементарной безопасности. Только позднее, когда в Бенинском заливе стала постоянно крейсиро-

вать британская эскадра, официальной задачей которой была борьба с контрабандным вывозом африканцев-невольников в Америку, английские путешественники смогли попробовать исследовать Нигер со стороны его дельты.

Сразу же после основания Африканского общества его руководители поручили двум путешественникам отправиться во внутренние области Африки по перекрещивающимся маршрутам. Было решено, что первый из этих людей, Джон Ледьярд, выехав из Египта, пройдет через весь континент с востока на запад по предполагаемой широте русла Нигера. Второй, Саймон Люкас, должен был «пересечь пустыню Сахару, направляясь от Триполи к Феццану», а оттуда вернуться в Европу «через Гамбию или через Гвинейское побережье». Уже по тому, как определены были задачи исследователей, нам сейчас с первого взгляда на карту видно, насколько плохо Бэнкс и его друзья представляли себе географические реальности Африки. Но вряд ли их можно было в этом винить.

Экспедиция, задуманная с таким размахом, окончилась полной неудачей. Ледьярд умер, не успев даже выехать из Каира. Его смерть от желудочного заболевания вызвала довольно желчное замечание в отчетах общества по поводу «ребяческой неосторожности», с которой он будто бы себя вел: почтенным членам Африканского общества вовсе не хотелось впустую терять отпущенные на путешествие Ледьярда деньги.

Люкас остался жив, но выбраться с побережья Средиземного моря в Сахару тоже не смог: караванную дорогу на юг перехватили восставшие против турок, тогдашних хозяев Триполитании, кочевники. Просидев в Триполи с октября 1788 года до весны 1789-го, Люкас возвратился в Лондон; правда, он привез с собой довольно полезные сведения о Центральной Сахаре и Западном Судане, полученные от некоего Имхамеда, жителя Феццана. Эти сведения относились к Борну и Кацине, а также к областям, через которые шла дорога в эти страны из Феццана.

Неудача первого предприятия, задуманного Африканским обществом, не обескуражила его фактического руководителя — Бэнкса. Общество продолжало собирать сведения о дороге к Нигеру, но теперь главное внимание уделялось пути через Гамбию. Уже в 1789 году воз-

никает проект экспедиции в Томбукту. Осуществить ее должен был некий доктор Сведиор, а проводником ему собирался служить мавр Бен Али, в силу каких-то туманных обстоятельств оказавшийся в Лондоне и утверждавший, что в молодости жил в Томбукту. Уже были составлены предварительные сметы расходов и обсуждался проект научной программы поездки Сведиора, как вдруг Бен Али исчез в неизвестном направлении. А без него никакая экспедиция, понятно, не могла состояться.

В следующем, 1790 году членам правления общества стал известен отчет о путешествии марокканского купца Абд ас-Салама Шабини из Феса в Томбукту и дальше, в страны хауса. Ничего нового относительно Томбукту Шабини не сообщал, но зато в его описании стран хауса впервые упоминалось название этого народа. В Европе оно было воспринято как название большого города или государства (на самом же деле в это время существовало больше десятка городов-государств хауса, из которых Кано и Качина были самыми крупными и богатыми). Таким образом, через два года после основания Африканское общество располагало более или менее достойными внимания сведениями всего о четырех «королевствах» — Томбукту, Борну, «Хауса» и Качине. Что же касается Нигера, то известно было только, что он существует и как-то связан с первым из этих названий; все же остальное — направление течения, истоки и устье — оставалось в сфере догадок. Дальнейший сбор любой информации относительно Западной Африки давал настолько противоречивые сведения, что положиться на них было никак нельзя. Поэтому надо думать, что Бэнкс и остальные руководители общества с радостью узнали еще об одном добровольце, выразившем желание отправиться из устья Гамбии на восток, исследовать и нанести на карту Нигер и Томбукту. Добровольцем этим был отставной майор Хаутон.

ХАУТОН (1790—1791)

В делах Африканского общества Дэниел Хаутон впервые упоминается в одном из писем к Бэнксу, написанном в июле 1788 года, всего месяц спустя после

учредительного собрания в «Субботнем клубе». Впрочем, то немногое, что известно о жизни этого человека, до того как он предложил свои услуги обществу, мы вообще знаем только по письмам — его и о нем.

Ирландец по происхождению, Хаутон в молодости служил в 69-м полку, стоявшем в Гибралтаре; отсюда его направили с дипломатической миссией в Марокко в 1772 году. Три года, с 1779 по 1782, Хаутон был комендантом форта на отобранном у французов² острове Горé, у побережья Сенегала. За это время он хорошо изучил прилегающие к побережью районы вдоль Сенегала и Гамбии, приобрел личные связи с правителями и познакомился с некоторыми из местных языков. По-видимому, за время службы в Африке майор общился и к коммерции, во всяком случае его интерес к внутренним областям континента, насколько можно судить, всегда носил довольно меркантильный характер. Так было, например, в 1783 году, когда Хаутон предложил британскому правительству исследовать истоки Гамбии и Фалеме, то есть тот самый Бамбук, откуда африканские купцы доставляли на побережье золото, причем открытие доступа к этому золоту в задачах предполагавшейся экспедиции занимало главное место. Предложение принято не было, а майору, вышедшему в отставку и обремененному семьей, пришлось, вероятно, провести в Англии несколько нелегких лет. К тому времени, когда им всерьез заинтересовались в Африканском обществе, Хаутон находился в крайне стесненных обстоятельствах и без особой надежды на успех хлопотал о назначении ему пенсии как отставному офицеру.

Понятно, что Хаутон с радостью ухватился за предложение, полученное весной 1790 года, отправиться в Африку на поиски Нигера и великих торговых городов. Помимо надежды поправить свои материальные дела в будущем у него, надо думать, были и другие, достаточно веские причины покинуть Англию с первым же судом, уходящим к побережью Западной Африки: у майора, видимо, оставались долги, и уже три года спустя после гибели Хаутона его жене пришлось из долговой

² Франция была союзницей североамериканских колоний Англии в их войне за независимость (1776—1783). Военные действия шли повсеместно, и на западном побережье Африки англичане не раз захватывали французские владения, а затем их теряли.

тюрмы обратиться за помощью к Африканскому обществу.

5 июля 1790 года, через два года после первых известий о Хаутоне, комитет Африканского общества принял решение направить майора в Гамбию и постановил, «что смета на 260 фунтов в покрытие издержек поездки в Гамбию и последующего путешествия представляется комитету приемлемой». Хаутон знал не только положение на африканском берегу, но и то, чем он может привлечь благосклонное внимание distinguished членов комитета: как раз незадолго до этого один из кандидатов, предложивших Бэнксу свои услуги, запрашивал на такую экспедицию ни много ни мало — три тысячи фунтов.

16 октября 1790 года Хаутон отплыл из Англии. А за три недели до того он получил составленные в Африканском обществе программу и инструкции для своей экспедиции. Это очень интересные документы, в которых хорошо видна далеко не бескорыстная заинтересованность Бэнкса и его друзей в тех сведениях, какие сможет собрать их посланец. И об этих документах сто́ит, пожалуй, рассказать. Вот как общество определяло цели путешествия майора: «1. Поскольку комитет имеет основания верить тому, что поблизости от Нил-эль-Абида³ (который европейцы именуют Нигером) давно создана значительная империя, называемая Хауса, и поскольку комитет по различным причинам желает, чтобы были завязаны сношения с вышеназванной империей из британских владений в Гамбии, майор не смог бы лучше достигнуть цели своей миссии, чем совершив путешествие от водопадов Баракунда до столицы названного королевства... 2. Поскольку комитет желает также получить сведения об истоке, течении и окончании Нигера, равно как и о различных народах, каковые обитают по его берегам, комитет надеется, что частично — собственными открытиями майора, а частично — информацией, которую он сможет собрать в непосредственной близости от реки, и эта цель миссии будет достигнута. 3. Поскольку комитет получал отчеты о богатстве и многолюдности города Томбукту, привлекая его серьезное внимание, он, естественно, лелеет надеж-

³ Букв. «Нил рабов» — так в Северной Африке того времени называли Нигер в отличие от «Нила Египта».

ду, что майор Хаутон будет рассматривать посещение этого города как одну из главных задач своего путешествия».

Как видим, поручения были не из легких: ведь от устья Гамбии до Кано по прямой больше двух с половиной тысяч километров, а если часть пути плыть по Нигеру, как собирался Хаутон, то и все три с половиной тысячи. И с чем встретится Хаутон во время такого пути, можно было только гадать, так как никакого представления о природе и о народах, с которыми ему придется иметь дело, не было даже у крупнейших географов той поры.

К инструкции был приложен подробнейший вопросник, касающийся всех сторон жизни тех стран, по которым предстояло пройти путешественнику. Члены Африканского общества хотели знать, как организована там административная и судебная система; какими нормами регулируется земельная собственность; каковы и из чего складываются доходы казны; все о сельском хозяйстве, торговле, верованиях и быте (майору предлагалось даже представить примерное описание дневного времяпрепровождения купца, скотовода, земледельца и их семей), о языке и о музыке жителей и, конечно же, о добыче золота. А заканчивался список вопросами, относящимися уже непосредственно к Нигеру: каково направление его течения, где находится исток реки, через какие области она протекает, заливают ли она прибрежные земли в половодье, есть ли на Нигере суда, и если да, то какова их конструкция, наконец, каким образом заканчивается Нигер — впадает ли в море или озеро или просто испаряется в песках Сахары? Само собой разумеется, Хаутону надлежало собрать все возможные сведения о странах, граничащих с «королевством Хауса».

Инструкцию и вопросник комитет утверждал уже после отъезда Хаутона, в декабре 1790 года. И на этом же заседании был оглашен еще один любопытный документ. «Так как комитету стало известно, что майор Хаутон оставил жену с тремя детьми в тяжелой нужде,— читаем мы в протоколе заседания,— было постановлено: хотя майор и не просил у общества вспомоществования для семьи на время своего отсутствия, однако, поскольку рвение, выказанное им на службе общества, подтверждено малостью суммы, которую он

потребовал на нужды экспедиции, в сравнении с тем, чего добивались прочие кандидаты на это место, как, равным образом, и готовностью, с коей он покинул Англию в момент, от которого фактически зависела судьба его прошения о выплате ему половинного оклада коменданта форта,— жене майора Хаутона выплатить в качестве пособия десять фунтов. Но в то же время довести до ее сведения, что эта помощь — крайнее, что может себе позволить комитет». В этой расчетливости, проявленной людьми, каждый из которых свободно распоряжался тысячами фунтов, тоже, пожалуй, есть что-то очень типичное для британского XVIII века. Так же, впрочем, как и в раздраженном замечании Бэнкса десять лет спустя: он-де всегда опасался, что финансы Африканского общества будут обременены чрезмерной гуманностью (речь опять шла о детях майора Хаутона)...

10 ноября 1790 года Дэниел Хаутон высадился в устье Гамбии, откуда ему предстояло двинуться на восток,— как он полагал, навстречу славе и богатству. Здесь, на побережье, его хорошо принял правитель селения Барра, с которым майор был знаком еще по своей службе на острове Горе; прием обошелся путешественнику всего в двадцать фунтов. Такова была цена товаров, поднесенных вождю в виде «подарка». На всем побережье и в прилегающих к нему местностях существовала давняя традиция: всякий, кто хочет пройти через земли, подчиненные тому или иному правителю, от деревенского старейшины до главы княжества, обязан прежде всего засвидетельствовать свое почтение вождю более или менее ощутимым подношением. А уж размеры подношения зависели от обстоятельств, причем не в последнюю очередь от того, у какой из высоких договаривающихся сторон окажется больше выдержка и сильнее характер. Хаутон хорошо знал этот порядок, и на первых порах, пока у него еще было что дарить вождям, никаких затруднений не возникало. На британском торговом судне майор поднялся по Гамбии до последней английской фактории на этой реке, купил здесь лошадь и пять вьючных ослов и двинулся на восток, к столице княжества Вули.

Сейчас нам бывает очень трудно определить, где находилось то или иное поселение в этой части Африки. Даже столицы государств по нескольку раз меняли

свое местоположение, а старые поселения обычно просто забрасывались. Глинобитные постройки (каменных здесь почти не было) быстро разрушались в условиях влажного климата с длительными сезонами дождей. Через полтора-два десятка лет заброшенная столица превращалась в скопище небольших глиняных холмов. Избежать этой участи смогли только несколько крупных городов, стоявших на главных торговых путях страны. Поэтому мы только очень приблизительно можем сказать, каков был маршрут Хаутона.

Но общую политическую обстановку, которая в тот период сложилась в верховьях Гамбии и Сенегала, мы все же более или менее знаем. Хаутон во время своего путешествия побывал в трех государствах — Вули, Бонду и Бамбуке. Первое из них лежало на северном берегу Гамбии примерно около пересечения 14-й параллели с 14-м меридианом западной долготы. Европейцы довольно давно знали Вули, потому что оно занимало очень выгодное место на торговом пути из внутренних областей Западного Судана к британским факториям по берегам Гамбии и на побережье океана. С запада через Вули проходили купцы с европейскими товарами, а в обратном направлении двигались караваны невольников, предназначенных на продажу или нагруженных такими товарами, как слоновая кость или золото, из другого княжества — Бамбука.

Бамбук занимал междуречье Сенегала и его левого притока — Фалеме. С незапамятных времен здесь находился один из главных центров добычи африканского золота. Когда в XII веке ал-Идриси писал о золотоносной стране Вангара, он имел в виду именно эту область. На протяжении веков отсюда уходили караваны носильщиков, доставлявших тюки с золотом в торговые города долины Нигера — Дженне и Томбукту, а оттуда приносивших соль, на которую это золото обменивалось. С XVI века направление золотого потока стало иным: на побережье появились европейские купцы, у них можно было получить такие товары, какими не располагали привычные североафриканские контрагенты. Но в самом Бамбуке мало что изменилось, даже охотники за невольниками не слишком беспокоили эту страну.

И Вули, и Бамбук были населены земледельческими народами, говорившими на языках группы манде.

Третье государство, которое в момент появления в верховьях Гамбии майора Хаутона достигло вершины своего могущества и причиняло крупные неприятности соседям,— государство Бонду — было создано скотоводами-фульбе. Начиная с XVI века этот народ со своими стадами крупного рогатого скота распространялся все дальше на восток от области Фута-Торо в нынешнем Сенегале, где он обитал еще столетием раньше. В военном отношении кочевники почти всегда бывали сильнее своих оседлых соседей: сказывались бóльшая сплоченность и более суровые условия жизни, при которых любой пастух в какой-то мере был воином. Поэтому фульбе успешно оттесняли земледельцев все дальше к югу и востоку. А в XVIII веке фульбская знать получила и хороший повод для непрерывного нажима на соседей-земледельцев: после создания мусульманских теократических государств во главе с «альмами»⁴ любой набег с целью грабежа и захвата невольников становился актом священной войны с «неверными». Бонду было одним из трех таких государств, созданных фульбе. И его соседи — Вули и Бамбук — довольно скоро почувствовали, что священной войной альмами Бонду намерены заниматься всерьез. Фульбская верхушка очень верно оценила все выгоды, какие можно получить от торговли с побережьем, и начала последовательно и методично перехватывать торговые пути вдоль Гамбии, по северному берегу которой и находилось Бонду.

Все эти политические сложности довольно быстро сказались на судьбе экспедиции Хаутона. Но пока что он прибыл в Медину, столицу Вули, и встретил там дружественный прием. Правда, по дороге сюда пришлось пережить не очень-то приятные минуты, когда путешественник случайно услышал (вот где пригодилось знакомство с языком малинке, приобретенное во время службы в Сенегале) о заговоре против него. Африканские женщины-торговки решили, что майор может перехватить у них часть прибылей,— ведь Хаутон, по всей вероятности, не скрывал ни своей заинтересованности в торговых делах, ни даже своего намерения по окончании экспедиции попытаться счастья, наладив прямой обмен с областями, лежавшими дальше на восток.

⁴ А л ь м а м и (от арабского «имам») — духовный руководитель мусульманских общин.

Поэтому было решено такую угрозу ликвидировать вместе с Хаутоном, и его спасла только счастливая случайность. Узнав об опасности, майор вынужден был переправиться на левый берег Гамбии и пойти в обход обычного пути к Медине, по территории княжества Кантор, пока не оказался наконец против владений правителя Вули. Из осторожности Хаутон послал известить этого правителя — Дьяту — о своем приближении. На следующий день к его лагерю прибыл один из сыновей Дьяты с большим отрядом всадников и торжественно, как почетного гостя, препроводил путешественника в Медину. Это произошло в начале марта 1791 года.

Когда Дьята принимал Хаутона в Медине, им руководили не только добрые чувства к гостю, но и веские политические и торговые соображения. Небольшому и слабому в военном отношении княжеству все труднее становилось выдерживать непрерывный натиск отрядов альмами Бонду. И Дьята не без основания рассчитывал, что союзнические отношения с англичанами или даже просто существование английской укрепленной фактории в пределах его владений заметно облегчат положение Вули. Поэтому в первые же дни пребывания Хаутона в столице Вули Дьята завел с ним разговор о создании такой фактории. Предложение правителя было на руку майору — ведь он сам собирался заняться выгодной торговлей в этих местах. Понятно, что Хаутон с большой охотой принялся подыскивать место для строительства форта, с которым связывал большие надежды на собственное будущее.

10 марта 1791 года Хаутон пишет своей жене: «Сейчас я в совершенной безопасности у короля Вули, в королевстве которого будет построен форт, и ничто мне не угрожает... По прибытии моем сюда я был принят самым дружественным образом королем и всеми его людьми, каковые снабжают меня всем, в чем я нуждаюсь. Я могу самостоятельно ездить верхом по любой части его страны и вполне безопасно, так как король приказал всем, чтобы мне помогали в любом случае, когда потребуется, и чтобы меня снабжали продовольствием, где бы я ни оказался. Они страстно желают, чтобы я построил здесь укрепление; соответственно я и отыскал удачнейшее и красивейшее место для этой цели — в Фаттатенде, около двадцати шести миль от Ме-

дины. Я дважды был здесь, дабы осмотреть место; оно наиболее подходящее — ровный луг, изобилующий травой и водой».

Но природные красоты выбранного места, хотя и радовали Хаутона, в общем-то интересовали его куда меньше, чем более существенные, с его точки зрения, коммерческие возможности, которые здесь открывались. А возможности эти приводили майора в совершенный восторг, хотя, пожалуй, к нему примешивались и горький опыт многолетней нужды, когда не хватало денег на самое необходимое, и страх за судьбу семьи, которая осталась в Англии без средств к существованию, и зависть к более удачливым соотечественникам. Сложную, очень сложную смесь чувств и настроений видим мы в этом письме...

«Капитан Литтлтон жил здесь четыре года (за это время он сколотил достаточное состояние, чтобы выйти в отставку на родине), а теперь посылает свои суда, чтобы торговать на реке⁵, — продолжает Хаутон. — Коротко говоря, золото, слоновую кость, воск и рабов можно в любое время получить здесь в обмен на самые нестоящие предметы. И торговля, в коей прибыль будет больше восьмисот процентов, может идти в Фаттатенде без малейших затруднений. Вы можете здесь жить почти что даром: за десять фунтов в год можно было бы в изобилии снабжать семью курами, молоком, яйцами, маслом, медом, говядиной, рыбой и любой дичью... Ни в чем я не испытываю нужды, и мне хотелось бы только послать тебе то, что я здесь экономлю: этого было бы более чем довольно, чтобы поддержать семью дома».

Правда, не все шло гладко: в этом же письме, сразу после выражений восторга, Хаутон сообщает, что во время пожара, уничтожившего всю Медину, он лишился большей части своих товаров. «Хорошо, что мы спасли хоть что-то, потому что пламя было таким, что всем пришлось бежать за стены города и спастись в полях, как королю, так и остальным», — добавляет он.

Но майор не утратил оптимизма. Рассказав жене о пожаре, он заканчивает письмо выражением совершенной уверенности в успехе: «Скоро я отправлюсь отсюда в Томбукту, куда надеюсь добраться за месяц.

⁵ То есть на Гамбии.

Король пошлет со мной кого-нибудь из своих людей, потому что, повторяю, меня здесь очень обхаживают, имея в виду мое возвращение для устройства поселка в их стране, что всех их обогатит посредством торговли,— и, надеюсь, и меня тоже. Боюсь, что у меня больше не будет возможности написать тебе после своего отъезда, пока я не вернусь к реке; так что не пугайся, если мое молчание окажется долгим. Сейчас мне не грозит никакая опасность. Король заверяет меня, что с его людьми я смогу проделать путь в Томбукту с одной лишь палкой в руке, никто меня не обидит,— ведь, раз все они направляют свои товары в Медину, все они друзья короля Вули...» Довольно скоро Хаутон убедился, что несколько переоценил королевское покровительство, но пока казалось, что опасаться особенно нечего. Оставалось только дожидаться купца, в компании которого он собирался совершить свое путешествие в Томбукту.

К сожалению, беды Хаутона в Медине не ограничились гибелью имущества от пожара. Переводчик, которого майор нанял, неожиданно исчез и с ним исчезли верховая лошадь Хаутона и три из пяти его вьючных ослов. У кого-то из купцов, торговавших вдоль Гамбии, он купил ружье — теперь это ружье взорвалось у майора в руках, ранив его в плечо и в лицо. Но все-таки главной бедой путешественника было то, что он лишился товаров — своей опоры в сношениях с правителями, которых ему еще предстояло встретить,— а путь до Томбукту был очень неблизкий. И как бы хорошо ни относились к Хаутону в Медине, в конечном счете были правы те джентльмены, которые, составляя отчет Африканского общества за 1792 год (о гибели Хаутона еще не было известий), вставили в него меланхолическую фразу: «Потеря имущества и вытекающее из этого сокращение фонда его путевых расходов были злом, которое не могла исправить никакая любезность».

Дожидааясь своего предполагаемого спутника, Хаутон старательно собирал рассказы о странах, лежащих дальше на восток, о торговле с ними и, конечно, о Нигере. Он намеревался выйти к реке около Дженне и от этого города спуститься до Томбукту. Именно «спуститься», потому что все, с кем ему приходилось говорить, в один голос утверждали совершенно обратное тому, что, основываясь на сочинении ал-Идриси, было

принято думать в Европе. Если верить тем, с кем Хаутон разговаривал, получалось, что Нигер течет с запада на восток! Уже одно это было крупным географическим открытием. Особенно убедила майора в правдоподобности таких рассказов неожиданная встреча со старым знакомым — жителем Томбукту, которого майору приходилось видеть в Северной Африке.

6 мая 1791 года Хаутон докладывал Африканскому обществу: «Я получил наилучшие сведения о местностях, кои намерен посетить, от некоего шерифа, живущего в Томбукту; он, к счастью, меня знал в бытность мою британским консулом при императоре Марокко в 1772 году. Я обнаружил, что на реке, которую я направляюсь исследовать, у них имеются палубные суда с мачтами, на каковых они ведут торговлю восточнее Томбукту, направляясь к центру Африки. Я полагаю погрузиться на одно из них, идущее из Дженне в государстве Бамбара до Томбукту». И дальше в этом письме майор со слов все того же шерифа Мамаду сообщал: «Нигер... получает с запада несколько крупных притоков, прежде чем достигает местностей, соседних с Томбукту, где... он разделяется на два рукава, из коих меньший проходит непосредственно возле Томбукту, тогда как главное русло продолжается в сторону Хауса — очень крупного города, расположенного всего в немногих днях пути от Томбукту». Да, шериф более или менее верно обрисовал Хаутону картину течения Нигера: действительно, с запада (точнее — с юго-запада) в Нигер вливаются воды Бани, а перед Томбукту река разделяется не на два даже, а на множество рукавов, образуя то, что в современной научной литературе называется средней дельтой Нигера. Что же касается пути в «Хауса», то здесь либо познания шерифа были не очень твердыми, либо же оптимизм Хаутона толкнул его на некоторые преувеличения: по Нигеру от Томбукту до стран хауса, то есть до нынешней Северной Нигерии, добрая тысяча километров. И к тому же рассказы шерифа Мамаду утвердили майора в мысли, что Нигер, пройдя через «Хауса», в конечном счете соединяется с Нилом и впадает, таким образом, в Средиземное море — об этом Хаутон не преминул сообщить в Лондон руководителям Африканского общества.

Но время шло, а работороговец, с которым Хаутон договорился двигаться дальше, все не появлялся, и

майор начинал терять терпение. Поэтому, как только он узнал о другом торговце невольниками, только что оказавшемся в Медине по пути в свою родную деревню на востоке страны, решение было принято. 8 мая 1791 года караван купца двинулся на северо-восток от того места, где до пожара, уничтожившего товары Хаутона, стояла столица Вули. То, что уцелело от имущества майора, поместилось на двух ослах, которых сбежавший переводчик все-таки ему оставил, а слуги работорговца предложили чужеземцу гнать его вьючных животных вместе со своими. Сам Хаутон шел пешком...

На пятый день пути караван достиг необитаемой местности, которая считалась границей между Бонду и Вули. Хаутон полагал, что так далеко не заходил еще ни один европеец (в этом он ошибался: французские купцы поднимались по Сенегалу еще дальше на восток).

Двигались медленно: в этих местах вообще не привыкли торопиться и совершенно не ценили время. Какая разница, неделей раньше или неделей позже доберешься до места! Да к тому же хозяин каравана останавливался почти в каждой деревеньке, чтобы потрговать. Но делать было нечего, ведь шли все же в нужном направлении. И в конце концов Хаутон увидел перед собой Фалеме — ту самую реку, за которой начиналась страна золота — Бамбук.

По пути майор старался не терять времени даром и усердно делал заметки о том, что видел. В его заметках никак не ощущается, чтобы Хаутон относился к африканцу как к существу низшего порядка. А ведь мы уже могли понять по его письму, что он не только не осуждал работорговлю, но, представься ему случай, — и сам бы с радостью за нее принялся. И в то же время майор с самым живым и сочувственным интересом описывает занятия жителей тех стран, через которые проходил, а в его сообщении о том, что здесь не воюют между собой (по религиозным мотивам) люди разных вероисповеданий, «а со взаимной терпимостью относятся к взглядам, которые для себя не приемлют», сквозит настоящее уважение. Что поделаешь, это тоже XVIII век с его немного наивной откровенностью: ведь лишь после запрещения работорговли, когда контрабандный вывоз африканских невольников в Америку достиг выс-

шей точки, защитникам этого позорного промысла потребовалось «теоретическое» его оправдание в виде идеи о превосходстве людей с кожей белого цвета над всеми остальными.

А пока Хаутон присматривался к людям, которые ему встречались, думал, сопоставлял. У него был ясный и практичный взгляд на вещи, поэтому он хорошо замечал все существенное. Вот он пишет, что здесь, в глубине материка, земледелие и пастушество — главные занятия жителей, так же как и на побережье. Но, говорит Хаутон, здешние люди достигли таких успехов в ремесле, что плавят железную руду и сами изготавливают железные орудия (надо сказать, что те плавильные печи, которые мог видеть майор по дороге на восток, немалого отличались от еще существовавших в те годы в глухих углах Европы печей для производства кричного железа). Кроме того, у них очень распространено изготовление тканей из хлопка, и такие ткани — основной вид одежды, хотя ткут их очень долгим и трудоемким способом. И сейчас еще довольно часто можно увидеть в западноафриканских деревнях, как мужчина-ткач, сидящий за простой деревянной рамой, готовит узкое и очень длинное полотно; потом несколько таких полотен приходится сшивать, чтобы получить кусок ткани, по ширине пригодный для употребления. Хаутон отмечает, что именно из-за сложности и дороговизны изготовления местных тканей здесь, в верховьях Гамбии и Сенегала, денежной единицей служит уже не железная палочка, а кусок материи. Таких деталей он замечал множество, и мы сейчас можем лишь пожалеть, что письма, посланные майором в Лондон, в Африканское общество, так и не были опубликованы полностью, — тогда мы узнали бы еще немало интересного о его путевых впечатлениях.

Достигнув берегов Фалеме, Хаутон, сам того не предполагая, очутился в самом центре довольно бурных военно-политических событий, отличавших жизнь этой части Западного Судана в те годы. Ко времени, когда путешественник появился здесь, как раз закончился очередной этап расширения пределов государства Бонду на юг и юго-восток: правителю Бамбука пришлось уступить победоносным фульбе все свои владения по левому берегу Фалеме, и альмами Амади Исата перенес свою столицу на вновь приобретенные земли.

Теперь фульбе были хозяевами пути в глубинные районы. И Хаутон, наверно, не был бы Хаутоном (во всяком случае тем Хаутоном, какой известен нам по немногим сохранившимся о нем документам), если бы не «поспешил засвидетельствовать свое уважение победоносному государю», как сказано об этом в протоколах Африканского общества. Само собой разумеется, это свидетельство подкреплялось соответствующим подарком,— и вот здесь-то майор допустил ошибку.

«Дары», поднесенные альмами, были примерно такими же, как и те, что получили от путешественника правители Барры и Вули; оба они вполне удовлетворились размерами подношения. Но у фульбских правителей Бонду аппетиты были побольше — они росли по мере того, как увеличивались владения альмами. И то, что в первых двух столицах «приняли с удовольствием», как писал майор, в ставке Амади Исаты показалось оскорбительно ничтожным. Результаты не замедлили последовать: майора приняли очень холодно, в довольно пренебрежительной манере разрешили оставить подарок и категорически предупредили, чтобы ни под каким видом он не вздумал покидать пограничное селение, в котором остановился. К этому угрожающе добавили, что он-де еще услышит о государе. Долго ждать не пришлось: на следующее утро один из сыновей альмами в сопровождении сильного конвоя появился в доме, где жил Хаутон, и весьма сурово потребовал, чтобы ему показали все привезенные с побережья товары. Когда приказание было выполнено, принц отобрал то, что счел достойным своего внимания, и удалился, оставив майора в изрядном огорчении. Правда, кое-какие вещи тот успел спрятать, но более всего жалел о синем сюртуке, который предназначал для своего торжественного въезда в Томбукту. Сюртук, однако, вызвал интерес у юного принца, и Хаутону пришлось с ним расстаться. Но беда заключалась не столько в исчезновении сюртука, сколько в том, что и без того сильно истощившиеся запасы Хаутона еще больше сократились.

После такого приема ничего не оставалось, как поскорее удалиться за пределы Бонду. Это майор и сделал, отправившись во владения «короля Бамбука»; теперь он шел по территории сегодняшней Республики Мали. Но как-то с самого начала экспедиции Хаутону не везло с проводниками: вот и теперешний его спутник

потерял дорогу, и пришлось долго проблуждать по лесам. А дело было в июле, в самый разгар дождливого сезона. И когда путешественник добрался в конце концов до селения Фербанна, где в то время находилась ставка правителя Бамбука, его свалил тяжелый приступ тропической лихорадки. Надо, впрочем, сказать, что в этом не было ничего необычного: ведь речь идет о временах, когда люди еще не имели понятия даже об обычном (с нашей точки зрения) хинине, и смертность среди европейцев на африканском побережье Атлантики была просто ужасающей.

Железное здоровье Хаутона справилось с лихорадкой; к чести майора можно заметить, что он не забыл в своих письмах с глубокой благодарностью отозваться и об африканской семье, которая его выхаживала, когда он лежал в беспомощности. То, как встретили его в Фербанне, в какой-то степени, видимо, вознаградило Хаутона за неприятности, испытанные в Бонду. Местный государь, так же как и правитель Вули, очень рассчитывал на то, что добрые отношения с англичанами помогут ему удержаться перед натиском опасных соседей на севере и северо-западе. Надо думать, что майор не преминул воспользоваться настроением своих гостеприимных хозяев: он не только строил планы прямой торговли между Бамбуком и британскими владениями на побережье, но в одном из разговоров с правителем даже «постарался обрисовать королю преимущества содействия англичанам в открытии торговли через его владения с многолюдными городами на берегах Нигера». Хаутон не забывал своей главной задачи, и эти «многолюдные города», о которых он, как и вся Европа, знал только понаслышке, по-прежнему интересовали майора больше всего. К тому же в Бамбуке он мог встретиться с людьми, для которых и Нигер, и Дженне, и Томбукту были привычной реальностью; ведь по мере того как путешественник продвигался на восток, таких людей должно было становиться все больше. Разговоры с ними в Фербанне подтверждали ту удивительную новость, которую Хаутон много раз слышал в Медине: большая река течет с запада на восток. И это только подстегивало нетерпение, с которым Хаутон стремился продолжить свое путешествие.

Дело снова упиралось в попутчика: без него нечего было и думать пускаться в долгую и опасную дорогу.

И когда Хаутону предложил доставить его в Томбукту и обратно, в устье Гамбии, какой-то «старый и почтенный», как выразился в своем отчете майор, бамбукский купец, это предложение было принято чуть ли не с восторгом. Условились, что за 125 фунтов, которые купец получит по прибытии Хаутона в первую британскую факторию на Гамбии, он проводит путешественника и обеспечит ему безопасность. Правитель Бамбука одобрил этот план и подарил Хаутону «в знак уважения и в залог будущей дружбы» мешочек с золотым песком. В золото пришлось обратить и те жалкие остатки товаров, которые майор сумел еще сохранить: ему объяснили, что из всех возможных товаров этот — самый удобный и транспортабельный. Двух своих ослов Хаутон отдал за верховую лошадь, и в полном оптимизма письме, написанном 24 июля 1791 года, сообщал руководителям Африканского общества, что готов отправиться из Фербанны дальше, к Нигеру и «Хауса».

Это последнее подробное письмо Хаутона. До конца 1791 года никаких новостей о нем не было получено. Поэтому в отчете Африканского общества в 1792 году говорилось: «...по-видимому, имеются сильнейшие основания полагать, что майор спустился с восточных холмов Бамбука и двинулся по дороге на Томбукту». При этом и сам Хаутон, и Бэнкс с коллегами надеялись на то, что бедность путешественника не введет африканцев в соблазн его ограбить, а явная заинтересованность спутника в получении 125 фунтов обеспечит майору внимание и безопасность.

В начале 1792 года доктор Лэдли, крупный торговец в Гамбии и один из африканских корреспондентов общества, получил коротенькую записку от Хаутона, датированную 1 сентября 1791 года, шестью неделями позже отправления майора из столицы Бамбука. «Майор Хаутон приветствует доктора Лэдли,— значилось в записке,— находится в добром здравии на пути в Томбукту, ограблен начисто сыном Фенда Букара». Путешественник писал карандашом, и название места почти стерлось за те месяцы, что послание странствовало по саванне. Лэдли прочел его как «Симбинг»; по-видимому, это название поселка неподалеку от города Ниоро, здесь и сейчас еще есть деревня Симби.

На этом известия о Хаутоне прекратились. Только

через несколько месяцев Лэдли сообщил в Лондон, что до него дошли слухи о гибели майора от рук воинов правителя бамбарского государства Каарта, через земли которого он шел. Позже это сообщение было опровергнуто, но только в части, касающейся причин смерти путешественника; то, что Хаутон погиб, было уже совершенно достоверно известно. Африканцы сообщили Лэдли: Хаутон умер естественной смертью от дизентерии, но ни времени его кончины, ни места, где это произошло, не знает никто. Останки Хаутона будто бы остались лежать под деревом в саванне.

Лэдли попробовал назначить крупное вознаграждение тому, кто доставит ему бумаги, сохранившиеся после майора. Но это не помогло — никаких документов Хаутона спасти не удалось. И нам теперь неизвестно, ни при каких обстоятельствах он был ограблен, ни даже почему оказался возле Ниоро, хотя собирался выйти к Нигеру кратчайшим путем, гораздо южнее.

Правда, когда в 1795 году Мунго Парк, двигавшийся к Нигеру в общем тем же маршрутом, что и Хаутон, добрался до этих мест, ему удалось услышать более или менее правдоподобную историю гибели майора. Вот как писал об этом Парк: «По прибытии своем в Дьяру (город к северо-западу от Ниоро.— *Л. К.*) он познакомился с какими-то маврскими купцами, которые направлялись в Тишит... И майор за мушкет и некоторое количество табака сговорился с ними, что они его доставят туда. Думая об этом решении, нельзя не прийти к выводу, что мавры преднамеренно его обманули». Бесспорно, в этом Парк совершенно прав: Тишит находится более чем в трехстах километрах к северу, то есть в направлении, прямо противоположном тому, которое требовалось Хаутону...

«Вероятно,— продолжает Парк,— они намеревались ограбить его и бросить в пустыне. По истечении двух дней он заподозрил их в предательстве и стал требовать возвращения в Дьяру. Увидев, что он тверд в своем решении, мавры отобрали все, что он имел, и ушли со своими верблюдами... Несколько дней майор бродил без пищи, а бесчувственные мавры отказывались ему что-нибудь дать, и он сломился под тяжестью своих страданий. Нельзя достоверно сказать, умер ли он от голода или был убит... Его тело оттащили в чашу, и мне показали место, где были брошены его останки».

Итак, экспедиция, на которую возлагалось столько надежд, закончилась самым трагическим образом. В Африканском обществе, высказав приличествовавшие случаю слова сожаления и сочувствия, не смогли все же удержаться, чтобы не упрекнуть покойного Хаутона за «непослушание»: ведь советовали же ему взять с собой как можно меньше ценного, чтобы не искушать тех, через чьи владения придется двигаться... Но Бэнкс и его коллеги были люди деловые. Раз Хаутону не удалось достигнуть Нигера, значит, это придется сделать кому-то другому, только и всего. Тем более даже то, что майор успел сообщить на основании своих расспросов, уже предвещало переворот в тогдашних представлениях о географии Западной Африки. Преемникам погибшего Хаутона предстояло воочию убедиться в том, что Нигер действительно течет на восток.

И та часть протоколов общества, где рассказывается о судьбе экспедиции, завершается следующими примечательными словами: «Оплакивая печальный исход этой несчастной экспедиции, следует, однако, заметить, что неудача майора Хаутона не доказывает, что трудности в достижении Томбукту через Гамбию непреодолимы. Напротив, есть основания считать, что путешественник с хорошим характером и покладистой манерой обращения, с которым не будет ничего, что возбуждало бы алчность, может ожидать любой помощи от туземцев и полнейшего покровительства со стороны их вождей». Конечно, к немалому неудовольствию некоторых из его руководителей, обществу пришлось еще довольно долго заниматься денежными делами, связанными с обеспечением вдовы и детей майора, но главное внимание уже с 1792 года было обращено на поиски человека, который бы согласился повторить рискованное предприятие Хаутона. И такой человек нашелся два года спустя: двадцатитрехлетний врач Мунго Парк.

ПАРК (1795—1797)

Молодой человек родом из Нижней Шотландии, которого еще в 1791 году представил Бэнксу крупный ботаник того времени Джеймс Диксон, словно специально

был подготовлен к тому, чтобы повторить попытку Хаутона. До известной степени Бэнкс мог считать Парка своим питомцем: ведь это он выхлопотал для понравившегося ему молчаливого юноши, увлекавшегося естественной историей, место врача на одном из судов Ост-Индской компании, когда Мунго Парк, только что окончивший Эдинбургский университет, появился в Лондоне. Совершив плавание на Суматру и обратно, Парк в достаточной мере познакомился как с тропическим климатом, так и с тропическими заболеваниями. Доказал он и свои несомненные способности к исследовательской работе. После официального объявления о гибели Хаутона (на собрании Африканского общества 31 мая 1794 года) Бэнксу и его друзьям пришлось решать, кому из десятка кандидатов отдать предпочтение. И вот тогда сэр Джозеф без колебаний высказался за то, чтобы принять предложение Парка, сообщившего обществу о своем желании отправиться в Африку с географической миссией.

Когда Парк возвратился в Англию в конце 1792 года, он, казалось, намеревался прочно осесть на родине. Но решимости этой хватило ненадолго: прошло всего полтора года — и Мунго предложил свои услуги Африканскому обществу. За это время полностью определились его интересы: профессия врача окончательно утратила свою привлекательность. Если бы обстоятельства ему позволяли, он посвятил бы свою жизнь естественным наукам. Способности Парка в этой области не вызвали сомнений. Сделанный им доклад «Восемь маленьких рыб, привезенных с побережья Суматры» был признан серьезным научным исследованием.

Но увлечение Африкой также не было поверхностным, а решение скороспелым. «Мною владело страстное желание,— писал он Бэнксу еще в 1793 году,— изучить страны, так мало известные, и самому познакомиться с образом жизни и нравами туземцев». Понимая, насколько губителен для европейца тропический климат, Парк полагался «на свою молодость и крепкое телосложение».

Высокого роста, пропорционально сложенный, Мунго Парк действительно был хорошо закален физически, легко переносил жару и обладал необходимыми для путешественника выносливостью, самообладанием и трезвым умом.

Мунго Парк

Комитет общества, устроивший Парку летом 1794 года экзамен, отмечал, что он имеет достаточные знания по астрономии, географии и естественной истории. Предложение Парка было принято. Ему назначили небольшое жалованье — семь шиллингов шесть пенсов в день; по прибытии в Африку сумма удваивалась. Кроме того, одновременно было выдано 200 фунтов на подарки вождям и другие расходы по организации экспедиции.

К берегам Верхней Гвинеи Парк должен был отправиться вместе с вновь назначенным консулом в Сенегамбии, а к Нигеру ему предстояло идти уже одному. Инструкции, данные Парку, были точно такими же, как те, которые в свое время получил Хаутон. Шотландцу следовало установить направление, уровень и устье Нигера, а также, используя любую возможность, посе-

тить расположенные на его берегах основные города, особенно Томбукту и «Хауса».

Ровно через год, 22 мая 1795 года, Парк, так и не дождавшийся консула Уиллиса, отплыл на торговом паруснике из Портсмута. 21 июня судно бросило якорь у северного берега Гамбии. Парк обосновался в Пизани⁶, у доктора Лэдли, и пробыл там несколько месяцев, ожидая окончания дождливого сезона. За это время он изучил наиболее распространенный в тех районах Западной Африки язык мандинго и собрал сведения о глубинных областях бассейна Гамбии и Нигера, занятиях и быте населения. Данные были крайне противоречивыми. «Это обстоятельство еще более усилило мое желание самому установить истину», — отмечал Парк.

Наконец 2 декабря 1795 года началась первая африканская экспедиция Мунго Парка. Согласно письму Бэнксу от 1 декабря, с Парком отправились несколько человек: переводчик Джонсон, местный уроженец, хорошо говоривший по-английски, мальчик Демба, прислуживавший Парку, кузнец, работавший у Лэдли и теперь возвращавшийся на родину в город Джамбо.

Лондонское общество поскупилось отпустить средства на снаряжение экспедиции — оно состояло только из карманного секстанта, компаса, термометра, зонта, двух охотничьих ружей и двух пар пистолетов. Двигались путники вдоль берегов Гамбии на восток, по направлению к Сегу. Во главе каравана ехал верхом Парк, его спутники и грузы размещались на ослах. Парк следовал почти точно по маршруту Хаутона, и эта часть пути была пройдена без особых осложнений.

В Медине, столице Вули, первого государства малинке, путники были тепло приняты старым правителем Дьятой, который дружески отнесся в свое время и к Хаутону. При встрече присутствовали *форбана* (наследник престола) и *ал-каиды* (губернаторы провинций). Должности эти, как подчеркивает Парк, тоже наследственные. Обязанности ал-каидов заключаются в том, чтобы поддерживать порядок, собирать пошлины, а также председательствовать в судах при рассмотрении таких дел, как неуплата долгов, убийства, отравления (однако два последних преступления среди малинке крайне

⁶ Ныне там на высоком берегу реки высится белый обелиск, поставленный в честь знаменитого путешественника.

редки). С удивлением отмечал Парк присутствие в судах мусульманских законоведов, которые славились особым знанием законов пророка. «Если судить по их речам в защиту потерпевших, при которых я часто присутствовал,— записывает путешественник,— то сомневаюсь, что они уступают превосходнейшим европейским адвокатам в искусстве запутывать дело и отсрочивать приговор по всем правилам крючкотворства».

Дьята обещал пропустить Парка через территорию своей страны, однако не советовал ехать дальше. «Люди в восточных районах никогда не видели белого человека и обязательно уничтожат его»,— предупреждал правитель. Это звучало довольно мрачным пророчеством. Но Парк был непоколебим.

Вопреки ожиданиям, в Фетеконде, столице фульбского государства Бонду, все обошлось благополучно. Парку удалось добиться, по его собственным словам, довольно вежливого обращения со стороны альмами, который с таким недоброжелательством отнесся к Хаутону и был, по всей вероятности, повинен в гибели майора. Помогли, очевидно, подарки—табак, ящичек пороху, зонтик,— которые очень понравились правителю.

Парк был даже удостоен особой чести—его представили десяти женам альмами. Вот тут-то ему впервые и довелось столкнуться с африканской любознательностью: женщинам было необходимо во что бы то ни стало удостовериться, что нос у путешественника не приклеен. Наконец они пришли к единодушному заключению, что его вытягивали щипцами до тех пор, пока он не принял теперешнюю неестественную форму. А кожа у чужестранца белая потому, решили женщины, что в детстве его купали в молоке. В ответ шотландец учтиво похвалил черную кожу и плоские носы африканок, чем доставил им большое удовольствие. Однако они не преминули заметить, что в Бонду не в почете «медоточивые уста».

Женщины стали относиться к Парку с еще большей симпатией, когда он подарил им лекарства. Народная медицина у фульбе, отмечает путешественник, довольно хорошо развита. Они знакомы с причинами возникновения многих болезней и уважительно относятся к лекарственным веществам, несмотря на широкое применение и таких средств, как заклинания и колдовство. Африканки в свою очередь снабдили путешественника

рыбой и бочонком меда. Альмами же подарил ему на дорогу пять унций золота, сообщив, что на них тот сможет покупать в дороге продовольствие.

Дальнейший путь Парка лежал на северо-восток, к государству Каяга (более известному как Галам), населенному народом серер⁷. Здесь в городке Джоаг (в двухстах сорока семи милях от Пизании) произошел первый неприятный инцидент. 25 декабря среди ночи путешественник был разбужен прискакавшими от правителя всадниками. Его обвиняли в нарушении обычая обязательного подношения подарка правителю и в неплате торговый пошлины. В результате этого визита Парк остался без денег и без пищи.

Спустя несколько дней в Кассоне, другом государстве малинке, повторилось то же самое. Племянник кассонского правителя, который вел дипломатические переговоры в Каяге и вызвался проводить Парка, потребовал за это права перетрясти его багаж. Таким образом, пройдя не более трети пути, Парк лишился почти всех товаров, предназначенных для подарков вождям и покупки продовольствия. К счастью, 10 января 1796 года Парк и его спутники прибыли в Джамбо, на родину кузнеца, и были приглашены остаться на пышную встречу, приготовленную ему родственниками. Там они провели два дня и участвовали в развлечениях и пирах.

Особенно врезалась в память Парка трогательная встреча вернувшегося сына с его старой слепой матерью. «Эта умилительная сцена полностью убедила меня в том, что если и существует разница между негром и белым в форме носа и цвете кожи, то ее нет в нежных чувствах и характерных чертах нашей общей человеческой природы», — записал Парк в дневнике.

Из Джамбо отправились в Кониакари, столицу Кассона. Правитель Демба Сего Яйла, в свое время помогавший Хаутону, обещал покровительство и Парку. Он сообщил, что подарил майору белую лошадь (знак особого расположения), на которой тот отправился в соседнюю страну Каарту, где и оборвалась его жизнь. Однако обстоятельства гибели Хаутона были правителю неизвестны.

Демба сдержал слово и дал Парку проводника,

⁷ Серер входят в ту же атлантическую группу народов, что и фульбе.

предупредив, что назревает война и его ждут большие трудности. Как только путники добрались до территории княжества Каарта, обстановка изменилась. Отношения этого государства с Каягой и Бамбарой⁸, восточным соседом, были крайне напряженными. Жители пограничного города Лакараго были охвачены паникой. Ожидали нападения бамбарской армии. Дороги были забиты беженцами, спешившими укрыться в Кассоне.

Непосредственным поводом к военному конфликту, как узнал Парк, послужил угон стада, совершенный маврами в пограничной бамбарской деревне. Скот был куплен каартским вождем. Воспользовавшись этим, бамбарский владыка (*манса*), который стремился помешать слишком быстрому, по его мнению, возвышению Каарты, объявил ее правителю — *даиси* — войну. Сделал он это, на наш взгляд, весьма любопытным образом. Гонец мансы передал даиси пару железных сандалий со словами, что каартский правитель «износит их в бегах гораздо раньше, чем долетят до него бамбарские стрелы».

Каарта готовилась отразить нападение бамбарского войска. В то же время даиси разрешил жителям, которые «не имеют оружия или боятся войны, укрыться в соседних дружественных странах». Они всегда смогут вернуться на родину, заверил правитель, «если сохранят строгий нейтралитет». В противном же случае «лучше сломают ключи от своих домов, двери которых будут для них навсегда закрыты».

Война не смутила Парка. Он мужественно продолжал путь и 12 февраля достиг Кеммо, столицы Каарты. Даиси Курабарри принял путешественника, восседая на земляной скамье, покрытой леопардовой шкурой. Он благосклонно выслушал его, но в покровительстве и разрешении на продолжение пути по его стране отказал. Сообщение между Каартой и Бамбарой, населенными родственными и недавно еще дружественными народами, сказал он, отныне прервано. Даиси посоветовал Парку вернуться в Кассон и дожидаться там окончания военных действий, иначе ему не избежать гибели. Если же он поедет прямым путем в Бамбару, его обязательно примут за шпиона. Военные действия, по мнению правителя, продлятся не более двух-трех месяцев. По окончании их, «если он останется жив, то с удо-

⁸ Бамбара более известна как государство Сегу.

вольствием со мной увидится,—приводит Парк слова даиси,—если умрет, то его сыновья позаботятся обо мне».

Парк не внял совету. Приближался дождливый сезон, и он опасался, что вскоре вообще не сможет продолжать путешествие. Видя его нетерпение, даиси предложил шотландцу идти на север и через территории, населенные маврами, пробираться в Бамбару. Дал правитель и конвой — восемь всадников, которые сопровождали Парка до самой границы маврских кочевий.

18 февраля достигли Симбинга, деревни, лежавшей в глубоком ущелье, как бы сдавленной со всех сторон скалами. Отсюда Хаутон отправил свое последнее письмо. Местные жители сообщили Парку подробности гибели путешественника, обманутого и брошенного в пустыне без денег и пищи торговцами солью. Показали они и место, где было найдено его тело. Печальные мысли навевала эта история. Однако поворачивать назад было уже поздно.

Начались военные действия между Каартой и Бамбарой. Девятитысячная бамбарская армия разрушала пограничные города Каарты и быстро продвигалась к столице. Даиси со двором и отрядами гвардии укрылся на севере, в Гендингуме. Несколько раз манса пытался взять эту горную твердыню. Не добившись успеха, бамбарский правитель обратился за помощью к маврам⁹. Они обещали прислать войско, однако слова своего не сдержали. Мансе пришлось отступить.

Но война на этом не кончилась. Против Каарты выступил Кассон, правитель которого умер, а два его сына вели борьбу за власть. Один из них, потерпев поражение, укрылся в Гендингуме, на штурм которого шло кассонское войско.

Воспользовавшись трудным положением даиси, против него подняли восстание беженцы из Каарты, в самом начале войны предавшие родину и выступившие на стороне Бамбары. Не смея возвратиться домой, они задумали свергнуть правителя и в свою очередь обратиться за помощью к вождю государства мавров, которое Парк называет «Людомар»¹⁰.

⁹ Парк употребляет название «мавры» по отношению ко всему мусульманскому населению, за исключением мусульман-фульбе, которых он называет «фула».

¹⁰ Людомар — правильное улад-мбарек, одно из племен мавров.

В этой военной сумятице Парка, естественно, ожидали большие трудности. Из Симбинга он отправился в Дьяру, город, находившийся в зависимости от людомарского правителя Али. Отсюда Мунго послал гонца к Али с просьбой разрешить проехать через его владения в Бамбару. Спустя две недели был получен положительный ответ. 27 февраля, в разгар военных действий, когда бамбарские отряды жгли города Каарты и уводили сотни жителей в плен, Парк отправился в путь. С ним пошел один Демба. Джонсон отказался сопровождать шотландца в страну «фанатичных мусульман».

Вскоре начались злоключения. В деревню, в которой путники остановились на ночлег, ворвались всадники. Они потребовали, чтобы европеец немедленно отправился к людомарскому правителю в военный лагерь Беноум. Парк оказался в плену у мавров, о чем он всегда вспоминал с ужасом и говорил, что «никогда не переживал в своей жизни более тяжелых дней». Неизменно отмечая доброту, гостеприимство, веселый нрав малинке, путешественник подчеркивал, что «мавры склонны к жестокости и коварству». Между тем недоверчивое отношение мавров к Парку во многом оправдывалось сложной политической обстановкой. Возможно, их подозрительность усиливалась сведениями о захватнических действиях европейцев, полученными от магрибинских купцов, с которыми мавры поддерживали постоянные торговые отношения. Несомненно, их неприязнь усугублялась и религиозными мотивами.

Беноум лежал между Сенегалом и Нигером на южной границе Сахары, подступающей к 15-му градусу северной широты. По песчаной равнине были беспорядочно разбросаны палатки, между которыми паслись стада верблюдов.

Все племена мавров (в том числе и людомарское) занимались отгонным скотоводством. В июле, когда начинались дожди, они перегоняли в Сахару стада крупного рогатого скота, основное свое богатство, а в феврале, с наступлением сухого сезона, откочевывали с ними от границ пустыни к югу.

Правитель Али помещался в одной из палаток, больше других по размеру. Это был старый человек угрюмого вида с длинной седой бородой. Он осведомился у Парка, не говорит ли тот по-арабски. Услышав отрицательный ответ, изумился и замолчал. Затем последо-

вали жестокие шутки. Путнику предложили убить дикую свинью и приготовить себе ужин из свинины, никогда не употребляемой в пищу мусульманами. К хижине, куда Парка отвели на ночлег, была привязана свинья. Около нее постоянно толпились взрослые, глумившиеся над «неверным», и дети, дразнившие животное.

Все вещи, в том числе одежда и компас, были у путешественника отобраны. День проходил за днем, а Парк ничего не знал о своей дальнейшей судьбе. До него доходили слухи, что его хотят убить или по крайней мере выколоть глаза, «похожие на кошачьи». Али, правда, обещал отпустить европейца, как только в лагерь вернется его любимая жена Фатима, которая много слышала о «белых» и хотела сама посмотреть на чужестранца.

Тем временем шотландского хирурга пытались превратить в брдобрея, но он порезал голову первого же клиента — людомарского принца — и был отстранен от должности. Решив, что христианин ни на что не способен, мавры стали обращаться с ним еще хуже. На улицах толпа постоянно потешалась над «неверным», срывала с него одежду, требовала, чтобы он читал мусульманские молитвы. Время тянулось медленно. Чтобы как-то скоротать его, Парк принялся за изучение местного мавританского диалекта арабского языка. Отношение к пленнику после этого слегка улучшилось. Кормили его, правда, по-прежнему плохо. Слуги Али часто вообще забывали принести ему пищу, и Парк очень ослабел от голода и лихорадки, которой заболел с наступлением дождливого сезона.

В это время начали распространяться тревожные вести. Отряды бамбарского правителя, желавшего наказать Али за вероломство, приближались к Беноуму. По численности они вдвое превосходили людомарское войско, которое едва достигало двух тысяч всадников. 30 апреля мавры свернули лагерь и отступили на север, к Бубакеру. Это еще больше ухудшило и без того тяжелое положение пленника.

Путь был трудным. Кругом простиралась песчаная пустыня. Стояла жара, убившая всю растительность и высушившая водоемы. К попадавшимся изредка колодцам Парка не подпускали, боясь, как бы «христианин не осквернил воду источников, вырытых верными учениками пророка». Если бы не невольники-негры (сами

обездоленные, они тем не менее давали Парку немного воды и пищи), путешественнику пришлось бы совсем туго. 3 мая дошли до другого военного лагеря, расположенного недалеко от Бубакера. Там и находилась любимая жена Али — Фатима. Парку было приказано немедленно к ней явиться. Он увидел молодую женщину с «прекрасными арабскими чертами лица и длинными до полу волосами». Однако она была невероятно толста, что, правда, считалось большим достоинством у мавров. Путешественник, интересно рассказывавший о европейских странах и обычаях, понравился Фатиме, и она взяла его под свое покровительство.

Прошел, однако, еще месяц, прежде чем, используя эту неожиданную защиту, Парку удалось освободиться. Помог случай. Али решил откликнуться на просьбу беглых каартанцев и прислал им в помощь конный отряд. Дело в том, что людомарскому правителю представлялся отличный случай дать своим воинам возможность поживиться за чужой счет. «Сила людомарской армии — в ее коннице,— отмечал Парк.— Каждый всадник имеет ружье, кожаный мешочек для пуль и привязанный к спине рог с порохом. Воины не получают никакого жалования, зато им достается любая добыча, которую они могут захватить во время военных действий».

В Дьяру на переговоры Али отправлялся в сопровождении двухсот всадников, намереваясь поторговаться с восставшими относительно цены за свои услуги. Парк упросил правителя (помогла имевшая большое влияние на мужа Фатима) взять его с собой, так как из Дьяры было легче осуществить побег. Али разрешил шотландцу ехать, но только одному, без Дембы, сославшись на то, что пленник может убежать и с мальчиком ему будет нетрудно добраться до враждебной Бамбары. Проводника Парку обещали возвратить лишь по окончании военных действий, да и то за сумму, равную стоимости одного раба.

27 июня неожиданно пришло известие о разгроме отрядов восставших каартанцев и их союзников мавров. Войска даиси подступали к городу. Воспользовавшись паникой, Парк бежал. Смешавшись с толпой жителей, спешно покидавших Дьяру, он укрылся в лесу, затем по компасу (возвращенному по приказанию Фатимы) взял направление на юго-восток, к Бамбаре. Когда Парк понял, что избавился наконец от опасности

быть выслеженным слугами Али, безмерная радость охватила его. «Я был как человек, оправившийся от тяжелой болезни,— рассказывал он впоследствии,— вздохнул всей грудью и почувствовал необыкновенную легкость во всем теле, даже пустыня показалась мне симпатичной».

Вскоре, однако, Парк понял, что положение его весьма плачевно. У него не было ни пищи, ни воды, ни денег. В полдень, когда солнечные лучи с удвоенной силой отражаются от раскаленного песка, а в нагретом воздухе возникают миражи, последние силы покинули путника. Умирая от жажды, он упал в полубморочном состоянии на песок.

Прошло некоторое время, как вдруг на небе заметались отблески молний. Ветер зашумел в чаще. Хлынул ливень, продолжавшийся более часа. Расстелив все свои одежды, чтобы собрать в них воду, Парк наконец-то, смог утолить жажду сам и напоить коня. Продолжая путь при свете молний, он вскоре вышел к фульбской деревне Шрилла и с ужасом узнал, что она принадлежит Али. Но выбора не было: и сам путник, и его конь умирали от голода. Парк направился к дому старейшины. Однако там он не получил приюта. Повернув от негостеприимной двери, путешественник поехал вдоль улицы. За стеной, опоясывавшей селение, он увидел полуразвалившиеся хижины и направился к ним, полагая, что «в Африке, как и в Европе, гостеприимство не всегда живет под кровлей богатых домов». На пороге одной из хижин сидела старая женщина и прядла хлопок. «Я показал ей знаками, что голоден,— рассказывал Парк,— и спросил, нет ли у нее в хижине чего-нибудь съестного. Она немедленно отложила свою прялку и обратилась ко мне по-арабски, приглашая войти. Когда я опустился на пол, она поставила передо мной целое блюдо с кускусом¹¹». На следующее утро — снова в путь. Вскоре Парк удостоверился, что он — на верной дороге. 5 июля показалась Вавра, небольшой каартский городок, который в последнюю войну был захвачен Бамбарой и платил ей дань. Людомар и тирания Али остались позади. Жители Бамбары относились к путнику с большим любопытством, однако проявляя при этом неизменное радушие. По виду чужестранца они решили, что перед ними — самый бедный человек на

¹¹ Просяная каша с острым соусом.

свете. Ему везде предоставляли кров, давали хлеба, а нередко и кружку молока.

Так, без всяких злоключений он проследовал через Дингайе, Вассибу, Мурию, крупный центр торговли солью, которую привозят маврские купцы и обменивают на зерно и хлопчатобумажные ткани. Повсюду вокруг городов и поселков Парк видел обширные, тщательно обработанные поля фоню (африканское просо), на склонах холмов — кукурузы, в заболоченных речных долинах — риса. «Как говорят сами местные жители, зерновые у них возделываются в таком количестве, что они не знают, что такое голод... На полевые работы бамбара отправляются вооруженными, так как они все еще опасаются нападения людомарских отрядов». Однажды сам Парк оказался причиной подобной тревоги. Он сильно загорел, оброс густой бородой и стал очень походить на мавра. Путешествовал он уже не один, а с группой беженцев из Каарты, которые, устав от вероломства Али, намеревались теперь отдаться под покровительство мансы. Едва путники приблизились к Сатиле, как увидели, что город объят паникой. Работавшие на полях люди приняли их за мавров и, разбежавшись, встревожили громкими криками всю округу. Отовсюду спешно сгоняли скот и лошадей. Городские ворота закрылись, и жители встретили пришельцев с ружьями в руках. Великого труда стоило рассеять это недоразумение.

Парк знал, что он приближается к Нигеру и достигнет реки у большого торгового города, расположенного на ее берегах. 19 июля, едва вышли в путь, как им повстречалась группа рабов — около семидесяти человек, купленных на рынках Сегу. «По семи человек были связаны за шею ремнем из кожи буйвола, между семерками шли стражники с мушкетами. Многие рабы, большинство женщины, были больны. Позади группы шел слуга Сиди Мухаммеда, магрибинского купца, которого я встречал в лагере Беноум. Он узнал меня и рассказал, что эти рабы через Великую пустыню будут переправлены в Марокко». Вскоре появились владельцы рабов — двадцать обвешанных мушкетами мавров¹² на лошадях.

¹² По всей вероятности, это были не улад-мбарек, с которыми Бамбара еще находилась в состоянии войны, а мавры других племен Западной Сахары.

Спутники Парка сообщили ему, что на следующий день он увидит Нигер, или Джолибу («Великую реку»). Наконец-то, после семи с половиной месяцев скитаний, Парк оказался так близко к цели путешествия. Не удивительно, что еще до восхода солнца он был в седле. Однако из-за опасности нападения львов и других диких зверей, которыми кишела округа, городские ворота открывались значительно позже. Дороги уже были буквально забиты пешеходами, спешившими со своими товарами на рынок в Сегу, над крышами домов которого Парк увидел легкие дымки...

Путешествовавшие вместе с Мунго каартанцы охотно взялись представить его бамбарскому правителю. Приближались к городу, и Парк поминутно оглядывался, ища реку. Вдруг один человек из их группы воскликнул: «Geo affilli!» («Смотри, вода!»). «Взглянув вперед, я, безгранично обрадованный, увидел наконец основную цель моей миссии, долгожданный величественный Нигер, который, блестя под утренними лучами солнца, широкий, как Темза у Вестминстера, медленно катил свои воды к востоку».

То, что река течет на восток, не удивило путешественника. Хотя, отправляясь из Европы, он не только не был в этом уверен, но и придерживался (как большинство английских ученых-географов) прямо противоположного мнения. Однако уже во время странствий у него составилось четкое представление о восточном направлении реки. Местные жители неизменно говорили, что Нигер «течет к восходящему солнцу». «Особенно уверился я в этом, когда узнал,— пишет Парк,— что майор Хаутон собрал подобную же информацию». Так, благодаря мужеству, терпению и воле шотландского путешественника была решена загадка великой западноафриканской реки. Парк выяснил не только это. Он убедился также в том, что ни Сенегал, ни Гамбия не соединяются с Нигером и что, следовательно, не в этих районах надо искать его истоки.

У Сегу (на территории нынешней Республики Мали) река действительно широка — достигает тысячи трехсот шестидесяти метров. С удовольствием смотрел Парк на противоположный берег. «Вид огромного города, множество каноэ, пересекающих реку, многочисленное население, вокруг обработанные земли — все это свидетельствовало о таком развитии цивилизации, что, ско-

рее, вызывало в памяти центральные районы Англии, нежели напоминало дикие дебри Африки, как они нам обычно представляются», — записывает он в дневнике.

Сегу был тогда одним из крупнейших городов Западного Судана. Река разделяла его на две части; каждая в свою очередь состояла из двух кварталов: Сего Корро и Сего Бу — расположены на северном берегу, Сего Сукорро и Сего Сикорро — на южном. Вокруг кварталов тянулись высокие глиняные стены. Жителей, по подсчетам Парка, было около тридцати тысяч. Они жили в глинобитных квадратных в плане домах с плоскими крышами; некоторые дома были двухэтажными. Большинство построек выкрашены в белый цвет. Улицы узкие (что характерно для страны, не знающей колеса); в каждом квартале — мечеть.

Резиденция правителя была расположена на противоположном берегу, в Сего Сикорро. Не зная, с какой целью явился путешественник, манса не разрешил Парку переправиться с северного берега Нигера на южный, и ему пришлось жить в прибрежной деревне. Жители ее занимались рыболовством. С восхищением наблюдал Парк, с каким искусством они строили каноэ. Лодки были больших размеров, хотя и не имели ни палубы, ни мачт; сооружались они из двух стволов деревьев, которые выдалбливались изнутри и соединялись концами. Грузоподъемность этих чрезмерно длинных и непропорционально узких лодок была большая. Парк видел, как в одной из них одновременно перевозили четырех лошадей и нескольких человек.

Приютила путешественника одна старая женщина. Возвращаясь с поля, она заметила оборванного путника, пожелала узнать его историю и, сжалившись, пригласила к себе в дом. Голодный Мунго получил на ужин испеченную в горячей золе рыбу, которая показалась ему необыкновенно вкусной. У этой женщины часто собирались родственницы и соседки; они пряли хлопок и пели. С удивлением услышал Парк, быстро освоивший местный диалект мандингского языка, в одной из песен рассказ о своей судьбе. «Ветры дули, дожди лили, — запевала одна из женщин, — бедный белый человек, слабый и изможденный, пришел и сел под наше дерево. У него нет матери, которая принесла бы ему молока, нет жены, которая смолола бы зерна». Хор

подхватывал: «Давайте пожалеем белого человека, у которого нет матери», и т. д.

В этой деревне Парк прожил до 23 июля, но так и не был допущен к правителю. Манса прислал к нему чиновника, который осведомился о точной цели принятого путешествия. Услышав, что столь опасный и долгий путь проделан единственно для того, чтобы увидеть Джолибу, африканец спросил: «Неужели в твоей стране нет никаких рек и разве все реки не похожи одна на другую?» Ответ на этот естественный вопрос не мог не возбудить подозрений. Между тем маврские купцы и работорговцы Гамбии постарались настроить мансу против путешественника. Они опасались (и не без оснований), что Парк послан британским правительством для сбора информации, которая позволит англичанам забрать в свои руки всю торговлю в Западном Судане.

Чтобы выполнить все поставленные перед ним задачи, Парк решает продолжать путь на восток. Ведь он достиг Нигера, но не побывал в Томбукту и «Хауса». Надо отдать должное правителю Бамбары, который счел возможным снабдить путешественника пятью тысячами каури¹³.

Парк купил себе продовольствие, которого должно было хватить на пятьдесят дней пути. Европейцу следовало немедленно отправляться, если он действительно, как подчеркнул гонец правителя, намерен идти в Дженне.

24 июля Парк достиг Каббы. Жители этого города занимались сбором и обработкой плодов масличной пальмы, которая растет повсюду в лесах Бамбары. Наряду с солью это масло служило основным предметом торговли с внутренними районами. «Масло получают из орехов, которые напоминают испанские оливки,— отмечает Парк,— ядра заключены в мягком плоде, покрытом тонкой зеленой кожурой. Их высушивают на солнце. Затем кипятят в воде. Полученное масло тоньше и приятнее на вкус, чем лучший сорт коровьего».

Сансандинг — центр торговли солью. Ее доставляют из Биру маврские купцы, и ценится она в этих районах, как отмечает Парк, на вес золота.

¹³ Морские раковины, просверленные и нанизанные на веревку; они служили средством обмена. По подсчетам Парка, 250 каури равнялись одному шиллингу.

28 июля через населенный фульбе город Ньями, входивший в состав государства Масина, путешественник направился к Модибу. В лесах, покрывавших берега Нигера в этом районе, водилось много львов. Парк испытывал постоянный страх быть растерзанным хищниками. К тому же ему очень сильно докучали москиты. Изнемогшему путнику пришлось расстаться и с истощенной до крайности лошадью. У местного жителя он достал лодку и еще в течение восьми дней голодный и больной плыл на восток. К тому времени наступил разгар дождливого сезона. Река вздулась и затопила низкие берега. Лихорадка у Парка не прекращалась. 30 июля 1796 года у Силлы путешественник решил повернуть обратно. Он не дошел двухсот миль до Томбукту, легендарного города, к которому на протяжении многих веков стремились португальцы, французы, англичане.

На обратном пути Парку пришлось миновать столицу Бамбары. Местные жители сообщили, что манса намерен его арестовать. Уклонившись к западу, Парк 23 августа вышел к Бамако (ныне столица Республики Мали); тогда это был «город среднего значения», как пишет Парк; он был известен главным образом как центр транзитной торговли солью. Спустя три недели Парк прибыл в Камалию, небольшой город, расположенный у подножия скалистых гор, где добывалось золото. Этот драгоценный металл в стране Бамбара рассеян небольшими зернами в песке или глине. Сбором золота обычно занимаются женщины; затем манса назначает день его продажи.

Один человек может собрать за сезон столько золота, чтобы купить двух рабов. Очень много золота в холмистом районе Буре, в четырех днях пути к северо-западу от Камалии.

В этом городе Парку повезло. В Гамбию снаряжался караван торговца Карфа Таура с рабами, купленными в Кансале, крупном центре торговли невольниками и золотом на Нигере. Работорговец согласился взять Парка с условием, что он расплатится с ним в Пизании. Договорились, что Карфа получит сумму, равную стоимости одного раба. В течение семи месяцев, с сентября по апрель, караван ждал Парка, которого свалила жестокая лихорадка. Болезнь прошла лишь с наступлением сухого сезона.

19 апреля 1797 года невольничий караван вышел в путь. Связанные по четверо за шею рабы несли тяжелые ноши на голове. В основном это были пленные из Каарты, захваченные бамбарскими воинами во время последних боев. Среди них имелось, правда, несколько человек, проданных из-за голода, за долги, а также виновных в совершении тяжких преступлений¹⁴.

Через неделю караван вступил в чащи Фута-Джаллона, в которых за пять дней пути можно не встретить человеческого жилья. Шли с удвоенной скоростью, подгоняемые боязнью отстать и быть растерзанными дикими зверями, вой которых раздавался вокруг. На второй день пути одна из рабынь, Неалея, отказалась от пищи, стала отставать и падать на землю. Ее освободили от ноши. Однако изможденная женщина сказала, что скорее умрет, чем сделает хотя бы один шаг. Удары хлыста, отмечает Парк, заставили ее проташиться еще несколько часов. Затем она упала и, несмотря на побои, была уже не в состоянии встать. Не желая терять деньги, торговец приказал рабам соорудить носилки из бамбука и нести замученную женщину. На следующий день, однако, решили, что она является непосильной обузой, и бросили ее одну погибать на дороге.

4 июня караван наконец прибыл в Медину, столицу Вули, где в декабре 1795 года Парк был так гостеприимно встречен. На следующий день показалась Джинди, там восемнадцать месяцев назад Парк расстался с провожавшим его Лэдли. В этой деревне Карфа арендовал несколько хижин и участок земли, на котором рабы (до их продажи) должны были выращивать для себя овощи и зерно. Парк и работороговец отправились в Пизанию. «Я не мог не испытывать скорби, покидая своих спутников-рабов, которых ожидали в чужой стране унижения и неволя», — вспоминал Парк. Несмотря на собственное несчастье, они всегда стремились облегчить страдания путешественника: приносили ему воду, когда он умирал от жажды, больному, ему сооружали удобную постель из листьев и т. д.

Наконец, после двухлетнего отсутствия, Парк прибыл в Пизанию и был радостно встречен друзьями, которые получили сообщение, что путешественник убит

¹⁴ К продаже в рабство у бамбара обычно приговаривали за убийство, колдовство, прелюбодеяние.

маврами Людомара. 15 июня 1797 года в Гамбию пришел американский невольничий корабль. И спустя два дня Парк, которому не терпелось поскорее попасть домой, отправился на нем в Англию, через Америку. Плавание было тяжелым и долгим. Лишь в декабре путешественник прибыл в Лондон, который покинул два года и семь месяцев назад.

Первое путешествие было закончено. Значение его трудно переоценить. Один, без помощников, не имея достаточных средств, Парк проник в глубь Западной Африки на 1100 миль (считая от Зеленого Мыса) и побывал в местах, куда еще не ступал и уж во всяком случае откуда не возвращался до него ни один европеец. Путешественник пересек границы нескольких государств — малинке, фульбе, мавров, бамбара, определил истоки трех великих рек — Сенегала, Гамбии, Нигера.

Невозможно не воздать должного его упорству в стремлении к достижению цели, мужеству, с которым он встречал всевозможные опасности, настойчивости в преодолении препятствий.

Парку не удалось достичь Томбукту и «Хауса». Однако он видел Нигер, установил направление его течения и обследовал берега реки на 1090 британских миль (до Силлы).

Доклад с основными положениями своих открытий Парк представил Африканскому обществу в мае 1798 года. Для общества уже сам факт возвращения путешественника имел огромное значение. Наконец-то время и деньги, затрачиваемые в течение десяти лет, принесли практические результаты. Британский путешественник проник в сердце Африки и решил одну из ее великих загадок. Он доказал, что Нигер — отдельная река, несущая свои воды с запада на восток, как утверждали древние географы, а не с востока на запад, как считал ал-Идриси.

Комитет общества одобрил доклад Парка и принял решение как можно скорее подготовить к печати его дневник. С этой задачей путешественник справился. Хотя, как явствует из переписки Бэнкса с секретарем общества Эдвардсом, вначале Парк был не в ладах с литературным языком, и Эдвардс (сам написавший интересную книгу по истории Вест-Индии) помогал ему в работе над стилем. Впоследствии участие Эдвардса в

подготовке дневников к печати было сильно преувеличено; его биографы чуть ли не приписывали секретарю общества авторство книги, во всяком случае — первого тома. Разумеется, Эдвардс не мог написать или даже переписать все путевые записки. Как признавался он Бэнксу 30 января 1799 года (спустя несколько месяцев после начала совместной работы), «Парк с триумфом продвигается вперед — он так сильно улучшил свой стиль, что его дневник сейчас нуждается лишь в очень небольших исправлениях». Однако в некоторых разделах дневника простота и естественность, свойственные стилю Парка, уступают место вычурности и предвзятым высказываниям, которые выдают перо Эдвардса.

В апреле 1799 года путевые записки были опубликованы. Весь тираж — 1500 экземпляров — оказался распроданным в течение недели. В том же году последовали второе и третье издания, а в 1800 году — четвертое. Дневник был переведен на французский, немецкий и другие языки. Книга была хорошо встречена и читателями России, которые познакомились с ней в переводе французского ученого, профессора Сорбонны, аббата де Вуазена.

В предисловии Парк дает оценку своему труду, отмечая, что «в основу его композиции легли только правдивые факты». Действительно, дневник поражает четкостью и целенаправленностью; сдержанно ведется рассказ о странствиях, с образцовой точностью воспроизводятся наблюдения. Вместе с тем путешественник не просто регистрирует события, но и рассматривает проблемы, имевшие в тот период особую актуальность для Африки. Книга показывает довольно многостороннюю картину жизни тогдашней Африки, почти незнакомой широкому читателю. Превосходны главы, посвященные описанию образа жизни малинке, бамбара. Автор отмечает, что эти народы создали в дебрях Африки большие, плотно населенные государства, достигшие более высокого развития, чем те, которые существуют на побережье. Парк затрагивает такие вопросы, как домашнее рабство, характер и причины частых междоусобных войн, которые ведут африканские народы. При этом автор проявляет себя не только хорошо подготовленным, но и вполне беспристрастным исследователем. Несмотря на то что ему довелось испытать много невзгод по вине местной знати (привыкшей собирать высокие пошлины

с путников, главным образом торговцев), Парк сохраняет объективный тон. Он стремится понять действия тех или других лиц, с которыми его сталкивала судьба. Так, по поводу поползновений на его имущество и товары Парк пишет следующее: «До того как объявить эти народы более испорченными, чем другие, следует подумать, поступили бы с большей честностью по отношению к чужестранцу в подобных обстоятельствах более развитые народы Европы или нет». Парк высказывает сомнение в том, что у индийского торговца, странствующего по Англии со шкатулкой драгоценных камней, сохранились бы его ценности.

В то же время большинство африканцев относились к путнику с участием, сочувствовали ему в беде и оказывали посильную помощь в лишениях. С особенной теплотой вспоминает Парк об африканских женщинах, которые всегда давали пищу голодному страннику, выхаживали его во время болезни и оказывали покровительство в той мере, в какой это было в их власти.

Одна из глав дневника Парка посвящена рабству в Африке и заслуживает особого внимания. В ней рассматриваются способы и методы обращения африканцев в рабов и, в частности, отмечается, что институт рабства существовал в Африке с древнейших времен; а в заключение приводится весьма двусмысленное высказывание, вокруг которого впоследствии разгорелись жаркие споры. Слова о том, что «запрещение европейской работорговли при нынешнем непросвещенном состоянии умов (африканцев) не будет иметь такого широкого и положительного эффекта, как хотели бы думать многие мудрые и значительные люди», звучали вызывающе. Не только в этой фразе, но, пожалуй, и «во всем тоне, стиле и высказываниях, приведенных в разделе о рабстве в Африке, нельзя не усмотреть руку Эдвардса», — признавали издатели дневника Парка. Действительно, проведший большую часть своей жизни в Вест-Индии и наживший там огромное состояние, Эдвардс выступал с середины 90-х годов XVIII века яростным противником запрещения работорговли и рабского труда на плантациях. Не удивительно, что он воспользовался зависимым положением Парка, который жаждал поскорее увидеть свой труд напечатанным.

Так или иначе, это заявление, сделанное в период ожесточенной борьбы за отмену торговли невольника-

ми, было немедленно использовано противниками аболиционистов, и сам путешественник попал в число защитников работорговли. Между тем друзья и родственники Парка отмечали, что он часто выражал свое негодование по адресу работорговцев и порицал использование труда невольников на плантациях, едва об этом заходила речь. Однако сам Парк «считал запрещение работорговли делом государственной политики, и поэтому полагал, что он не вправе высказывать свое частное мнение по вопросу такой важности, которым занимаются законодательные власти».

Под воздействием ли этих соображений или стараниями Эдвардса, но в дневниках путешественника нет ни слова об истинных вдохновителях работорговли, о европейских невольничьих рынках, о пагубном влиянии торговли людьми на Африку и т. д. Однако, несмотря на это «намеренное молчание», факты, которые приведены в книге о бесчеловечности хозяев невольничьих караванов, жестоком обращении с рабами, ужасах рабской доли, говорят сами за себя. Они свидетельствуют, что Парк не мог не быть врагом работорговли. И уж во всяком случае он никогда не стал бы выступать против запрещения торговли невольниками, как пытались утверждать в то время некоторые политические деятели и официальные британские биографы знаменитого путешественника.

Среди результатов первого путешествия Парка на первом месте по научной значимости стояло решение вопроса о направлении течения Нигера. Это было действительно крупнейшее научное достижение. Однако Парк, доказав, что река течет на восток, не ответил на другой вопрос: куда она впадает? И больше того: «реабилитация» точки зрения Геродота воскресила предположение географов древности о слиянии Нигера и Нила; в самом деле, раз воды Нигера текут с запада на восток, почему они не могут где-то в не исследованных еще центральных областях Африки слиться с водами Нила? Правда, этот взгляд встретил возражения; против него, в частности, высказался такой крупный ученый, как английский географ Джеймс Реннел (о нем у нас еще пойдет речь). Но когда европейские путешественники расспрашивали, например, египтян, туманные ответы людей, которые сами не больно-то хорошо представляли себе, где Нил начинается и какие реки в него

впадают, можно было истолковать и в том смысле, что в Нил действительно вливается где-то далеко на юге большая река с Запада. Тем более что на тех, кто получил традиционное мусульманское образование, могли влиять воззрения арабских предшественников ал-Идриси, а для них единство «Нила Египта» и «Нила черных» было само собой разумеющимся. И когда в 1797 году Африканское общество дало задание очередному исследователю попытаться достигнуть Нигера с севера, молодой немецкий ученый Фридрих Хорнеман, которому предстояло осуществить эту задачу, решительно примкнул к сторонникам теории единого Нигера — Нила.

ХОРНЕМАН (1797 — 1802)

Весной 1796 года, когда Парк находился еще на пути к Нигеру, в Африканском обществе не сомневались, что он в недалеком будущем откроет исток и верховья реки. Теперь, по мнению Бэнкса и его коллег, было самое время обратить внимание на ее среднее течение. Отсюда и возник проект попытки проникнуть во внутренние области Африки с севера, по древней караванной дороге через Сахару. Дело было за человеком, которому можно было бы поручить такую миссию.

И как раз этой же весной Бэнкс получил письмо из Гёттингена. Известный анатом и антрополог профессор Блюменбах настоятельно рекомендовал вниманию казначея общества двадцатичетырехлетнего Фридриха Хорнемана, которого знал с 1791 года, еще с тех пор, когда тот учился в Гёттингенском университете. «Я досконально изучил его характер, способности, особенности,— писал Блюменбах,— и теперь могу с уверенностью утверждать, что вряд ли найдется другой человек, более подходящий для осуществления задуманного Вами предприятия». Профессор заверял Бэнкса, что мог бы сам заняться подготовкой Хорнемана к будущей экспедиции. С ним молодой человек будет изучать географию, историю, минералогию и ботанику Африки, а с его коллегами — арабский язык, математику и астрономию. Профессора-медики обеспечат Хорнеману определенный минимум медицинских знаний.

Предложение было заманчивым, но Бэнкс ответил осторожно: «Если Хорнеман действительно таков, каким Вы его описываете, то он весьма напоминает человека, поисками которого мы как раз заняты». Блюменбах был уверен в своем протееже и сразу же переправил ответ в Ганновер, где Хорнеман работал учителем. К великому удивлению профессора, Фридрих появился на пороге его кабинета задолго до того, как письмо, по всем расчетам, должно было прийти в Ганновер. Выяснилось, что о письме Бэнкса молодой человек ничего не знает: он просто решил совершить для тренировки пеший переход от Ганновера до Гёттингена, ведь если ему предстоит поехать в Африку, там придется много путешествовать пешком.

Да, Фридрих Хорнеман готовил себя к Африке с детских лет. Еще в школе он с упоением рассказывал товарищам вычитанные из книг о путешествиях истории о тропических странах. В университете он все свободное время тратил на сбор географических, этнографических и исторических сведений об Африканском континенте. И Блюменбах, почувствовавший в Хорнемане настоящий талант исследователя, решительно поддержал намерение студента посвятить себя изучению неизведанных стран Африки.

Узнав об ответе из Лондона, Хорнеман за одну ночь составил подробный план экспедиции к Нигеру с северного направления, и наутро этот план был отослан в Африканское общество. Он предусматривал обширную программу исследований в Кацине и соседних странах: изучение языка, религии, форм правления и отношений между правителями и подданными, нравов и обычаев жителей, организации и тактики войска, наконец,— проблем работорговли.

3 июня 1796 года, за полтора месяца до выхода Парка к Нигеру, комитет общества одобрил предложенный Хорнеманом план. А спустя семь месяцев, в конце февраля 1797 года, Фридрих отправился из Гёттингена в Англию и 20 марта предстал перед джентльменами из комитета. Ему было объявлено, что общество сочло возможным принять его предложения, и одновременно изложены условия, на которых оно это делает. В течение последующих пяти лет молодому человеку будут выплачивать по двести фунтов в год (заметим, что эта сумма была довольно скромной: при пятнадцати шил-

линггах в день за время пребывания в Африке годовой оклад Парка составлял больше двухсот семидесяти фунтов). Правда, все расходы на снаряжение экспедиции общество брало на себя. Но Хорнемана денежная сторона дела беспокоила мало, единственно, о чем он просил,— если связь с ним станет невозможной, переслать деньги его матери в Ганновер.

На что рассчитывали в Африканском обществе, отправляя в Египет Хорнемана, можно увидеть из доклада Бэнкса на общем собрании общества 25 мая 1797 года. «Комитет возлагает большие надежды на нашего нынешнего сотрудника Хорнемана,— говорил сэр Джозеф.— Его крепкое телосложение, пылкое рвение и настойчивое стремление к цели, широта знаний, приобретенных в результате отличного образования, открывают для нас прекрасную перспективу получения от него талантливой трактата об очень интересных открытиях». А через месяц, 23 июня, на заседании комитета общества было сказано: «Недавние сообщения, полученные относительно реки Нигер, дают все основания считать, что она течет на восток и оканчивается в огромном озере или на побережье Средиземного моря. Чрезвычайно важно, чтобы Хорнеман собрал всю возможную информацию по этому вопросу».

Ключ к решению проблемы Нигера комитет видел в исследовании стран хауса, в особенности же — Кацины, о географическом положении которой строились самые различные догадки. Ближайший путь к ней шел из Триполи через Мурзук; тем не менее было решено отправляться с востока, из Каира.

Серьезные трудности возникли в связи с необходимостью на пути в Египет пересечь территорию Франции, которая почти постоянно в тот период находилась в состоянии войны с Англией. Переговоры по этому вопросу заняли значительное время. Хорнеман сгорал от нетерпения и жаловался в письмах к друзьям «на равнодушные к нему правительства Великобритании». В конце июня разрешение на проезд через Францию в Марсель было наконец получено.

В июле Хорнеман попал в Париж. В течение десяти дней, проведенных во французской столице, он познакомился со многими учеными и установил контакт с консулами, служившими в Северной Африке. Наиболее полезным оказалось знакомство с турком из Триполи —

Мухаммедом Д'Гисом, который был одним из влиятельнейших людей и, что особенно важно при данных обстоятельствах, сам много путешествовал. Он готов был оказать всяческое содействие европейскому исследователю. Мухаммед советовал Фридриху ехать не в Каир, а сразу в Триполи, так как оттуда легче пробираться в глубь Африки. Однако Хорнеман не мог по собственному усмотрению менять заданный маршрут и попросил снабдить его рекомендациями в Каир. «Я полагаю,— писал он Бэнксу 12 июля 1797 года,— что весьма полезно быть представленным мусульманам через их соотечественника». Перед отъездом Мухаммед вручил Фридриху письмо к своему каирскому другу, который был знаком со многими купцами из внутренних областей Африки.

31 августа Хорнеман был уже на Кипре; через две недели — в Александрии. Там его встретил британский генеральный консул и препоручил поверенному в делах в Каире. По прибытии в начале октября в столицу Египта Фридрих сразу же занялся совершенствованием своих познаний в арабском языке. Через две недели он направляет обществу отчет о пребывании в Каире. Ответ приносит новость особой важности. Парк открыл Жюлибу, или Великий Нигер, и обследовал реку на протяжении двухсот миль. Однако он не достиг Томбукту, до которого «оставалось еще четырнадцать дней пути; возможно, это бы ему удалось, переоденься он мусульманином», — сообщал Бэнкс.

Идея отправиться в путь в мусульманском платье пришла Хорнеману по душе. Такая затея находит ревностного сторонника в лице Иозефа Френденбурга, с которым Фридрих случайно познакомился в Каире. Этот уроженец Кёльна при обстоятельствах, оставшихся неизвестными, был вынужден десять лет тому назад принять мусульманство и поселиться в Египте. Свободно владевший арабским и турецким языками, хорошо принятый в местных мусульманских кругах, он был своего рода находкой и мог оказаться весьма полезным для Хорнемана в его странствиях. Фридрих предложил Френденбургу отправиться вместе в Мурзук.

Принялись за обсуждение возможных вариантов путешествия. Вначале мысль о переодевании показалась слишком дерзкой. Но по зрелом размышлении пришли к выводу, что в Каире много мамлюков и насе-

ление привыкло к виду светлокожих мусульман. Хорнеман еще не говорил правильно по-арабски, но побывавшие в Мекке встречали там верных сынов пророка, которые также не владели свободно этим языком. И последние сомнения отпали.

Весной 1798 года Хорнеман установил контакт (по всей вероятности, при помощи рекомендаций парижского знакомого) с группой торговцев, намеревавшихся отправиться в Феццан. Вскоре, однако, разразились события, которые грозили сорвать все дальнейшие планы путешественника. В апреле в Каире вспыхнула эпидемия чумы. Караван, собиравшийся в Феццан, распался. Хорнеман заперся в своем доме и постарался по возможности изолироваться от внешнего мира. Не успела пройти эта опасность, как стала грозить другая, значительно бóльшая.

В начале июля в столице Египта было получено известие, что сорокатысячная французская армия, возглавляемая генералом Бонапартом, высадилась в Александрии. Одержав в июле победу над мамлюкской армией в сражении, известном как Битва у пирамид, французы вступили в Каир.

Еще до этого все европейцы (в том числе и Хорнеман) были интернированы турецкими властями, которые боялись, как бы мусульманское население, возмущенное французским вторжением, не выместило свой гнев на всех «неверных» без разбора. После прихода французов выпущенному на волю Хорнеману помогли двое крупных ученых из числа сопровождавших Наполеона в походе — химик Клод Луи Бертолле и математик Гаспар Монж. Они представили путешественника французскому главнокомандующему. Наполеон, всегда интересовавшийся наукой не только из меценатства, но и по чисто практическим соображениям, приказал выпустить Хорнемана из Египта и снабдить его средствами, необходимыми для осуществления задуманных исследований. Это было весьма кстати, так как все операции английских банков со времени вступления в Египет наполеоновской армии были прекращены и Фридрих оказался совершенно без денег.

Обо всем этом Хорнеман докладывал секретарю Африканского общества Эдвардсу в письме от 31 августа 1798 года, которое за личной печатью Наполеона было переправлено по указанию главнокомандующего в

Лондон¹⁵. Фридрих сообщал также, что намерен отправиться в путь под видом мусульманского купца. «Предвижу возражения, что меня может ожидать та же участь, что и майора Хаутона,— писал он.— Отвечаю на это: путешествуя как мусульманский торговец, я никогда не буду в пути один, а всегда с караваном, купцы которого выступают как единое целое». Путешественник извещал Бэнкса о том, что полон решимости преодолеть все препятствия, стоящие на пути к достижению цели, и сделает больше, чем Парк, о неудаче которого «сожалею,— писал Хорнеман.— Надеюсь, что мне повезет больше».

5 сентября 1798 года Хорнеман и Френденбург, чрезвычайно довольные, что выпутались из сложной ситуации, отправились с группой торговцев из Каира в Мурзук, столицу Фецана. Предварительно они пероделались мамлюкскими купцами. Хорнеман назвался Юсуфом ибн Абдаллахом. Арабы ехали целый день без остановок для отдыха или еды. Лишь вечером они сделали привал. Собрали топливо, развели огонь и стали готовить пищу. Как обычно, она состояла из муки, лука, бараньего сала и растительного масла. Все это вместе варилось в котле и представляло, как отмечал Хорнеман, нечто среднее между густым супом и пудингом. Каждый готовил себе отдельно. Путешественники, дабы не возбуждать подозрений, последовали примеру остальных.

Один раз Фридрих чуть было не выдал себя. Это случилось в оазисе Сива, который за шесть лет до того посетил другой европейский путешественник, В. Браун, оставивший интересное описание встреченных там древних развалин. Хорнеман не мог удержаться и все время стоянки каравана посвятил изучению этих руин. «Ты, несомненно, христианин,— решили жители оазиса, наблюдавшие, как он делает зарисовки и измерения,— иначе, зачем тебе так часто ходить смотреть эти постройки, созданные неверными». С большим трудом удалось Хорнеману восстановить свою репутацию «правоверного мусульманина», и то лишь после того как он продемонстрировал отличное знание Корана.

Из Сивы караван направился к оазису Ауджила,

¹⁵ Наполеон разрешил отправить и другие письма путешественника при условии, что они будут написаны по-французски.

древнему торговому центру, о котором упоминал еще Геродот. Там задержались на двенадцать дней, пока проводник, высланный вперед, проверял состояние колодцев на следующем участке пути. В середине ноября путники достигли наконец границы Фецдана и вступили в первый город этой области — Тмессу. Торговцы поздравляли друг друга с благополучным прибытием. Местные жители приветствовали караван громкими криками, в ответ гремели мушкетные выстрелы.

В Мурзук прибыли спустя семьдесят четыре дня после того, как вышли из Каира. Прежде всего с караванщиков потребовали уплатить таможенные пошлины. Затем правитель Мурзука из семьи Караманлы¹⁶ (Хорнеман называет его султаном) со своими придворными приветствовал вновь прибывших у ворот города. Султан сидел в кресле, напоминавшем трон, в окружении стражи, состоявшей из мамлюков и негров-невольников, с обнаженными мечами, алебардами и пиками. По одному подходили купцы, снимали по обычаю обувь и лобызали царственную руку. Последним выступал глава каравана под зеленым мусульманским знаменем и с ценными подношениями правителю. Тот милостиво отпустил всех, пообещал подарки и угощение «каждой палатке». Церемония закончилась.

В Мурзуке Хорнеману не повезло. Караван в страны хауса отправился всего за несколько дней до прибытия европейских путешественников в столицу Фецдана. Местный климат подействовал на них плохо: оба вскоре заболели малярией, причем Френденбург вскоре умер.

Вынужденная задержка до прихода следующего каравана на юг была использована Хорнеманом прежде всего для того, чтобы восстановить по памяти дневник путешествия из Каира в Фецдан, уничтоженный в пустыне Френденбургом, который опасался, что эти записки могут изобличить в них европейцев и погубить¹⁷.

Хорнеман хотел было предпринять небольшие поездки в соседние страны, но ему пришлось отказаться от своих намерений, так как Фецдан находился в состоянии войны с туарегскими племенами, хозяевами до-

¹⁶ Династия турецких пашей, пришедшая к власти в Ливии в начале XVIII века.

¹⁷ Дневник был отправлен из Триполи в Англию, там переведен на английский язык и опубликован.

рог в пустыне. Оставалась одна возможность — совершить поездку на северное побережье, в Триполи. Там Хорнеман вновь встретил Мухаммеда Д'Гиса и познакомился с британским вице-консулом Брайаном Макдонафом. Они представили молодого человека паше Триполи¹⁸, и путешественник поспешил заручиться его рекомендациями, так как наступило время, писал он Бэнксу 19 августа, когда «всякого чужестранца принимают за французского шпиона». Паша снабдил Хорнемана письмами в самые удаленные пункты предполагаемого пути по маршруту Агадес — Кацина — Кеби — Нупе.

В Мурзук Хорнеман возвратился спустя почти год, в январе 1800 года. Там он вскоре свел знакомство с одним из вождей Борну, которого он именовал «шерифом»¹⁹. В компании этого интересного человека, который сам совершил много путешествий по Африке, Фридрих решил пересечь пустыню в южном направлении. О своем намерении он сообщил Бэнксу 20 февраля. Но лишь спустя полтора месяца, 6 апреля, караван был готов двинуться в путь. За несколько часов до выхода из Мурзука Хорнеман написал последнее письмо Бэнксу: «Здоровье мое в отличном состоянии, прекрасно акклиматизировался, достаточно изучил манеру поведения моих спутников-торговцев, бегло говорю по-арабски, немного — на языке Борну; хорошо вооружен и достаточно воинственно настроен, нахожусь под защитой двух великих шерифов. Все это позволяет надеяться на успех задуманного предприятия». Матери Фридрих сообщал: «Я совсем превратился в африканца и чувствую себя здесь, как дома, но, несмотря на это, я обязательно возвращусь, и даже обещаю, что не привезу с собой местной красавицы».

И на этот раз Хорнеман путешествовал под чужим обличем. Он неизменно придерживался мнения, что «замысел путешествовать в качестве мусульманина в этих странах, населенных подозрительным и фанатичным народом... трудно осуществим только вначале. За-

¹⁸ В XVI веке Триполитания (как и большинство стран Магриба) была завоевана турками и до 1912 года оставалась (вместе с Киренаикой и Феццаном) в составе Османской империи, образуя отдельный вилайет (губернию). Во главе вилайета стояли правители, назначаемые обычно турками из среды янычарских командиров и носившие титул «паши».

¹⁹ Обычно шерифами в Северной Африке называют действительных или — чаще — мнимых потомков пророка Мухаммеда.

тем это сразу становится намного безопаснее и удобнее». Путешественник намеревался прожить около двух лет в странах хауса и за это время собрать как можно больше достоверных сведений о местных народах и жителях соседних областей по Нижнему Нигеру. Он просил Африканское общество не разыскивать его и не наводить о нем справок у британских консулов и других европейцев, чтобы не возбуждать подозрений в том, что он христианин. «Обществу не следует посылать другого путешественника до моего возвращения, которое, я думаю, произойдет около 1802 года»,— писал Хорнеман Бэнксу.

В Феццане Хорнеман получил от купцов хауса довольно пространные сведения о Нигере — основной цели своего путешествия. «Эта река, которую видел Парк на пути к Томбукту, поворачивает к югу от Хауса. Она орошает Нупе и Кеби, где называется Джулби²⁰, и несет свои воды далее на восток по провинциям Борну, принимая там название Чад (что означает „большая вода“); в некоторых странах хауса ее называют Гаора²¹».

Из расспросов жителей стран хауса и Борну вытекало, что река якобы затем еще раз поворачивает на юго-восток и «течет... к Сеннару; другие доказывали, что она проходит по территории Дарфура, не меняя своего восточного направления, и достигает Каира, будучи одной рекой с египетским Нилом». Теперь нам совершенно ясно, что те, кого расспрашивал Хорнеман, основывали свои сведения на противоречивых слухах и ошибочно принимали за Нигер то Бенуэ, то Шари, то Бахр-эль-Араб, а может быть, даже и реки бассейна Убанги — северного притока Конго.

Незадолго до выезда Хорнемана в Борну житель Каира, побывавший в Дарфуре, также уверял путешественника в том, что, «вне всякого сомнения, Нигер и Нил связаны между собой»; проплыть из одной реки в другую, как утверждал этот человек, можно только в дождливый сезон, в засушливый же период Нигер в тех районах пересыхает (этот рассказ мы находим в письме Хорнемана, направленном Бэнксу из Мурзука 6 апреля 1800 года).

Все изыскания Хорнемана в этой области вели к

²⁰ Джулби (на языке хауса) — «река».

²¹ Искаженное *кворра* (на языке хауса) — «большая вода». Так называют Нигер в его нижнем течении.

неправильным предположениям. В результате вопрос об истоках Нигера, вместо того чтобы проясняться, только еще больше запутывался. В этом нет, однако, вины путешественника. Более того, хотя сведения, которые Хорнеман получал, были весьма противоречивыми, сопоставляя их, он пришел и к некоторым верным выводам. В запутанном клубке ложных или содержавших лишь небольшую долю правды сообщений Хорнеману удалось усмотреть действительное взаимное расположение рек Нигер, Бенуэ, Шари. Наиболее подробные данные относились к озеру Чад, которое местные жители всегда называли «большой рекой». Правда, путешественник так и не смог понять, что это — озеро. Сбивало с толку то, что, будучи очень мелким, Чад сильно меняет свои размеры и очертания береговой линии, резко уменьшаясь в сухой сезон; зато во время дождей озеро разливается на огромных пространствах.

Впрочем, сведения, сообщенные Хорнеманом о Нигере, не оказали серьезного влияния на точку зрения английских ученых. Самые авторитетные географы того времени не допускали вероятности, чтобы «Нигер, проделав путь в 2250 британских миль по прямому направлению от его истоков, не нашел стока в более низком месте, чем страны, откуда вытекает Нил». Белый Нил питается из заболоченных районов в восточной части континента, а не с высоких горных территорий на западе, где должны были находиться, по предположениям Хорнемана, истоки Нигера (заметим пока только, что в этом вопросе он был совершенно прав).

Хорнеман узнал в Феццане сравнительно мало нового и интересного о соседних государствах Центральной Сахары и Центрального Судана. И все же сообщаемые им данные имели определенную ценность. Прежде всего были развеяны те нелепые, фантастические вымыслы об африканцах, которые все еще имели хождение в Европе. Хорнеман писал Бэнксу, что «христиан²² и хвостатых людей в глубинных районах Африки, я полагаю, никогда не обнаружат» (письмо от 19 августа 1799 года). В конце своего дневника он еще раз подчеркивал, что «оставляет без внимания все рассказы о людях с хвостами, без шеи, волос и т. д.».

²² Речь идет о легендарных «назарах». Как отмечает Хорнеман, это название мусульмане применяют ко всем «неверным», то есть неисламизированным племенам Центральной Африки.

Для членов Африканского общества записки Хорнемана представляли особый интерес тем, что в них отражалась широкая картина внутриафриканской торговли. Потоки товаров идут с севера на юг и с востока на запад. В Мурзуке, как отмечает исследователь, пересекаются торговые пути с севера — из Триполи и Туниса, с запада — из Феса и Томбукту, с востока — из Каира и Дарфура и с юга — с Гвинейского побережья. В столице Феццана Хорнеман встречал купцов, которые побывали на всех этих рынках и хорошо их знали.

Обширную информацию получал Фридрих от купцов, приезжавших с Нижнего Нигера. Под впечатлением собранных у них сведений у путешественника сложилось весьма высокое мнение о хауса, которых он считал «наиболее развитым народом глубинных районов Африканского материка». Они мягки и благожелательны, отмечает он в дневнике, «с огромным усердием занимаются обработкой своих земель, достигли высокого мастерства в ремеслах и искусстве и превосходят в этом отношении жителей Феццана».

Из городов и государств, которые Хорнеман намеревался посетить, его прежде всего интересовали два центра — Томбукту и «Хауса». О Томбукту путешественник не собрал много сведений, так как между этим городом и Феццаном связи были довольно слабые. Название «Хауса» он употребляет не по отношению к какому-либо городу или государству, а (что в общем-то правильно) к группе стран, лежавших вдоль восточного берега Нигера. К ним он относит Кацину, Дауру, Кано, Замфару, Гобир и некоторые другие. Из них наиболее крупные, как отмечает Хорнеман, — Кацина и Кано. Вместе с тем они (а также Даура и Нупе) платят подати правителю Борну. От этого государства, расположенного у озера Чад, в те времена, как сообщили Хорнеману, находились в зависимости не только большинство стран хауса, но и государство Багирми, лежавшее к северо-востоку от Чада. Границы собственно Борну значительно расширились по сравнению с теми, которые указывали ал-Идриси и Лев Африканский. На юге оно включало Марги и Куку²³, на западе — Вангара; все эти провинции управлялись, как пишет Хорнеман, губернаторами, назначаемыми правителем Борну.

²³ Кукава — столица Борну.

Последние сообщения, отправленные Хорнеманом из Мурзука, благополучно дошли до Англии и были оглашены на общем собрании Африканского общества в 1801 году. По просьбе Бэнкса правительство Англии направило приказ британским консулам в Африке оплачивать — независимо от суммы — любые чеки, которые могли бы поступить от Хорнемана.

Дневник путешествия из Египта в Феццан был переведен с немецкого на английский и опубликован впервые в «Записках Африканского общества» в 1801 году. Через год он вышел отдельным изданием. По решению Африканского общества специальный экземпляр (переведенный на французский язык) был подарен Первому консулу Франции. В 1803 году путевые заметки Хорнемана издали в Париже; в Германии они были опубликованы значительно позже — лишь в 1895 году.

Дневник Хорнемана, хорошо встреченный широкой читательской аудиторией, подвергся тем не менее и довольно резким критическим нападкам. В частности, журнал «Edinburgh Review» не без яда писал в первом номере за 1802 год, что хвала, которая воздается путешественнику, очевидно, сможет быть оправдана лишь впоследствии, и остается надеяться, что «обещание достичь успеха в последующей части экспедиции», данное Хорнеманом, будет выполнено.

Действительно, из описания путешествия от Каира до Мурзука можно узнать мало нового о людях и странах, через которые пролегал путь Хорнемана. Очевидно сказалось то обстоятельство, что путевые заметки были уничтожены и восстанавливались по памяти. Однако и о Феццане, где путешественник провел несколько месяцев, он пишет весьма скупое, посвящая этой малоизвестной в Европе тех лет области Африки всего двадцать страниц. Более того, он прямо указывает: поездка в Триполи была предпринята, чтобы «не оставаться долго... в этом самом неинтересном городе из всех, которые я знаю». Хорнеман, вероятно, не понимал, что описание повседневной жизни этой чрезвычайно своеобразной страны и ее народа (как показали позднее путешественники Денэм, Клаппертон и другие) может иметь большое значение для ученых, занимавшихся Северной Африкой.

Тем временем истек срок, назначенный Хорнеманом

для своего возвращения. Время не приносило никаких известий о нем, а на розыски вначале не решались, чтобы не разоблачить Хорнемана.

Лишь в 1804 году до Англии стали доходить сведения о судьбе путешественника. В этом году датский консул в Триполи встретил торговца из Феццана, который сообщил, что «Юсуф» пошел в Гондаш (возможно, искаженное Гонджа, государство на севере Ашанти) и находится, очевидно, на пути к побережью. На следующий год от Макдонафа, исполнявшего обязанности британского консула в Триполи, было получено сообщение о том, что Хорнеман заболел в «Хауса» (там он жил в доме одного купца). Не выздоровев как следует, он решил тем не менее отправиться в Томбукту и в дороге умер.

После этого сообщения Макдонафа всякие известия о путешественнике прекратились. И только через пятнадцать лет, когда из Африки возвратился после неудачной попытки проникнуть в Западный Судан капитан Лайон, в Англии стали известны некоторые подробности путешествия Хорнемана по странам хауса и Нижнему Нигеру. Как рассказал Лайон, в 1819 году в Мурзуке он и второй участник экспедиции повстречались с человеком, который был спутником Хорнемана, когда тот отправился в Борну, и провел там вместе с ним три или четыре месяца. Из Борну они вместе двинулись в Кацину, затем в Нупе. По дороге остановились в городе Бакани²⁴ в доме фульбе по имени Али ал-Фелатни. В этом городе они и расстались. Вскоре торговец узнал, что Хорнеман заболел дизентерией и умер. Это очень его удивило: когда он видел Хорнемана последний раз, тот был в отличном здравии и строил планы путешествия на юго-запад — в Дагомбу и Ашанти. Местные жители, по рассказам этого человека, очень хорошо относились к Хорнеману (он часто оказывал им врачебную помощь) и почитали его как марабута.

Пять лет спустя сообщение о смерти Хорнемана было подтверждено Хью Клаппертоном. Этот английский путешественник (о нем будет рассказано ниже) встретил в Кано двух купцов из Феццана — Хат Салаха и Бендерахмани. Они сообщили, что вместе с «Юсуфом»

²⁴ Возможно, это был город Бокани, расположенный ныне в провинции Нигер (Северная Нигерия); ранее он лежал на торговой дороге из Кацины в Раббу, крупный рынок на Нигере.

путешествовали из Мурзука вплоть до Нупе; з их присутствии «он умер от дизентерии, проболев шесть дней». Клаппертон послал Бендерахмани в Нупе, чтобы там попытаться разыскать бумаги Хорнемана. Купец узнал, что дом, где жил путешественник, был сожжен по подозрению, что его хозяин, фульбский торговец, «знался со злыми духами». В огне, несомненно, погибли и все записи Фридриха.

Попытаемся представить себе (к сожалению, на основании крайне отрывочных данных) маршрут путешествия Хорнемана по странам Нижнего Нигера. В этих странствиях он, очевидно, руководствовался схемой, составленной по его просьбе еще в Феццане одним марабутом. Проследим, исходя из намеченного на ней маршрута и некоторым заметкам самого путешественника, за его странствиями. Точно известно, когда Хорнеман отправился в Борну. Он сообщил об этом Бэнксу в письме от 6 апреля 1800 года. Установлено, что караван вышел в путь в тот же день, когда было написано письмо. По всей вероятности, путешественнику удалось осуществить свое намерение остаться в странах хауса до сентября, то есть до окончания дождливого сезона. Согласно намеченному плану Хорнеман предпринимает путешествие с торговым караваном из Борну в Кацину. Оттуда он отправляется с феццанским торговцем, чье расположение он сумел завоевать, в страны хауса и в Нупе. Один из путешествовавших вместе с Фридрихом купцов сообщил впоследствии Лайону, что был избран следующий маршрут: Яндакка — Зурми — Замфара — Дуфун — Мафара — Талата Нома — Бакура — Ганди — Бирнин дан Гада — Сокото — Нупе. Но Сокото был основан значительно позже; это заставляет предполагать, что маршрут был составлен впоследствии самим феццанским купцом, а путь, по которому шел Хорнеман, мог быть совсем иным.

Успешное продвижение Хорнемана из северных районов Нижнего Нигера к побережью было возможно благодаря необычайной способности путешественника устанавливать дружеские контакты с местным населением. Путь через страны хауса, который, как предполагали, будет наиболее сложным (действительно, последующие исследователи часто терпели там крушение своих первоначальных замыслов), оказался для Хорнемана наиболее легким.

Феццанские торговцы, с которыми путешествовал Хорнеман, очевидно, направлялись в Раббу, крупный торговый центр на Нигере. Он поддерживал с Феццаном регулярную торговлю солью, тканями и другими товарами, которые, по всей вероятности, обменивались на рабов. В Раббе пересекались торговые пути не только с севера, но также из южных и западных районов Верхней Гвинеи. Таким образом, Хорнеман мог рассчитывать на превосходную возможность продолжить путешествие по одному из твердо установленных торговых путей, по которому шла торговля орехами кола, вывозимыми из государств Ашанти. Оттуда исследователю нетрудно было бы достичь Томбукту — конечной цели его стремлений. Именно о таком маршруте из Раббы в Томбукту позднее поведал английскому путешественнику Лэндеру один из арабских купцов.

Однако Хорнеману не суждено было достичь даже Нигера. Бокани, где он умер, находится в одном дне пути от Раббы. То, что он остановился там в доме фульбе, не удивительно. Хотя четыре года отделяло рассматриваемые события от покорения стран хауса завоевателями фульбе, последние уже давно начали проникать в эти районы как переселенцы. В Нупе они представляли довольно большую группу населения, которая охотно принимала иностранных торговцев. И хозяин, у которого жил Хорнеман, позднее, по всей вероятности, пал жертвой ярости, вызванной началом фульбского завоевания земель нупе под лозунгом «священной войны» — джихада. Нупе сожгли его дом, где со всем имуществом погиб, несомненно, и дневник Хорнемана.

Точную дату смерти путешественника установить трудно. Очевидно, он уехал из Борну в сентябре 1800 года и через месяц, в октябре, мог достичь Кацины. Хорнеман намеревался провести тут какое-то время. Путешествовавшие с ним торговцы также, вероятно, имели дела в этом важном торговом центре. Дожливый сезон, который делает путешествие по странам хауса почти невозможным, должен был начаться только в апреле, так что в Кацине можно было задержаться. От Кацины до Раббы — месяц пути. Таким образом, Хорнеман попал в Бокани не раньше чем в самом конце 1800 года. Между тем его спутники, вероятно, спешили вернуться в Кацину или даже в Борну еще до начала дождей. Во всяком случае тот из них, который рассказывал

Лайону об этих событиях, отправился назад до того, как умер Хорнеман. Все эти обстоятельства заставляют предположить, что кончина путешественника наступила где-то в начале 1801 года.

ПАРК — ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1805 — 1806)

По возвращении в Англию в жизни Парка началась мирная полоса. Он поселился на ферме у отца в Селкерке; вскоре женился на дочери своего учителя — доктора Андерсона; с увлечением готовил к печати книгу о странствиях по Западной Африке. Однако выданное Африканским обществом вознаграждение подходило к концу, а найти работу, которая была бы по душе и обеспечивала сносное существование семье, Парк долго не мог. Наконец освободилось место врача неподалеку от Селкерка, в Пиблсе, и Мунго занялся врачебной практикой. Но эта деятельность не приносила удовлетворения человеку с душой исследователя, жаждавшему новых странствий и открытий. Мысли о том, что проблема Нигера решена не до конца, не оставляли Парка. Еще 31 июля 1800 года он писал Бэнксу о том, что считает захват Горé прелюдией к установлению тесных контактов с внутренними районами Западной Африки и жаждет туда назначения. Спустя год, в октябре 1801 года, он подчеркивает, что с удовольствием оставит ланцет и пластырную ленту, как только получит более интересное предложение. Ответ обнадеживал: Бэнкс сообщал, что общество после заключения перемирия с Францией «возвращается к проекту отправить миссию на Нигер». Но практических результатов между тем все не было, и спустя некоторое время Парк официально обратился к Африканскому обществу с предложением продолжить исследование великой западноафриканской реки.

Члены общества приняли его предложение без малейших колебаний. Успех первого путешествия послужил Парку прочной гарантией их благосклонного отношения. Сведения, опубликованные им по возвращении в Англию, не только взволновали умы ученых, но и вызвали немалый интерес в деловых кругах. Парк открыл

ворота во внутренние области Африки, через которые огненные европейская торговля и влияние пойдут в восточные районы огромного континента,— так расценивали в Великобритании результаты экспедиции.

Теперь почтенные джентльмены в Африканском обществе начали разговаривать по-другому. О спасении эпохи из мрака невежества уже почти не вспоминали. В мае 1799 года на собрании общества был намечен план новой экспедиции на Нигер, «цель которой — обеспечить британской короне берега Джолибы», при этом Бэнкс доказывал, что «500 отборных солдат будет достаточно для преодоления всех сил, которые Африка сможет выставить против».

Решение общества и проект организации дальнейших исследований были направлены в министерство торговли и парламент. Бэнкс обратился к своему старому другу лорду Ливерпулю, президенту торговой палаты. «Я твердо верю в успех, если проект будет должным образом осуществлен,— писал он.— Залог тому — прочно установленная торговля промышленными товарами с неграми и золото, в изобилии обнаруженное на всех притоках, впадающих в Джолибу».

Однако в правительстве Англии, занятом наполеоновскими войнами, лишь через несколько лет вспомнили об открытиях шотландского исследователя. Правда, под нажимом промышленной и торговой буржуазии, заинтересованной в новых рынках, министерство колоний уже осенью 1801 года приступило к разработке плана финансирования исследовательских экспедиций в Западную Африку. И все же первая правительственная экспедиция была организована под руководством Парка лишь спустя четыре года.

К расширению исследований в Западной Африке правящие круги Великобритании подтолкнула угроза французского соперничества. В 1802 году стала поступать обширная информация о том, что Наполеон во время мирной передышки собирает силы для дальнейшего расширения французских владений. Что смогут англичане ему противопоставить, вздумай он обратить свои взоры на Западную Африку? На этот вопрос пытались найти ответ во время «дискуссии по проблеме Нигера», которая проходила в министерстве колоний осенью того же года. Тем не менее лишь спустя несколько месяцев (к тому времени Англия вновь находилась в состоя-

нии войны с Францией) были предприняты практические шаги в отношении отправки экспедиции в Западную Африку.

В октябре 1803 года министр колоний потребовал, чтобы Бэнкс вызвал Парка в Лондон. Спешно прибывшему шотландцу было объявлено, что правительство желает, чтобы он «предпринял еще одну поездку в центральные районы Африки для исследования устья Нигера». Ему назначили содержание — по 10 шиллингов в день во время путешествия и ежегодное пособие 200 фунтов (очевидно, учитывалось то, что Парк оставлял жену с тремя маленькими детьми).

Парк с радостью принял предложение. Осенью 1804 года, незадолго до отъезда в Африку, беседуя с Вальтером Скоттом, он говорил о тяжелой работе сельского врача (кстати, у него всегда было очень много пациентов, так как он не брал платы с бедняков). С восторгом делился он со знаменитым писателем своими воспоминаниями о странствиях по неведомым землям²⁵. «Лучше храбро пойти навстречу всем опасностям Африки, чем тратить свои силы в длительных и изнуряющих поездках по холмам Шотландии, вознаграждения за которые едва хватает на то, чтобы не умереть с голоду», — не раз сетовал Парк в разговорах со своими друзьями.

Вторая экспедиция Парка была задумана как значительно более солидное предприятие, чем первая. Подготовка к ней закончилась в сентябре 1804 года. 4 октября Парк представил министру колоний меморандум с подробным планом экспедиции и детальным изложением ее задач.

В Шотландии он встретился с Максвеллом, который по торговым делам часто бывал в Конго. Они сравнили свои наблюдения, сделанные на двух реках, у одной из которых не были известны истоки, а у другой — устье, и пришли к выводу, что «это, возможно, одна и та же река». Было высказано предположение, что Нигер, пройдя через земли Центральной Африки, несет свои воды в Атлантику через устье Конго. Английский географ Реннел, считавший, что Нигер впадает в «озеро Ванга-

²⁵ В. Скотт оставил весьма любопытные записи своих бесед с Парком об Африке, о них сообщает один из его биографов — Локхардт.

ра» (в Центральной Африке), тщетно пытался разубедить Парка.

По-видимому, в министерстве колоний учитывали все существующие точки зрения, не отдавая предпочтения ни одной из них. Так или иначе, министр колоний лорд Кэмден, составляя задание по исследованию Нигера, указывал, что Парк должен «следовать по течению реки, насколько будет возможно»; затем ему предписывалось «возвращаться новым путем к Атлантическому океану или направиться в Каир по караванному пути через Триполи».

В январе 1805 года подготовка к экспедиции была закончена. Парламент под влиянием обострения соперничества с Францией за Верхнюю Гвинею предоставил путешественнику большую субсидию (пять тысяч фунтов) и потребовал от него выполнения практического задания. Он должен был выяснить возможности установления торговых отношений в бассейнах Гамбии и Нигера. На этот раз вместе с Парком отправлялись брат его жены Александр Андерсон (по профессии врач) и лучший друг Мунго — художник Джордж Скотт.

30 января отплыли из Портсмута на корабле «Восходящий». На острове Горé, куда друзья прибыли 28 марта, к ним присоединился лейтенант Мартин с тридцатью пятью солдатами из местного гарнизона и двумя матросами. 6 апреля экспедиция отправилась к Гамбии, где был нанят последний ее член — проводник Исаак (из народа малинке); здесь же закупили и вьючных ослов.

Парк намеревался прежним маршрутом дойти до Сегу и построить там небольшое судно (для этого он вез с собой из Англии четырех плотников), затем двинуться вниз по Нигеру до его устья, где бы оно ни находилось.

Между тем отправка в Бамбару затягивалась. Путешественник знал по опыту, что момент для выхода экспедиции — самый неподходящий. Приближался сезон дождей. Но Парк не мог далее ждать: кроме собственного нетерпения его подхлестывало сознание, что в Лондоне не простят задержки.

В группу, вышедшую 4 мая из Пизании, входило сорок четыре европейца и один африканец. Природа встретила путников крайне неприветливо. Правда, в письмах к жене Парк сообщает, что «все здоровы, от-

ношения с местными жителями самые дружеские». Но в начале июня, когда экспедиция пересекла реку Фалеме, пошли проливные дожди. Начала свирепствовать лихорадка.

6 июля в дневнике Парка появляется запись: «Все члены экспедиции (за исключением одного) либо больны, либо сильно ослабели». Когда прошли бассейн Гамбии, начался падеж вьючных животных. Вскоре издох последний осел. Пришлось нанять носильщиков, потому что, как снова отмечает Парк, «все наши люди совершенно больны».

Экспедиция следовала по пограничной дороге между Каартой и Бамбарой. В пути попадалось много разрушенных во время междоусобиц городов и деревень. Местные жители, измученные почти не прекращавшимися войнами, встречали путешественников с подозрительностью, которая нередко переходила во враждебность. Приходилось постоянно выставлять вооруженную охрану, а иногда и пробиваться вперед силой. Но крупных столкновений пока не было. И Парк с удовлетворением отмечает в дневнике, что ему «удалось провести группу европейцев с большим багажом на 500 миль в глубь Африки и при этом сохранить дружеские отношения с местным населением».

Путешественник был буквально одержим стремлением во что бы то ни стало скорее достичь цели. Это заставляло его беспощадно погонять измученных людей; даже случалось, что он бросал в пути смертельно больных членов экспедиции и, не дождавшись их смерти, шел дальше. 19 июня он, например, записывает в дневнике: «Один солдат умирал от лихорадки. Предприняв ряд неудачных попыток переправить его через реку, я оставил больного на западном берегу, полагая, что он, скорее всего, умрет этой же ночью».

К Нигеру вышли 19 августа у Бамако. Парк с восторгом вновь увидел великую реку, которая «катила свои могучие воды по равнине». Но за первый успех пришлось дорого заплатить. В живых к тому времени осталось только семь человек, все — очень больные, в том числе сам Парк, Андерсон, Мартин и проводник Исаак, которому крокодил сильно изуродовал ногу. Однако со свойственным ему неисгребимым оптимизмом, который где-то уже переходил в полную бесчувственность, Парк подводит итоги: «Путешествие ясно показа-

ло, во-первых, что с обычной предосторожностью можно перевезти из Гамбии к Нигеру определенное количество товаров, сохранив их от расхищения, во-вторых, если приурочить экспедицию к сухому сезону, можно избежать больших людских потерь, которые должны составить три, самое большее четыре человека на пятьдесят».

Оставшиеся в живых члены экспедиции так ослабели, что были не в состоянии построить даже небольшое палубное суденышко. Решили ограничиться сооружением лодки, на которой и двинуться вниз по реке. Это было довольно рискованным предприятием. Нигер в этих местах имеет в ширину одну-две мили (до трех километров), скорость его течения — пять узлов (около девяти километров в час). Часто попадаются пороги, образуемые грядами холмов, которые пересекают реку; три из них — наиболее значительные (забегая несколько вперед, скажем, что последний оказался для экспедиции роковым).

Парк направил Исаака в Сегу, чтобы он испросил разрешения пройти через бамбарское государство. Переговоры затянулись. По словам Исаака, правитель Бамбары очень боялся путешественников; едва произносились их имена, как он «немедленно начинал чертить пальцем вокруг себя на песке магические квадраты и треугольники». Преследовавшие свои корыстные цели маврские купцы еще в первое путешествие Парка уверили правителя, что европеец обладает волшебными средствами, которыми он может убить мансу и уничтожить весь его народ. Прежде чем допустить Парка к мансе, его долго допрашивали старший советник Модибинне и четыре доверенных чиновника. Африканцы подозревали, что путешественник скрывает подлинные цели экспедиции. Они опасались, что Парк прислан «христианской державой для того, чтобы составить план страны, который позволит легко захватить ее».

В ответ Парк произнес речь, достойную прирожденного дипломата. Прежде всего, он отметил, что имя правителя стало известно и заслужило уважение среди европейцев благодаря благосклонному отношению к путешественнику, проявленному в прошлый раз. Далее, Парк решительно настаивал на том, что преследует лишь торговые цели и «по желанию своего короля добивается установления прямого пути между Англией и

Бамбарой, по которому можно будет ввозить английские товары и продавать их гораздо дешевле», избежав при этом посредничества мавров. Последний аргумент оказался решающим: Парку удалось наконец убедить савонников, а через них и мансу. Правитель, предварительно получивший много подарков (не были обойдены и советники), разрешил путникам выбрать один из четырех городов — Саме, Сегу, Сансандинг или Дженне — для постройки лодки и затем двигаться в любом направлении через Бамбару — на восток или на запад. Более того, он обещал даже прислать им лодку местного производства.

Тем не менее в переговорах прошло два месяца. Наступило самое жаркое в тех местах время года. Положение экспедиции, потерявшей еще несколько человек, становилось трагическим. Но ничто не могло сломить железной воли Парка. Строить лодку было решено в Сансандинге, и путники немедленно туда направились.

7 сентября они прибыли в этот большой торговый город, насчитывавший около одиннадцати тысяч жителей. Был рыночный день. На площади, образующей правильный квадрат, где были разложены рядами различные товары, толпился народ. В каждом ряду размещался только один вид товара: в одном — бусы, в другом — индиго, в третьем — мешки с древесной золой, затем — с одеждой из «Хауса» и Дженне. Соль — основной предмет торговли — занимала целый угол рынка. Имелись в Сансандинге еще и специальные рынки — мясной и пивной. Парк наблюдал за торговлей и убедился, что по спросу на первом месте — мушкеты, ножи для рубки тростника, ткани и украшения, а за ними идут перец, золото, слоновая кость и рабы.

Прошло почти три недели, а от мансы не были получены ни обещанная лодка, ни какие-либо строительные материалы. Тогда Парк решил продать некоторые привезенные им товары, чтобы купить все необходимое для сооружения хотя бы небольшого челнока. Естественно, он спешил и спускал все по дешевке. Такая конкуренция вызвала среди маврских торговцев Сансандинга большую тревогу, и они обратились к правителю с требованием убить европейцев или выслать их из страны. К чести мансы, он отклонил это предложение.

Наконец Парк получил от правителя лодку, однако

на поверку она оказалась никуда не годной. Тогда он потребовал замену; прислали второе каноэ, которое тут же развалилось от старости, как и первое. Хочешь не хочешь, а пришлось из сохранившихся частей обеих лодок построить самим «судно», получившее громкое название «Британская шхуна Джолиба».

16 ноября все было готово для продолжения путешествия по воде. Незадолго до этого Парк пережил первый, как он сам отмечает, серьезный удар. Умер его родственник и ближайший друг Андерсон. «Ни одно из событий за все время пути не помрачило мой ум хотя бы в малейшей степени, до того как я положил Андерсона в могилу,—записал Парк 28 октября.—Только тогда я почувствовал, будто во второй раз остался один в джунглях Африки без единого друга».

Вскоре после этого пришло предупреждение от правителя Бамбары. Путникам следует как можно скорее отправляться в дорогу, сообщал он, пока маврские торговцы не подготовили напасть на них арабские племена, кочующие к северу от Томбукту, или туарегов, обитающих на берегах Нигера.

К этому времени последние приготовления были закончены. Вдоль бортов «шхуны» натянули тент из кож буйволов, который должен был в случае атаки предохранять от стрел. Закупили большое количество продовольствия, чтобы часто не останавливаться в пути. В группе, которая вышла 19 ноября из Сансандинга, было всего пять европейцев — Парк, Мартин и трое солдат. Исаак отказался следовать с экспедицией дальше, и Парку пришлось нанять другого проводника — Амаду Фатума, а также еще двух гребцов. Много путешествовавший по странам Западной Африки Фатум брался проводить экспедицию до Кацины; как утверждал проводник, Нигер около этого города, населенного хауса, поворачивает к югу²⁶. Эти сведения немедленно были сообщены Бэнксу в письме от 16 ноября 1805 года.

Дневник и письма Парк отправил с Исааком в Гамбию. В одном из них — послании министру колоний Кэмдену — Парк писал: «Хотя все европейцы, которые

²⁶ Это сообщение верно лишь частично: Нигер действительно поворачивает к югу, но не у Кацины, а значительно раньше, у города Бурем (ныне территория Республики Мали).

были со мной, погибли и я сам нахожусь в полумертвом состоянии, мною все еще владеет твердое намерение достичь цели моего путешествия. Если мне не удастся выполнить это, то я по крайней мере умру на Нигере». Письмо к жене Мунго писал последним (оно датировано 19 ноября); он пытался сохранить в нем более или менее бодрый тон. Во всяком случае оно звучит успокаивающе: «Боюсь, что под впечатлением женских страхов и беспокойств, свойственных женам, ты считаешь мое положение много хуже того, чем оно есть на самом деле. Правда, мои дорогие друзья Андерсон и Скотт оба сказали последнее прости этому миру, большинство солдат также погибло в пути во время дождливого сезона. Но сам я, поверь, совершенно здоров. Дожди окончились, начался благоприятный для здоровья сезон, так что нет опасности заболеть. И у меня еще достаточно сил, чтобы защитить себя от любого нападения во время плавания вниз по реке, к морю... Я не собираюсь останавливаться где бы то ни было вплоть до самого побережья, которого мы, по моим расчетам, должны достичь в конце января. Там мы сядем на первый же корабль, отправляющийся в Англию».

Это была последняя весточка от отважного исследователя. В течение четырех лет мир ничего не знал о его судьбе. В Гамбии уже на следующий год начали распространяться упорные слухи о гибели экспедиции. В июле 1806 года командующему английским фортом на острове Горé было дано указание направить «образованного негра» для сбора сведений о судьбе путешественника. Но подходящего человека не нашли, и дело заглохло.

Лишь в январе 1810 года английский губернатор Сенегала (год назад Англии удалось на время отобрать это владение у французов) отыскал Исаака, служившего проводником у Парка, и направил его во внутренние районы колонии «для сбора достоверных сведений» о судьбе путешественника. Через несколько месяцев тот вернулся с плохими вестями. В Медине Исааку удалось разыскать Амаду Фатума, который сопровождал Парка в его последнем плавании по Нигеру. Тот сообщил, что все «белые путники» умерли, и передал Исааку свои заметки о последнем отрезке пути. Эти записи интересны прежде всего тем, что отражают оставшийся до сих пор совершенно неизвестным и завершившийся трагедией

этап экспедиции. Амаду рассказывает о пути из Сансандинга до Бусы²⁷.

«27 ноября мы отправились в каноэ из Сансандинга и через два дня дошли до Силлы» (в этом городе закончилось в свое время первое путешествие Парка). Там, как пишет Амаду, был куплен еще один раб, которого использовали в качестве гребца. Два дня потребовалось путникам, чтобы доплыть до Дженне, большого города, расположенного на острове, омываемом водами Нигера.

Фатум сообщил Исааку, что отряд нередко подвергался нападениям. Англичане были хорошо вооружены (на каждого приходилось по пятнадцать ружей) и легко отбивали атаки. Когда вышли из Дженне и плыли по озеру Дибби («Черное»), которое образует в этом месте широко разливающиеся воды Нигера, неожиданно появились три каноэ. Местные воины были вооружены пиками, копьями, луками со стрелами, но не имели огнестрельного оружия. «Уверенные в их враждебных намерениях,— рассказывает Фатум,— мы приказали им отойти назад, но они не повиновались, и мы были вынуждены отбросить их силой». Отделавшись от преследователей при выходе из озера, поплыли по одному из многочисленных протоков, на которые разделяется Нигер. Все они сливаются у Кабары, лежащей «в дне пути от Томбукту»²⁸ и служащей ему портом. Здесь «Джוליбу» вновь атаквали вначале три каноэ, затем наперерез ей вышла целая флотилия — шестьдесят лодок. Находившиеся в них туареги требовали, чтобы европейцы остановились и уплатили торговую пошлину. Разыгралось сражение, в котором «было убито, как всегда,— подчеркивает Фатум,— много местных воинов»²⁹.

Сообщения о враждебности местного населения и о необходимости пробиваться вперед только силой в изложении Амаду выглядят явно преувеличенными. В од-

²⁷ Заметки Исаака о розысках Парка и записи Амаду, написанные по-арабски, были переведены на английский язык и опубликованы вместе с дневником Парка.

²⁸ На самом деле от Томбукту до Кабары всего 8 километров, то есть значительно меньше дня пути.

²⁹ Двадцать лет спустя майор Лэнг по дороге в Томбукту встретил туарега, раненного в свое время Парком. «Как опрометчив, как легкомыслен, я бы даже сказал, эгоистичен был Парк,— писал Лэнг своему другу в Англию,— пытаюсь делать открытия в стране, кровь жителей которой он проливал».

ном из дошедших до нас письменных свидетельств жителя Томбукту о последнем эпизоде, например, записано следующее: «С запада к Кабаре пришла лодка, в ней было два или три христианина. Один — высокого роста — прямо стоял в лодке, на которой развевался белый флаг. Население Кабары, однако, не поняло этого сигнала, являющегося символом мира; никто не вышел к лодке, хотя она простояла на якоре у Кабары целый день и следующую ночь. Утром она ушла». Маврский торговец, живший в Кабаре, подтверждает это сообщение. «Прибыла лодка с христианами на борту, — рассказывал он консулу Дж. Джэксону, — они не проявляли враждебных намерений, а, напротив, казались весьма мирно настроенными и не желали нападать на нас». Местные жители полагали, что европейцы приехали торговать. Но запуганные маврскими купцами, они не хотели вступать в контакт с христианами.

Известно, что о некоторых готовящихся нападениях Парк получал предупреждения заблаговременно, однако он продолжал упорно двигаться вперед. Из Томбукту путешественники направились в Бамба, оттуда к Тосайе. В этих местах река сильно сужается, ширина ее составляет не более 100 ярдов (или 900 метров), и туареги несколько раз пытались остановить лодку. В Ансонго, когда «Джолиба» села на мель, на нее еще раз было совершено нападение, во время которого были убиты два солдата³⁰. «В деревне Кармасо, — узнаем мы из рассказа Фатума, — старейшина сообщил нам, что целая армия ждет нас за горой и что нам лучше вернуться. Мы простояли весь остаток дня и ночи на якоре, а утром двинулись в путь. Пройдя скалу, о которой говорилось, увидели отряд мавров на конях и верблюдах. Но они ничего нам не говорили, и мы спокойно поплыли дальше».

Наконец экспедиция прошла районы, населенные маврами и туарегами, и вступила на территорию государства Нупе³¹. Проводник, с которым Парк договорился, что он следует с экспедицией только до этого места, был высажен на берег. С ним Парк отправил по-

³⁰ Эти сведения были сообщены впоследствии вождем туарегов Абасом немецкому путешественнику Генриху Барту.

³¹ Народ нупе населяет среднюю часть нынешней Нигерии по обоим берегам реки Кадуны и по Нигеру, от порогов Бусы до слияния с Бенуэ.

дарки для местного правителя, который находился в столичном городе Бирнин Яури³², расположенном на некотором расстоянии от реки.

Утром следующего дня, как рассказывает Фатум, он направился к правителю. При нем прискакали два всадника с сообщением, что «белый человек проплыл в лодке, не заплатив пошлины». Правитель послал вооруженный отряд к деревне Буса, расположенной у реки. В этом месте Нигер перегораживает скала. Течение пробило в каменной глыбе отверстие в форме двери, являющееся единственным выходом, через который воды реки устремляются далее. По рассказу Фатума, отряд устроил засаду на вершине скалы. Вскоре «Джолиба» приблизилась к Бусе. Парк видел притаившихся воинов, но попытался прорваться. В шхуну полетели дротики, стрелы и камни. Путешественники долго защищались. Два раба были убиты. Европейцы побросали в воду все свое имущество и продолжали стрельбу. «Затем, поняв, что бегство невозможно (лодку нельзя было повернуть против течения), Парк обхватил рукой одного из белых людей,— рассказывает Фатум,— и выпрыгнул с ним за борт. За ним последовал Мартин». В живых остался только один из рабов. Этого единственного свидетеля нашел и расспросил о случившемся три месяца спустя Амаду Фатум.

Обстоятельства гибели Парка и его товарищей точно неизвестны и поныне. Многие сведения, приведенные Амаду Фатумом, были подтверждены другими местными жителями. Шхуна «Джолиба» действительно доплыла до Бусы. Там она, по всей вероятности, потерпела крушение, наткнувшись на скалу; возможно, она была остановлена местными воинами. Существует версия, согласно которой путники три дня укрывались в узком рукаве Нигера, где их обнаружили местные жители. Рассказ одного из участников последовавшего затем сражения точно воспроизводит приведенную выше картину гибели Парка в водах Нигера³³.

Английским путешественникам Клаппертону и братьям Лэндерам (о них будет рассказано далее) удалось побывать в месте гибели Парка и установить об-

³² Яури — небольшое княжество, населенное нупе; после победы восстания Османа дан Фодно было включено в эмират Гванду.

³³ Запись этого сообщения сделана двумя лицами — Абд ас-Саламом Шабини и египтянином Абрахамом Салемом.

стоятельства, приведшие к печальной развязке. Полученные ими сведения в основном совпадают с рассказом Амаду. Они уточнили лишь, что виновником смерти Парка был не правитель Яури, а вождь Бусы. Как сообщили местные жители Клаппертону, а затем и Лэндерам, этот приезд Парка совпал с началом джихада, священной войны за распространение власти фульбе (под знаменем ислама) в странах хауса. Когда вождь Бусы узнал о приближении лодки с белыми людьми, он принял их за авангардный отряд армии фульбе и призвал воинов, которые напали на путников.

Существует, однако, версия, что путешественник не погиб. Английский чиновник Боудич, побывавший в 1817 году в государстве Ашанти (Золотой Берег), встретил маврских купцов, которые торговали в странах хауса и слышали там рассказы о дальнейшей судьбе Парка. Как им сообщили, посланному правителем Яури отряду удалось захватить Парка в плен живым. Путешественник якобы прожил два года в Яури, где умер от лихорадки. Но это предположение представляется крайне сомнительным.

Самые различные слухи о судьбе знаменитого исследователя ходили по всей Африке. Они докатились до Восточного побережья. Один из мусульманских купцов как-то сообщил жившим в Эфиопии англичанам, что видел в большом городе недалеко от Томбукту «белого» человека. Он прибыл с Запада, было ему около пятидесяти лет, говорил он по-английски и занимался изучением местных языков.

Так или иначе, только 3 мая 1819 года в «Таймсе» появилось сообщение о гибели отважного путешественника.

Собранные Парком материалы и его дневник о последнем отрезке пути исчезли бесследно³⁴. Вместе с тем нельзя утверждать, что научные результаты этой экспедиции равны нулю. Во время второго путешествия Парк установил, что Нигер действительно делает поворот на юг, а следовательно, может впадать только в Гвинейский залив. Таким образом, гипотеза о соединении Нигера с Нилом или Конго отпадала сама собой.

³⁴ Как впоследствии было установлено Клаппертоном, правителю Яури была передана «книга» Парка, которую он продал затем арабскому купцу; тот был ограблен в дороге, и рукопись пропала.

В результате за десять лет в ходе двух путешествий Парк сделал больше практических открытий, чем кто-либо другой за предшествовавшие полтора века.

ОТ ПАРКА ДО «МИССИИ В БОРНУ» (1805 — 1821)

Гибель второй экспедиции Парка нанесла тяжкий удар надеждам на скорое разрешение проблемы Нигера. Конечно, установление истинного направления течения реки было открытием огромной научной важности. Но и после этого оставалось совершенно неясно, где Нигер начинается и куда впадает. Любая из теорий, предлагавших решение,— а их в те годы выдвигалось немало— могла по-прежнему казаться в достаточной степени обоснованной и иметь немалое число сторонников.

У нас уже шла речь о предположении Рейхардта, считавшего, что Нигер впадает в Бенинский залив, образуя огромную дельту. Сейчас мы знаем, что немецкий ученый был прав, хотя исходил, казалось, из чисто умозрительных соображений. Но в первые десятилетия прошлого века почти никто из специалистов-географов не рискнул разделить его точку зрения. Единственным, кто поддержал теорию Рейхардта, был человек, очень далекий от науки,—вест-индский плантатор Джеймс Мак-Куин. Среди его невольников было много мандинго и хауса; расспрашивая их о «большой реке» и сравнивая затем их ответы с отчетами европейских путешественников, Мак-Куин пришел к выводу, который ему казался неопровержимым: Нигер должен впасть в Бенинский залив. Но мнение Мак-Куина и доводы, опубликованные им в 1820 году, не могли повлиять на взгляды большинства ученых, которые разделяли точку зрения крупнейшего британского географа конца XVIII—начала XIX века майора Джеймса Реннела. В отличие от Рейхардта его никто не смог бы назвать «кабинетным географом». Реннел создал себе заслуженное имя в науке многолетними исследованиями в Северной и Северо-Западной Индии. Но, видимо, в этом и заключалась ирония истории: теоретические выкладки Рейхардта в конечном счете оказались ближе к истине,

чем соображения Реннела, подкрепленные его репутацией опытного исследователя.

Свою точку зрения на проблему Нигера Реннел в законченном виде изложил в «Заметках к отчету мистера Парка», включенных в протоколы Африканского общества за 1798 год (Реннел был активным членом общества с первых лет его существования.) «Заметки» эти интересны не только сами по себе: в них очень хорошо видно, как живые эмпирические знания пробивались через многовековую традицию, основанную на авторитете все тех же ал-Идриси и Льва Африканского.

Для Реннела уже не существует вопроса о направлении течения Нигера — он решен трудами Хаутона и Парка: река течет на восток. Но куда она впадает? Реннел категорически отвергает возможность соединения с Нилом. Во-первых, говорит он, разность абсолютных высот между долинами Нила и Нигера недостаточна для этого (через четверть века гипотезу Реннела экспериментально подтвердил Лэнг); во-вторых, паводки обеих великих рек совпадают по времени, что было бы невозможно из-за огромного расстояния, если бы они были единой рекой. Это точка зрения крупного ученого, основанная на достижениях физической географии его эпохи и подтвержденная дальнейшими исследованиями.

Но затем Реннел оказывается в плену у географической традиции. Нигер не может впасть в Атлантический океан, заявляет он, так как между долиной реки и Гвинейским заливом тянется высокий горный хребет — «горы Конг», которые Реннел помещает между 10-м и 11-м градусами северной широты и 2-м и 10-м градусами западной долготы. В обоснование этой теории он ссылается на арабского географа и историка XIV века Абу-л-Фиду, который говорил о «Джебел ал-Кумр», то есть о «Лунных горах», будто бы лежащих в глубинных областях Африки³⁵. «Горы Конг» — не более как легенда: за исключением самых верховий Нигера, абсолютные высоты той части Западной Африки, где он протекает, не превышают пятисот метров. Но ведь к началу XIX века в Европе почти не представляли картину

³⁵ Абу-л-Фида просто воспроизвел взгляды, восходящие еще к Птолемию. «Лунные горы» — «Джебел ал-Кумр» (или «ал-Камар») — фигурируют в качестве истока Нила у всех арабских географов средневековья

внутренних областей континента! Поскольку к океану реке не пробиться, а сливаться с Нилом она не может, рассуждает дальше Реннел, остается только одна возможность: где-то в центре Африки расположено огромное озеро, куда впадает Нигер. Озеро это — бессточное, но благодаря его огромной поверхности излишки воды испаряются под жарким африканским солнцем. В этой части Реннел прямо опирается на авторитет ал-Идриси, ведь арабский ученый описывал паводки, превращающие всю золотоносную страну Вангара в огромное водное пространство.

В «горы Конг», изобретенные в «Заметках к отчету мистера Парка», поверило большинство географов начала прошлого столетия. Но представление об огромной реке, целиком испаряющейся где-то в глубине материка, выглядело все же не особенно убедительно. Кстати сказать, именно эта несообразность казалась Рейхардту, знакомому с точкой зрения Реннела, одним из главных аргументов в пользу гипотезы о впадении Нигера в Бенинский залив. Другие современники, не менее Рейхардта сомневавшиеся в возможности полного испарения вод Нигера, но не имевшие никаких аргументов против предполагаемого существования «гор Конг», задумались над тем, не может ли Нигер обогнуть этот горный массив с востока. И если так, то не совпадает ли он с Конго? Ведь о Конго, чуть повыше устья, знали в те времена еще меньше, чем о Нигере, хотя в низовьях этой великой реки португальцы появились в конце XV века. Истоки же Конго были окончательно нанесены на карту только в 70—80-х годах XIX века.

Как мы уже сказали, впервые такое предположение высказал в 1804 году английский купец Максвелл, проживший довольно долго в устье Конго. 12 октября 1804 года он писал Парку, который в это время готовился отправиться в свое второе путешествие, что Конго — это, возможно, нижнее течение Нигера. Как можно судить, Парк заинтересовался идеей Максвелла, которая показалась ему очень правдоподобной, и предполагал подтвердить ее своей новой экспедицией. После смерти Парка и этот вопрос остался нерешенным, тем более что до победы при Ватерлоо британскому правительству хватало забот и помимо географического исследования Африки. Но как только победоносно закончились наполеоновские войны, сразу же оживилась и

экспедиционная деятельность англичан в Западной Африке.

В 1815 году в Англии впервые познакомились со статьями Рейхардта, и Реннел считал своим долгом в письмах к Бэнксу решительно опровергать «ложную точку зрения» немецкого коллеги, основываясь опять же на тексте ал-Идриси и на гипотезе о «горах Конго». Но уже в сентябре этого года в устье Гамбии отправилась большая (более ста человек) экспедиция майора Педди, а в июле следующего, 1816 года группа капитана первого ранга Такки отплыла в устье Конго. Эти экспедиции должны были проверить правильность теории Максвелла: Такки предписывалось подняться вверх по Конго, а Педди следовало пойти по маршруту Парка и спуститься по Нигеру до его устья.

Обе попытки окончились неудачей. Исследование Конго остановилось всего в полтораста милях (около двухсот семидесяти километров) от устья и продолжалось лишь три месяца. За это время экспедиция потеряла от болезней почти половину состава (двадцать одного из сорока пяти), в том числе самого Такки и всех ученых, входивших в нее. Экспедиции Педди пришлось провести в Западной Африке целых пять лет, но результаты ее никак не соответствовали такой продолжительности. Сам Педди и большинство его людей умерли от болезней в течение первых двух лет, и руководителем стал майор Уильям Грей. Несколько раз Грей пытался пройти к Нигеру по разным маршрутам, но ему так и не удалось продвинуться дальше Болибане — столицы уже знакомого нам альмами Бонду, Амади Исата. Фульбские правители опасались пропускать европейцев дальше, понимая, что за первыми путешественниками на их землях довольно скоро появятся европейские форты. «В гостях» у альмами Грею пришлось провести полтора года, и отсюда в июле 1818 года он отрядил военного врача Дочарда к «королю Сегу». В ноябре того же года Дочард вышел к Нигеру выше Сегу.

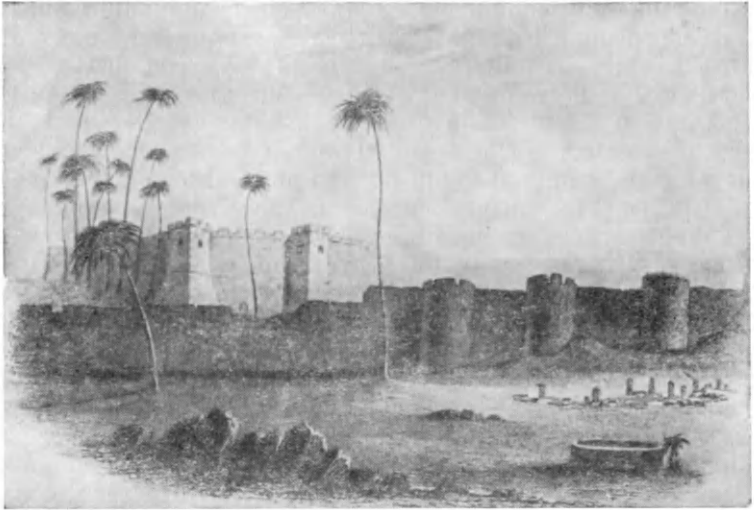
Но это осталось единственным успехом экспедиции. Дочарда даже не допустили в Сегу: с северо-востока на бамбарское государство надвигались войска шейха Ахмаду, создателя фульбского государства в области Масина на Среднем Нигере. И правителю Сегу надо было думать о том, как отбиться от воинственного соседа, а не о пропуске через свои владения английской экспеди-

ции. Дочард попробовал дождаться окончания войны, но безуспешно; в июне 1820 года ему пришлось возвратиться к Грею в Бонду. За эти два года он почти ничего нового не смог узнать ни об истоках Нигера, ни о том, где и каким образом река заканчивается.

Несколько последовавших одна за другой неудач на западном направлении поиска заставили и руководителей Африканского общества, и министерство колоний Великобритании снова обратить свои взоры к Северной Африке. К этому времени британский консул в Триполи полковник Уоррингтон сумел установить прекрасные отношения с пашой Юсуфом Караманлы, правителем Триполитании. Можно было предполагать, что Триполи будет довольно удобным опорным пунктом для экспедиции через Сахару: ведь здесь начиналась одна из главных караванных дорог в Центральный Судан. И поэтому в Лондоне решили отправить двоих путешественников с заданием попытаться пройти к Томбукту, а оттуда, если это будет возможно, спуститься по Нигеру до устья. Кроме того, предполагалось, что один из них, достигнув Мурзука, главного города области Феццан, начнет выполнять там обязанности британского вице-консула.

По рекомендации Бэнкса для решения этой задачи был избран двадцатидевятилетний врач Джозеф Ритчи, а в спутники себе он пригласил капитана морской пехоты Джорджа Лайона и корабельного плотника Джона Белфорда. В октябре 1818 года путешественники прибыли в Триполи, а в мае следующего года благополучно добрались до Мурзука. Но здесь удача покинула экспедицию. Через полгода после прибытия в Мурзук заболел и умер Ритчи. Лайон и Белфорд пробыли в Феццане еще три месяца, но продолжать путешествие они не могли. Дорожные расходы оказались больше даже тех немалых средств, которые получил от казны Ритчи, и Лайону пришлось распродать в Мурзуке часть взятых с собой товаров, чтобы уплатить долги экспедиции. А без денег нечего было думать о путешествии через пустыню, ведь на древнем торговом пути даже доброго слова нельзя получить бесплатно. Лайону оставалось только возвратиться на родину, что он и сделал в августе 1820 года.

Правда, во время своего достаточно долгого пребывания в Мурзуке Лайон имел возможность встретиться со многими африканскими купцами, хорошо знав-

Вид замка правителя в Мурзуке

шими торговлю через Сахару и не раз бывавшими в больших городах на южном ее «берегу». Он подробно расспрашивал их о Нигере и Томбукту, но то ли купцам было неизвестно, откуда начинается «большая река» и в каком направлении течет после Томбукту, то ли они просто не желали делиться с европейцем своими знаниями, только в результате всех своих расспросов Лайон смог вернуться к старой и, по существу, уже отвергнутой географами точке зрения о слиянии Нигера с Нилом. Так он и писал в своем отчете: «...тем или иным путем эти воды соединяются с великим Нилом Египта».

И в конечном счете, пожалуй, самым ценным итогом экспедиции, стоявшей жизни Ритчи, стали те сообщения, которые удалось собрать в Мурзуке о судьбе Хорнемана,— мы уже рассказывали о них. Во всех остальных отношениях экспедиция Ритчи и Лайона потерпела полный провал.

Снова нужно было искать желающих совершить трудное и опасное путешествие. Но друг Бэнкса, видный ученый и крупный чиновник адмиралтейства Джон Барроу, который принимал активное участие в подготовке исследовательских предприятий той эпохи, не

ощущал недостатка в смелых и решительных людях, готовых отправиться на поиски Нигера, в Томбукту и «Хауса». И вот в январе 1822 года из Триполи выступила еще одна британская экспедиция, которой суждено было добиться успеха в географическом изучении Западной Африки с северного направления. Возглавлял эту экспедицию флотский врач Уолтер Аудни, которого сопровождали майор Диксон Денэм и лейтенант флота Хью Клаппертон.

Но уже в 1823 году, в самый разгар работы экспедиции Аудни, Денэма и Клаппертон в Центральном Судане, в очень популярном в то время лондонском журнале «The Quarterly Journal of Science, Literature, and the Arts» появилось сообщение об успешном возвращении во Фритаун экспедиции, обследовавшей внутренние районы континента, прилегающие к британской колонии Сьерра-Леоне. Согласно этому сообщению, начальник экспедиции лейтенант Лэнг экспериментально подтвердил правильность утверждения майора Реннела о невозможности слияния Нигера с Нилом из-за недостаточной разности высот, осуществив барометрические измерения абсолютной высоты наиболее вероятного местоположения истока Нигера. Речь явно шла о крупном научном открытии.

ЛЭНГ (1822)

Для того, кто это открытие совершил, знакомство с Африкой началось в конце 1819 года, когда двадцатипятилетний Александр Гордон Лэнг, только что произведенный в лейтенанты, вернулся из отпуска в свой 2-й Вест-Индский полк, переброшенный к тому времени с Ямайки в Сьерра-Леоне. Лейтенант был молод и честолюбив. К тому же он получил серьезное образование в Эдинбургском университете, а этим могли похвастать немногие офицеры его величества, в особенности из служивших в колониях. И Лэнга, конечно же, заинтересовал вопрос об истоках и течении Нигера, о странах, лежащих на «большой реке». В Сьерра-Леоне ему очень часто встречались купцы, не раз бывавшие и в верховьях Нигера, и в Томбукту, и в загадочной

Александр Гордон Лэнг

«Хауса». Лэнг их много и подробно расспрашивал, но очень скоро на собственном опыте убедился в том, что поняли руководители Африканского общества еще в начале 90-х годов: никакой ясной и непротиворечивой картины внутренних областей Западной Африки по этим рассказам создать нельзя. Отсюда следовало только одно — кто-то должен продолжить дело Хаутона и Парка. И лейтенант Лэнг счел свою кандидатуру наиболее подходящей.

Уже 15 марта 1821 года, через год с небольшим по возвращении в полк, он подал рапорт начальству. «В течение долгих лет я имел сильное желание проникнуть в глубь Африки, и это желание намного усилилось с моим прибытием на побережье», — писал Лэнг. А дальше он предлагал совершить путешествие в Томбукту че-

рез территорию нынешней Гвинейской Республики. При этом лейтенант не требовал у казны никаких денег на это предприятие; от правительства он просил только такое научное оборудование, какого было не достать в колонии,— секстант, хронометр и барометр.

Несмотря на поддержку командира полка, рапорт Лэнга не получил хода. Как раз в 1821 году из Англии должна была отправиться «миссия в Борну», и министерство колоний отказало Лэнгу на том основании, что аналогичное поручение уже дано другому офицеру.

Но судьба на этот раз была милостива к лейтенанту: в конце 1821 года ему представилась возможность проверить свои соображения насчет доступности внутренних районов Западной Африки со стороны Атлантического побережья. В начале 20-х годов, через полтора десятилетия после того как парламент отменил рабство и запретил работорговлю, колониальные власти все настойчивее старались «продвинуть» британское влияние за пределы побережья, используя для этого любой повод. А война, вспыхнувшая в конце 1821 года между мандингскими вождями в местностях вдоль нынешней границы Гвинеи и Сьерра-Леоне, дала генералу сэру Чарлзу Мак-Карти, губернатору британских поселений на западном берегу Африки, такой повод. Военные действия нарушили торговлю колонии Сьерра-Леоне с внутренними областями, и под этим предлогом очень удобно было вмешаться в события, направив миссию «для защиты торговых интересов» британских подданных.

В инструкции, которую Мак-Карти вручил Лэнгу 7 января 1822 года, эти соображения объявлялись официальной целью миссии, которая должна была отправиться к альмами города Форекарии — Амаре. Но генерал явно имел в виду «попутно» узнать все, что потом могло бы пригодиться при дальнейшем «освоении» прилегающих к колонии стран: его интересовало политическое положение, сравнительные силы соперников, их намерения, возможности расширения посевов риса, хлопка и кофе. Начальнику миссии вменялось в обязанность не только уговаривать вождей расширять торговлю с англичанами, но и поддерживать равновесие между противниками, обещая содействие со стороны британской администрации в случае «дружественного поведения». Как видим, политика «разделяй и власт-

вуй», проверенная и отработанная в Индии и Северной Америке, начинала внедряться и на африканской земле.

Но Лэнга эта сторона дела интересовала гораздо меньше, чем возможность проникнуть в не изведенные еще страны. В течение января и февраля 1822 года он обследовал районы Камбии и Форекарии, и эти короткие путешествия стали как бы генеральной репетицией той экспедиции Лэнга, во время которой он подошел к истокам Нигера ближе, чем кто-либо из европейских путешественников до него (да и после Лэнга прошло несколько десятков лет, прежде чем французские исследователи впервые увидели начало великой реки).

Весной 1822 года лейтенант снова обратился к генералу Мак-Карти с предложением направить в северо-восточные области современной Сьерра-Леоне экспедицию, которая бы попыталась установить прямые торговые связи между княжеством Сулима, о существовании которого понаслышке знали во Фритауне, и британской колонией. Лэнг обращал внимание губернатора на то, что такая экспедиция позволит познакомиться с «ресурсами многих, лежащих прямо на восток от колонии, стран, которые, как и страна Сулима, пока известны нам лишь по названию». Мак-Карти дал согласие на экспедицию.

Официальные задачи миссии Лэнга были строго ограничены переговорами о торговых делах и выяснением политической обстановки. Никаких упоминаний истоков Нигера в них не было. Но трудно поверить, что Лэнг не рассчитывал использовать свое путешествие и для того, чтобы достигнуть наконец таинственного места. Едва ли он говорил об этом с губернатором, однако не исключено, что такая возможность подразумевалась.

В успех своего предприятия Лэнг верил непоколебимо. И у него были к этому достаточные основания: за два года службы в Африке лейтенант хорошо познакомился с местными условиями и научился поддерживать дружественные отношения с африканцами; он свободно говорил на менде, одном из самых распространенных языков этого района. А о личных качествах Лэнга его прямой начальник капитан Грант еще по поводу первого рапорта, поданного в марте 1821 года, писал: «Лэнг... обладает ясным умом, крепок физически, вынослив и широко образован, что позволит ему

сделать наблюдения, которые бы не только внушили большое доверие к нему самому, но и принесли бы немалую пользу стране».

16 апреля 1822 года лейтенант Лэнг с отрядом, в который входили переводчик, слуга, двое негров — солдат 2-го Вест-Индского полка и одиннадцать носильщиков, выступил из Фритауна. Он выбрал путь вверх по реке Рокелле: река могла стать удобным торговым путем между колонией и внутренними областями, особенно в дождливый сезон, когда она делалась судоходной на довольно большом протяжении. Такая дорога имела бы огромное преимущество как для самого Лэнга, так и для последующей торговли. Ведь двигаясь по суше, путешественник целиком зависел от того, сможет ли он нанять носильщиков на очередной стоянке. И Лэнг не без основания полагал, что местные вожди едва ли будут ему помогать в этом, так же, впрочем, как и в установлении прямых торговых связей: терять выгоды посреднического положения никому не хотелось.

Уже довольно скоро Лэнгу пришлось встретиться с сопротивлением со стороны вождей. Старейшина селения Ма-Бум Моди Исмаила и его приближенные оказались глухи к красноречию Лэнга, который, как ему казалось, очень убедительно объяснял им выгоды будущей торговли с колонией Сьерра-Леоне. Итоги этого разговора путешественник подвел в двух грустно-иронических фразах: «Они не нуждались ни в торговле, ни в добром имени. Им нужны деньги, и если они их не получают, я дальше не пойду». А когда в конце концов Лэнгу разрешили двигаться дальше, предусмотрительный Моди Исмаила велел проводнику вывести экспедицию к селению, с вождем которого он заранее успел договориться о нападении на Лэнга и о разделе товаров, которые у него предполагалось захватить. Переводчик Лэнга Муса Канта совершенно случайно услышал разговор об этом, и путешественники обошли опасное место.

Но через две недели в селении Каниакута история повторилась: местный вождь направил Лэнга дальше, устроив на его пути засаду. Лейтенанта и его спутников спас бывший солдат британской пехоты, знавший по старой своей службе в Сьерра-Леоне солдат-негров, которые сопровождали экспедицию. Оказавшись в числе посланных в засаду, этот человек сумел задержать свой

отряд, и он пришел к месту засады уже после Лэнга.

Известие об этом неудавшемся заговоре дало Лэнгу повод записать в дневнике: «Они обнаружили бы, что такая попытка сопряжена с большими трудностями, чем они ожидали. Ибо такие люди, как те, что были со мною,—давно привыкшие к свободе... скорее отдали бы свою кровь до последней капли, чем согласились бы быть превращенными в рабов». Надо сказать, что в отличие, скажем, от Хаутона Лэнг по своим убеждениям был решительным противником рабства и работорговли. Он оценивал ее очень определенно: «Это омерзительная торговля, которая поражает самые основы производства, разрушает узы общественного порядка и гасит у людей даже сильнейшие родственные чувства». Лэнг прекрасно видел, что запрет рабства в британских владениях не слишком затронул работорговлю в глубинных областях, где она стала неотъемлемой частью повседневной жизни, можно сказать, вошла в быт африканцев.

Даже сейчас, полтора столетия спустя, иной раз бывает как-то не по себе при чтении рассказов Лэнга о том, что ему казалось вполне обычным и естественным. Вот путешественник как бы мимоходом замечает: во время работорговли доходы вождей соседних с колонией Сьерра-Леоне местностей были очень велики, а сейчас стали ничтожными,—ведь с обнищавших подданных не всегда можно собрать даже мизерные налоги.

В одном из селений расследуют случай неожиданной смерти. «Если бы еще существовала работорговля,—записывает Лэнг,—какого-нибудь несчастного могли бы признать виновным и продать в рабство. Но запрещение ее в этой местности из-за близости к Сьерра-Леоне заставило колдунов... прийти к выводу, что смерть последовала от действий злого духа».

В другом селении две матери предлагают путешественнику купить у них детей, а отказ Лэнга заключить такую сделку не только воспринимают как оскорбление, но и объявляют по всей деревне, что это-де «один из тех белых, которые пресекают работорговлю и наносят ущерб процветанию страны». И лейтенант сразу же начинает замечать враждебные взгляды жителей.

Лэнг несколько не заблуждался относительно истинных причин бурного расцвета работорговли и ее пагубного влияния на все стороны жизни африканских наро-

дов. В заключительной главе своей книги о путешествии во внутренние районы Сьерра-Леоне он с горечью напишет: войны между африканцами в этих местах «всегда имели в основе причины, происходящие от алчности европейцев, и такими же причинами поддерживались». Ведь не будь работорговли, африканцы достигли бы гораздо большего в развитии ремесла и земледелия. «Я убежден,— пишет Лэнг,— что небольшое число мотыг, цепов, граблей, лопат и т. п. было бы очень полезно, если бы способы их употребления были показаны практически. И они оказались бы более выгодными и для африканцев, и для нас, нежели ружья, треуголки и шутовские кафтаны, которыми их сейчас снабжают».

В записях Лэнга мы неизменно видим дружеский интерес к людям, с которыми он встречался на африканских дорогах. Лейтенант высоко ценил способность темне и малинке к восприятию достижений европейской культуры: его просто восхитило то спокойствие, с каким африканцы отнеслись к невиданному новшеству — оспопрививанию (у Лэнга было небольшое количество вакцины), ведь поначалу в «цивилизованной» Европе оно далеко не всегда проходило гладко и без сопротивления. Особое внимание путешественник уделял африканским ремесленникам, отмечая, что, например, у народов, говорящих на языке мандинго, ремесленника высоко ценят. Очень подробно описывает он металлургическое производство, зарисовывает плавильные печи для железа. Одобрение Лэнга вызвал мост из лиан через Рокелле — прообраз наших современных висячих мостов.

Пришлось Лэнгу столкнуться и с такой особенностью общественной жизни Тропической Африки, как так называемые тайные союзы. Он, можно сказать, на личном опыте познакомился с союзом «Поро», одной из важнейших организаций традиционной Западной Африки. Во внутренних областях нынешней Сьерра-Леоне никто не мог себе позволить путешествовать по стране без согласия союза, иначе говоря, не выплатив его вождям отступного. Лэнг описывал «Поро» как «институт, которого очень боятся в этой несчастной стране», и сравнивал союз с инквизицией. Тут лейтенант ошибается, хотя и было некоторое сходство в методах действия «Поро» и инквизиции: сложные обряды, система риту-

альных запретов, наконец, таинственность, окутывавшая все, что делал союз. Но этим сходство и ограничивалось: тайные союзы первоначально были особым институтом родо-племенного общества, который должен был готовить молодежь к исполнению общественных обязанностей в рамках племени, внушать ей уважение к традициям. Однако во времена Лэнга «Поро» был уже не только таким институтом, но в первую очередь очень эффективным средством поддержания авторитета и власти вождей, родо-племенной аристократии, которая занимала в нем руководящее положение. Запуганное таинственностью всех действий «Поро», население безропотно терпело, когда «духи», то есть фактически руководители союза, отбирали любое имущество, какое им приглянулось. Руководители «Поро» с большой охотой захватывали не только вещи, но и людей, которых потом продавали в рабство.

Для Лэнга встреча с «Поро» закончилась без потерь: его солдаты, негры с Ямайки, не оказали должного почтения членам союза, когда те однажды появились в деревне, где заночевала экспедиция. Солдатские штыки, а потом появление Лэнга привели ночных посетителей в замешательство, и они сочли за лучшее удалиться.

Доброжелательное отношение к африканцам не лишало Лэнга ни критического отношения к тому, с чем ему приходилось сталкиваться, ни чувства юмора. Например, как и Хаутон тридцатью годами раньше, он очень болезненно воспринимал африканское представление о времени (своем и чужом). «Я был основательно раздражен из-за того, что теряю день таким дурацким образом,— пишет он.— Но последующий опыт научил меня, что подобные огорчения путешественнику приходится ежедневно испытывать среди людей, которые никак не ценят ни свое время, ни время других». Лэнг хорошо понимал, что африканец, привыкший к размеренной жизни, протекавшей по раз и навсегда установленным образцам, плохо приспосабливается к торгово-промышленной деятельности на европейский манер. С веселой улыбкой повествует лейтенант о том, как в самом начале своего путешествия попробовал приветствовать одного из вождей ружейным салютом: вождь невероятно испугался, а когда ему растолковали, в чем дело, милостиво согласился простить незадачливых гостей за порцию рома.

Начинался дождливый сезон, и продвигаться по африканскому бездорожью делалось все труднее. Лэнга мучила малярия. В записях этого периода упоминания о приступах болезни — обычная деловая подробность, повседневная и неизбежная. И ни одной жалобы. Вперед, только вперед... И 11 июня 1822 года, после восьми недель пути, отряд лейтенанта Лэнга вошел в Фалабу, город на северо-востоке нынешней Сьерра-Леоне, столицу княжества Сулима.

Здесь посланника губернатора встретили очень дружелюбно, подарки приняли, а разговор об установлении прямых торговых связей между колонией и владениями Ассаны Йоро, правителя Фалабы, предложили отложить на будущее, тем более что сразу же по прибытии малярия все-таки свалила Лэнга и почти две недели он был на грани смерти. Когда путешественник пришел в сознание, больше всего его огорчили остановившиеся часы: теперь нельзя было точно определить долготу места.

Передав Ассане Йоро подарки и поручение генерала Мак-Карти, Лэнг, собственно, уже выполнил свое официальное задание. Теперь он мог подумать и о дальнейшем путешествии «дальше к востоку», как говорилось в одном из писем, отправленных во Фритаун в начале июля. По всем признакам оставалось совсем немного до истоков Нигера, и Лэнг твердо решил проделать этот путь. 13 июля 1822 года он записал в дневнике: «Мои силы теперь быстро возвращаются, а с ними — мое желание двинуться на восток. Я знаю, что исток Нигера не может быть далеко от Фалабы, и желаю дойти до него, дабы, установив его высоту над уровнем моря, выяснить, достаточно ли высоко он расположен, чтобы нести свои воды в Средиземное море через Нил». Но для того чтобы это сделать, требовалось получить согласие правителя на дальнейшее продвижение. И в тот же день, 13 июля, Лэнг впервые обратился к Ассане Йоро, прося дать ему проводника, для того чтобы он, Лэнг, смог пройти дальше на восток от владения вождя и добраться до «большой реки».

Результат разговора был тяжелым ударом для путешественника. Вождь наотрез отказался пропустить экспедицию дальше. «Я воюю с народом киси, в стране которых начинается река, — ответил Ассана. — Если они узнают, что ты пришел от меня, тебя тут же убьют».

Переубедить хозяина не удалось, и Лэнгу пришлось перейти к планомерной осаде Ассаны. Раз за разом он обращается к тому со своей просьбой — и раз за разом получает отказ.

Сидя в Фалабе, Лэнг расспрашивает всех прибывающих в город купцов, далеко ли до «большой реки». Отвечают ему по-разному. Жители области Сангара, расположенной к востоку от страны Сулимы, говорили о трех днях пути; в одном из селений по дороге к Фалабе упоминали о шести днях. А здесь речь идет уже о двенадцати. Лэнг грустно записывает: «Чем дальше я здесь, тем более они будут склонны преувеличивать расстояние, чтобы заглушить мое желание предпринять такое путешествие». Времени оставалось мало, и путешественник был близок к отчаянию.

28 июля счастье как будто ему улыбнулось: пришли проводники для экспедиции, за которыми послал Ассана Йоро к своему союзнику, чье селение, как утверждал Ассана, находилось на самой Джолибе. Лэнг собрался за два дня и утром 31 июля выступил из Фалабы, сопровождаемый всего четырьмя спутниками. Но уже в полдень его догнал слуга правителя с приказом вернуться назад. Когда экспедиция возвратилась, выяснилось, что Ассана Йоро боится выпустить своего гостя в опасное путешествие с недостаточным запасом товаров: более всего он упирал на то, что у Лэнга не было ни соли, ни табака. Ассана любезно соглашался достать необходимые товары, но до той поры белому человеку придется подождать. Ведь все равно народ куранко, через земли которого ему предстоит пройти, не пропустит чужестранца, если у него не окажется с собой соли: этот товар издавна ценился в Западной Африке выше всех прочих. И Лэнгу ничего не оставалось, как подчиниться.

Здесь, в столице княжества Сулима, Лэнгу представились немалые возможности лишний раз убедиться в том, что работорговля продолжает процветать, несмотря на официальное ее запрещение к этому времени уже всеми европейскими державами и Соединенными Штатами. Наблюдая, как в Фалабе готовились к очередной экспедиции за рабами в земли народа лимба, Лэнг записывает: «Приказы относительно движения и сбора разных частей войска издавались с такой степенью регулярности и методичности, которая ясно показывала,

что занятие это — не редкость». Путешественник попробовал было уговорить Ассану Йоро не проводить этот набег на лимба, но вождь сначала просто не понял, чего от него хочет гость. «У меня много незанятых людей, а на рабов есть спрос — так как же не воевать?!» Кроме того, ведь лимба слабее, значит, их дело — быть поставщиками рабов и пальмового масла более сильному соседу. Видимо, в глубине души Ассана посмеивался над наивностью европейца, не понимавшего таких элементарных вещей.

А время шло. 3 августа в Фалабу пришел с востока большой караван, в составе которого оказались двое купцов, за несколько лет до того побывавших у истоков Джолибы. На вопросы Лэнга купцы ответили: да, от Фалабы туда можно дойти дней за пять, если бы не кисы. Этот народ убивает или продает в рабство любого чужестранца, оказавшегося на его земле. Лэнг не боялся страшных кисы, он был совершенно уверен, что, если его выпустят из Фалабы, экспедиция любой ценой достигнет Нигера. Но его по-прежнему не отпускали...

Наконец ему все же удалось уговорить Ассану выпустить экспедицию к Джолибе утром 19 августа. На этот раз лейтенант добрался до самой границы владений правителя Фалабы. Но здесь его на следующее утро нагнал очередной посланец Ассаны: вождю приснился дурной сон по поводу гостя, и Лэнг должен возвратиться. Теперь стало понятно, что под тем или иным предлогом, но к Нигеру его не пропустят. Оставалось утешаться тем, что условия для такой экспедиции сейчас совсем неподходящие: кончается срок, установленный губернатором; нет носильщиков — они не пойдут за Лэнгом в страну кисы; товарами, полученными в колонии, рисковать нельзя — много подобных причин мог придумать Лэнг. А что он чувствовал на самом деле, видно из такой записи: «Самая большая неудача, какую пришлось мне испытать в жизни, не причинила мне столько огорчения, как это повеление» (речь идет о приказе возвратиться в Фалабу с границы).

Теперь Лэнг решил обследовать все, что возможно, в окрестностях Фалабы. И вот 24 августа с холма Конкудугуре, в четырех милях к югу от города, он впервые увидел на юго-юго-востоке гору Лома, с которой, как ему говорили все, начинается Джолиба. Через неделю после этого он двинулся из Фалабы к истоку реки Ро-

келле, по которой отправился в свою экспедицию из колонии Сьерра-Леоне. 3 сентября Лэнг первым из европейцев выходит к истоку, наносит его на карту и записывает: «От истока Рокелле мысли мои незаметно и естественно перенеслись к истоку Нигера. И размышляя об успехе, которым сопровождался мой первый опыт в исследовании Африки, я осмеливаюсь предвидеть время, когда течение и устье этой таинственной реки будут известны мне столь же определенно, как сейчас известно местоположение ее истока».

На следующее утро, 4 сентября 1822 года, с холма, возвышающегося над истоком Рокелле, Лэнг увидел гору Лома еще ближе, чем в первый раз,— расстояние до нее он оценил примерно в 25 миль (40 километров) по прямой. И хотя он испытывал по этому поводу, как сам пишет, «большое удовольствие», к этому чувству примешивалась и острая досада: ведь одного, ну, может быть, двух дней ему бы хватило, чтобы добраться до истока Нигера. Впрочем, немалым успехом было его пребывание даже здесь, в пределах прямой видимости истока.

И, что особенно важно, произведя барометрическое измерение высот, Лэнг по существу окончательно решил судьбу гипотезы о слиянии Нигера с Нилом. Высота холма, на котором Лэнг находился, составляла около 1600 футов (488 метров) над уровнем моря, а гора Лома, с которой начинается Нигер, была такой же или ненамного выше. А это значило, что воды Нигера не могут дойти до Нила: не хватает разности высот. Позднейшие измерения, произведенные более точными методами, изменили цифры, которые приводит Лэнг. Оказалось, что исток Нигера лежит на высоте 745 метров, но даже при такой абсолютной высоте истока реки перепад высот недостаточен для слияния с Нилом. Собственно, это открытие и было самым важным результатом первой африканской экспедиции Александра Лэнга.

Сам он хорошо это понимал. Среди бумаг Лэнга, хранящихся в архиве британского Королевского общества, есть черновик письма неизвестному адресату. Вот как путешественник оценивал в этом письме результаты своей экспедиции: «Я всегда полагал, что знание высоты истока Нигера будет в высшей степени важно, ибо, если она нам когда-нибудь станет известна, мы смогли бы с уверенностью сказать, куда эта река впадать не

может, и, следовательно, сберечь много усилий и затрат при будущем исследовании этого вопроса... Исток Рокелле лежит на высоте 1441 фута над уровнем моря, по показаниям барометра, и, судя по виду местности между двумя истоками, я не смог бы предположить, что исток Нигера выше более чем на сто футов. Вопрос о Нигере, соединяющемся с Нилом, должен быть поэтому навсегда снят: высота его истока оказывается недостаточной для того, чтобы позволить Нигеру пройти и половину расстояния». Установление этого факта, по-видимому, немного утешало лейтенанта, оправдывало перенесенные лишения и неприятности.

Завершающий этап путешествия прошел без каких бы то ни было осложнений: 17 сентября Лэнг выступил из Фалабы, а 27 октября 1822 года его отряд достиг Фритауна. На обратном пути к членам экспедиции присоединился еще один человек, пришедший к Лэнгу в Фалабе. Лэнг взял его к себе слугой и никогда впоследствии об этом не жалел: новый спутник оказался верным и надежным товарищем и сопровождал Лэнга до самой своей смерти — он умер во время второй экспедиции Лэнга. Звали его Джек ле Бор, и жизнеописание его могло бы стать основой увлекательного приключенческого романа даже в тот бурный век. Молодой негр из Сан-Доминго завербовался во французскую армию и прошел с ней через все победы и поражения во время наполеоновских войн. В битве при Аустерлице он служил трубачом, затем побывал в английском плену, потом воевал по всей Европе, а когда рухнула империя Наполеона, каким-то образом снова оказался в Англии — и здесь завербовался опять, на этот раз горнистом в Королевский африканский корпус. Новая служба началась для ле Бора участием в экспедиции Педди; в 1818—1820 годах он сопровождал в страну бамбара Дочарда. Так что опыт «африканских исследований» у него был, пожалуй, побольше, чем у самого Лэнга.

Путешествие лейтенанта Лэнга вызвало в Англии немалый интерес. Ему пришлось отвечать на множество писем с расспросами относительно внутренних областей Сьерра-Леоне. И все же довольно скоро внимание английской читающей публики переключилось на экспедицию Аудни, Денэма и Клаппертона, носившую официальное наименование «миссия в Борну».

«МИССИЯ В БОРНУ» (1822 — 1825)

Отправка в 1822 году британской «миссии в Борну» была подготовлена сообщениями, полученными из Фецана от Хорнемана в 1800 году, от Ритчи и Лайона — в 1819 году.

Особый интерес у организаторов экспедиции вызвало сообщение Лайона, что Нигер впадает в Нил «к югу от Донголы». Этот вывод Лайона совпадал с точкой зрения Джона Барроу, который выступал теперь (вместо умершего в 1820 году Бэнкса) главным организатором африканских исследований. Барроу был ярким приверженцем гипотезы «Нигер — Нил». Понятно, что и сам он, и его научные единомышленники были крайне заинтересованы в отправке еще одной экспедиции, которая доказала бы правоту заключения Лайона. И министерство колоний Великобритании — на нем лежала теперь непосредственная подготовка таких предприятий — вновь решило отправить одного или нескольких исследователей, причем той же дорогой и для достижения тех же целей.

Начались поиски подходящей кандидатуры, одновременно велась и дипломатическая подготовка экспедиции. 5 августа 1820 года британский консул в Триполи Уоррингтон докладывал лорду Батерсту о своих успешных переговорах с Юсуфом Караманлы по поводу эскорта, который паша сможет предоставить очередному английскому путешественнику. Этот эскорт должен будет сопровождать британскую экспедицию до самого Борну. А спустя три месяца Барроу сообщил в министерство колоний, что он нашел наконец подходящего человека, готового отправиться на поиски загадочного Нигера.

Им оказался Уолтер Аудни — снова шотландец, врач и ботаник. Сын бедных родителей, он к двадцати годам смог получить лишь среднее медицинское образование и в 1810 году отправился в Ост-Индию в качестве судового фельдшера. Только спустя шесть лет Уолтер вернулся на родину и поселился в Эдинбурге. Здесь он окончил университет и получил диплом врача. Много времени уделял Аудни изучению химии и естественной истории, готовясь читать лекции по ботанике в университете. Без сомнения, увлечение естественной историей

и заставило его с таким жаром ухватиться за предложение исследовать Нижний Нигер.

Но в Лондоне на этот раз не слишком спешили с отправкой путешественника в Триполи. Экспедиция должна была двинуться в глубь Африки лишь спустя несколько месяцев, с наступлением сухого сезона. А Аудни предложили за это время подыскать себе компаньона. Вскоре он остановил свой выбор на тридцатилетнем морском офицере Хью Клаппертоне, земляке и почти что соседе: Клаппертон тоже был родом из Шотландии и жил в Эдинбурге на одной улице с Аудни.

Во время «миссии в Борну» и особенно в следующей экспедиции (о которой речь у нас пойдет дальше) Клаппертону выпала честь осуществить самые плодотворные исследования на Нижнем Нигере. И поэтому интересно познакомиться немного подробнее с обстоятельствами, под воздействием которых формировался характер этого смелого исследователя Африки.

Уже в ранней юности будущий путешественник испытал немалые трудности, закалившие его духовно и физически. С тринадцати лет он плывал юнгой на торговом судне, совершавшем рейсы между Ливерпулем и Северной Америкой, затем перешел на военный флот и за девять лет, с 1808 по 1817 год, побывал в самых различных частях света, подвергаясь многим испытаниям и лишениям. Во время войны с наполеоновской Францией Клаппертон, участвуя в операциях против французского флота у берегов Испании, был ранен в голову, и эта рана впоследствии причиняла ему большие страдания.

В самом начале службы Клаппертон на флоте его величества, в 1808 году, корабль, на котором он плыл в Индию (молодой человек давно мечтал попасть в эту страну), во время сильного шторма повстречал судно, терпящее бедствие. Требовалась немедленная помощь, и Хью вызвался участвовать в спасении утопающих. С корабля спустили шлюпку. Однако волны были такой силы, что легкая посудина недолго продержалась на воде. Лодка перевернулась. Все находившиеся в ней моряки утонули. Спаслись только двое — Клаппертон и его товарищ, которому Хью помогал держаться на воде, пока шторм немного не утих и с корабля не отправили другую шлюпку на их поиски.

Хью Клаппертон

В 1810—1812 годах Клаппертон плавает на корабле «Клоринда» вдоль берегов Индии, а в конце 1813 года возвращается в Англию. Вскоре его направляют в военно-морскую школу в Портсмуте. Окончив ее, Клаппертон добровольцем отправляется в Канаду (где шла война между Англией и США) для несения службы на Великих озерах. Зимой 1814 года во главе небольшого отряда Клаппертон защищает блокаду на озере Гурон. Во время одной из атак огнем с американской шхуны блокада была разрушена, Клаппертону с солдатами предстоял плен. Однако они предпочли другое. В разгар зимы, по льду, пересекли озеро Мичиган и, преодолев около шестидесяти миль, дошли до Йорка, столицы Верхней Канады, где находились английские войска. В этом

переходе молодой офицер нес больного мальчика, в результате обморозился и потерял большой палец левой руки.

В 1817 году Клаппертон в чине лейтенанта возвратился в Англию и поселился в Эдинбурге. Спустя три года он познакомился с Аудни и немедленно согласился сопровождать того в глубь Африки, как только узнал о предполагаемом путешествии. 8 июля 1821 года лейтенант Клаппертон направляет официальное прошение министру колоний лорду Батерсту.

Ему было тогда тридцать три года. От природы очень сильный, атлетического сложения человек, он был к тому же хорошо закален в испытаниях, выпавших на его долю. Так он и писал министру, предлагая свои услуги: «Лейтенант Клаппертон обладает крепким здоровьем, которое уже подвергалось достаточной проверке в самых различных климатических условиях, и считает себя в состоянии оказать помощь в исследовании малоизвестных миру стран Африки». Предложение принимается.

Спустя некоторое время к экспедиции присоединился еще один член — Диксон Денэм, тоже пожелавший принять участие в изучении Африки. Этот тридцатилетний майор всю свою сознательную жизнь провоял в составе британских войск за границей — в Португалии, Испании, Франции, Бельгии и, казалось, никогда не проявлял интереса ни к каким географическим экспедициям. Как утверждает биограф Денэма, внимание майора к исследованиям в Центральной Африке привлекла смерть Джозефа Ритчи (хотя он раньше не был знаком с этим путешественником).

Используя свои связи (Денэму покровительствовал сам герцог Веллингтон, победитель при Ватерлоо), майор очень скоро, в июне 1821 года, добился зачисления в состав «миссии в Борну». Но человек самонадеянный и крайне честолюбивый, он жаждал большего — ему необходима была руководящая роль в затеянном предприятии. Этого ему тоже удалось достичь, разумеется, за счет двух других членов экспедиции.

В результате Аудни вместо исследования Борну предстояло остаться там в качестве вице-консула. Главой экспедиции назначался Денэм. Клаппертон должен был расстаться с Аудни и поступить в подчинение майора. Успешные хлопоты Денэма привели к многочислен-

ным осложнениям и имели крайне нежелательные для хода всей экспедиции последствия.

Согласно полученной инструкции, основной целью «миссии в Борну» было установление торговых отношений в бассейне Нижнего Нигера. В связи с этим казначейство не поскупилось: на организацию экспедиции выделили крупную сумму — пять тысяч фунтов стерлингов. Ее участникам было назначено ежегодное содержание: Аудни — 600 фунтов, Денэму и Клаппертону — соответственно 300 и 150.

Аудни получил от министерства иностранных дел специальные инструкции. Он должен был, как в свое время и Ритчи³⁶, «по прибытии в Борну или другую резиденцию султана доставить ему подарки и вручить верительные грамоты, которые получит в Триполи». Затем Аудни следовало поселиться поближе к правительственным кварталам, чтобы, как подчеркивал министр, «использовать малейшую возможность для сбора информации о стране и ее соседях».

На Денэма возлагались исследовательские функции: «Главная задача Вашего путешествия — разведать страну к югу и востоку от Борну с целью нанесения на карту направления Нигера и определения его устья». Читая это предписание, посланное майору из министерства колоний 20 сентября 1821 года, трудно удержаться от предположения, что к нему приложил руку Барроу. В инструкции явно проглядывает его убеждение, что Нигер течет к Нилу, проходя через озеро Чад или огибая его с юга.

Путешественники отправились к Нигеру с северного побережья. В марте 1822 года, после четырехмесячного пребывания в Триполи, они вышли с караваном в Феццан. Состав экспедиции к этому времени увеличился: на Мальте был нанят корабельный плотник У. Хилмэн, а триполийский паша прислал переводчика Барка, который говорил по-арабски и по-итальянски.

Отношения между участниками экспедиции, напряженные с самого начала, с каждым днем все ухудшались. Между Денэмом, с одной стороны, и Клаппертонном и Аудни — с другой, начались ссоры, сопровождав-

³⁶ В архиве министерства иностранных дел сохранился экземпляр инструкции Ритчи с пометками на полях, предназначенными для Аудни.

шиеся взаимными оскорблениями. Как сообщал консул из Триполи, «в южной миссии возникла и разрастается вражда, главным образом из-за соперничества Аудни и Денэма...» Разногласия увеличиваются из-за различных параграфов в новых документах, в которых указывается, что миссия находится под непосредственным руководством Денэма, отмечал Уоррингтон. Как он полагал, примирение враждующих сторон было невозможно. Исходя из этих соображений, консул настоятельно советовал, чтобы Клаппертон был передан в подчинение своего друга и соотечественника Аудни.

Вскоре из Лондона действительно последовало указание, чтобы «Клаппертон находился исключительно в распоряжении Аудни». Несмотря на это, Денэм продолжал требовать от лейтенанта неукоснительного выполнения своих распоряжений. Диктаторская манера и надменность Денэма вызывали резкий отпор со стороны в общем-то довольно покладистого Клаппертонна. Обстановка накалялась все больше: начались взаимные обвинения, в министерство колоний и консулу Уоррингтону посыпались жалобы Денэма, ответные объяснения, опровержения Аудни и Клаппертонна³⁷. Так продолжалось в течение всего пути. При этом майор пытался всячески опорочить Клаппертонна, сообщал о нем в министерство колоний заведомые сплетни, ничего общего не имевшие с действительностью. Например, в письме от 20 февраля 1823 года он доносил, что лейтенант не умеет ладить с местными жителями, ведет себя с ними грубо и высокомерно, чем возбудил всеобщую нелюбовь. На самом же деле Клаппертон заслуженно пользовался уважением африканцев и имел среди них множество друзей.

С конца 1823 года Денэм и Клаппертон вообще перестали разговаривать друг с другом, обмениваясь только письмами, оскорбительный тон которых переходил все мыслимые рамки приличия. Дошло до того, что лейтенант, у которого находились измерительные приборы, отказывался сообщать Денэму координаты экспедиции и другие научные данные, а последний, начи-

³⁷ Передать в нескольких словах содержание обширной переписки по этому вопросу невозможно. В последнее издание дневника «миссии в Борну», вышедшее в 1965 году, включены лишь наиболее важные из писем. Они рисуют весьма печальную картину, позорящую главного виновника раздоров Денэма.

ная с января 1822 года и до ноября 1823 года, утаивал депеши, в которых министр колоний категорически отвергал выдвигаемые против Клаппертона тяжкие и оскорбительные обвинения, неизменно подчеркивая свое полное доверие к лейтенанту и отсутствие малейших оснований для сомнений в его поведении.

В начале апреля 1822 года экспедиция прибыла в Мурзук. Вскоре выяснилось, что путешественникам предстоит длительное пребывание в этом городе, который уже стал могилой для нескольких их предшественников, как писал 4 мая Денэм лорду Батерсту, сетуя на задержку³⁸.

Войско правителя Фецана, под охраной которого экспедиция намеревалась отправиться дальше, только что вернулось из похода на юг. Доблестное воинство захватило во время набега много рабов. Отправкой их на рынки Триполи и был занят бей Фецана, которому по этой причине было не до британской «миссии в Борну» — он наотрез отказался выделить отряд для сопровождения путешественников.

Вслед за направившимся в Триполи беом туда выехал и Денэм, чтобы потребовать у паши выполнения его обязательств перед миссией³⁹.

Паша, конечно, обещал сделать все от него зависящее, но предупредил, что экспедиция сможет отправиться в Борну не ранее января 1823 года. Тогда Денэм пригрозил пожаловаться своему правительству и даже демонстративно отправился было в Марсель. Паша Юсуф, поняв, что не сможет «поднять плату за услуги», предоставил в конце концов сотню всадников и столько же пехотинцев для эскортирования экспедиции вплоть до Борну.

Наконец, после многих треволнений, 4 ноября 1822 года Аудни смог сообщить, что все готово и отъезд намечен на первый или второй день новолуния (15—16 ноября). Караван вместе с торговцами, путешественниками и их эскортом насчитывал около двухсот тридцати человек. Паша даже прислал нового перевод-

³⁸ Имелись в виду, очевидно, Джозеф Ритчи и компаньон Хорнемана — Френденбург.

³⁹ Английское правительство обещало паше Триполи пять тысяч фунтов за обеспечение безопасности путешественников, опрометчиво полагая, на основании слов консула Уоррингтона, что влияние паши распространяется в глубь Африки, вплоть до Борну.

чика Бу Халума, хорошо знакомого с районами, по которым экспедиции предстояло идти.

Путешествие было тяжелым. Стояла ужасающая жара, путников постоянно мучила жажда, а колодцев с водой попадалось крайне мало. Шли, по-видимому, той же дорогой, что и Хорнеман и Лайон. Последний, однако, исследовал район только на 100 километров к югу от Мурзука, а Хорнеман, как мы уже видели, вообще не давал о себе знать после того, как направился на юг от Феццана. Таким образом, «миссия в Борну» пустилась на поиски Нигера по сути дела по неизведанным землям.

Ни организаторы экспедиции в Лондоне, ни сами ее участники не знали точно, как и где искать эту реку. По предположениям Барроу (который считал, что Нигер — это Нил) она должна была находиться где-то на юго-востоке Борну. В инструкции Денэму так прямо и было сказано: «Нигер протекает через территорию Борну».

К счастью, путешественники не слишком строго следовали данным указаниям и вовсе не были так уверены, как Барроу, относительно предполагаемого местонахождения реки. По пути безусловно следовало воспользоваться местной информацией, несмотря на ее противоречивость. На основании своих расспросов, сопоставляя десятки рассказов (то откровенно фантастических, то обманчиво правдоподобных), члены «миссии в Борну» старались как-то приблизиться к ответу на главный вопрос. В первую очередь исследователи считали необходимым хотя бы выяснить: в какой стороне течет Нигер?

Вскоре по прибытии в Мурзук Денэм сообщал лорду Батерсту в министерство колоний о разговоре, который у него состоялся с купцом из Гадамеса, много странствовавшим по Западной Африке. Тот рассказывал, будто плавание по «Нилу от Томбукту до Каира возможно только на небольших судах. Однако это очень непостоянный и небезопасный способ путешествия, так как в сухой сезон река совершенно мелеет». Другой купец, Мустафа бен Хаджи Осман из Феццана, побывавший несколько раз в Кацине, утверждал, что «видел Великую реку, которая находится в трех днях пути от этого города. По его словам, она течет... к Александрии», — пишет Денэм,

В свете таких рассказов казалось вполне вероятным, что Барроу прав в своих предположениях. Этой же точки зрения придерживался и консул Уоррингтон, который в письме от 3 сентября 1822 года уверял Аудни, что Нигер «проходит по территории Багирми, Дарфура, Сеннара и Донголы». Впрочем, консул был не так уж тверд в своих взглядах: несколькими месяцами раньше в письме к Батерсту от 22 октября 1821 года он высказал несколько дельных соображений относительно направления течения реки, правда при этом он доказывал, что она «должна оканчивать свой путь в Конго».

Как бы там ни было, а большинство полученных сведений поддерживало у путешественников надежду обнаружить Нигер где-то в Борну, куда они и направились. 4 февраля экспедиция достигла озера Чад. На юге перед ней лежало Борну, на юго-западе — «Хауса», две самые процветающие «империи» Западного и Центрального Судана. Эти страны славились своими богатствами и высокоразвитой культурой.

Населявшие их народы, особенно хауса и канури, имели репутацию наиболее дружелюбно настроенных к чужестранцам. Еще в середине XIV века Ибн Баттута восхвалял их любовь к справедливости, закону и порядку. «Здесь царит полная безопасность,— писал он,— странники и жители могут не опасаться грабежа или насилия». Спустя полтора столетия Лев Африканский в своем «Описании Африки» также нашел нужным обратить внимание читателей на то, что «чернокожее население Западного Судана — самое дружелюбное к чужестранцам» из всех соседних народов. Такое же гостеприимство было оказано в странах хауса и канури «миссии в Борну», причем со стороны не только населения, но и правителей.

По счастливой случайности Денэм, Аудни и Клаппертон, как когда-то автор «Описания», прибыли в Западный Судан в период больших исторических событий, приведших к значительным политическим и социальным переменам.

Если Лев Африканский посетил Западную Африку вскоре после создания великим аскаией Мухаммедом I обширной сонгайской державы, то английские путешественники оказались там спустя всего несколько лет после того, как Осман дан Фодио заложил основу еще одной

державы народа фульбе на огромном пространстве от Нигера до озера Чад, в нынешней Северной Нигерии.

Уже с XIV века фульбе постепенно проникали с запада на земли, населенные хауса. Некоторое время скотоводы-фульбе мирно жили среди хауса, занимавшихся земледелием. Затем отдельные племена фульбе стали оседать в городах (так называемые *фульбе сиире* или — на хауса — *филанен гйда* — «городские фульбе») и даже смешиваться с хауса. Прошло еще почти пять веков, прежде чем среди этих городских фульбе в Гобире, одном из наиболее сильных тогда государств хауса, появился мусульманский проповедник Осман дан Фоддио, провозгласивший джихад — священную войну мусульман против «неверных»⁴⁰.

Мирное сосуществование фульбе и хауса на Нижнем Нигере было нарушено. В течение десяти лет, с 1805 по 1815 год, длились войны, в ходе которых последователи Османа, создавшие значительное войско, одержали верх над большинством государств хауса, нупе, джукун и других народов. Уже в 1808 году дан Фоддио стал главой обширного фульбского государства, основанного на севере Нижнего Нигера.

В период борьбы против фульбе хауса получали помощь от своих восточных соседей — канури, объединенных в государстве Борну (которое было основано в конце XV века к юго-востоку от озера Чад). Однако фульбе, еще и раньше проникавшие в Борну, теперь активизировались и там. К 1808 году они выросли в грозную силу. Их отряды успешно атаковали, захватили и разграбили столицу Борну — Бирни Нгазаргамо. Правитель и его сторонники бежали к озеру Чад. И лишь неожиданная помощь вождя народа канембу, занимавшего территории Борну (к северу и северо-востоку от Чада), спасла государство от окончательного разгрома.

В 1811—1812 годах новые силы фульбе обрушились на столицу Борну. И вновь канури получили поддержку того же вождя канембу — шейха Мухаммеда ал-Амин ал-Канеми, который объединил все разрозненные отряды армии Борну и сумел отразить атаки врага.

Роль, которую сыграл шейх ал-Канеми (под этим именем он был известен среди местных народов) в борь-

⁴⁰ Правители Гобира и других государств хауса к тому времени были уже мусульманами, однако разрешали населению придерживаться традиционных верований и культов.

Шейх ал-Канеми

бе Борну против фульбе, привела к важным внутренним переменам в государстве. Англичане с любопытством наблюдали за тем, как традиционный правитель (*маи*) Борну буквально на глазах терял контроль над страной. Фактическая власть перешла в руки шейха ал-Канеми, хотя он и отказался занять место главы государства.

Маи из старой династии Лефиами сохранил не только царский титул, но и видимость королевского величия. Он содержал многочисленный штат придворных в своем дворце в Бирни Нгазаргамо. При его дворе «миссии в Борну» был устроен пышный прием. Однако путешественники быстро разгадали расстановку сил и истинное положение дел. «Здесь все было лишь видимостью блеска и величия,— записывает Денэм после посещения дворца 3 марта 1823 года,— ничто не являлось отражением действительной значимости и могущества, которые одни могли бы оправдать всю эту помпезность. Правитель был оставлен у власти с согласия шейха, который, дабы сделать свое правление более популярным, разрешил маи развлекаться всеми теми нелепыми старинными религиозными обрядами, которым с древнейших времен должны были следовать негритянские государи».

В том, что главенствующая позиция в политической, административной и военной жизни Борну безусловно принадлежала ал-Канеми, путешественники неоднократно имели возможность убедиться на протяжении того довольно долгого времени, которое они провели в этом государстве. Для себя и своих сторонников шейх выстроил в 1814 году новую резиденцию в Куке⁴¹. Этот город по сути дела и стал столицей Борну. Здесь был сосредоточен не только весь управленческий аппарат, но и вооруженные силы, главная опора шейха.

Еще при встрече, устроенной европейцам, они могли убедиться, что в войсках царят твердая дисциплина и строгий порядок. В честь прибытия миссии в двух милях от Куки состоялся военный парад. Пятитысячный отряд конницы был выстроен в одну линию, которая «протянулась направо и налево так далеко, насколько позволяли видеть глаза,— рассказывает Денэм.— Отряды стояли совершенно спокойно, без шума и замешательства. Несколько всадников, двигавшихся вдоль линии фронта и отдававших приказания, были единственными, кто находился вне строя. При появлении арабов⁴² раздался пронзительный крик, который как бы повис в воздухе. Ему вторил высокий, звонкий звук музыкаль-

⁴¹ Ныне — Кукава.

⁴² Имеется в виду отряд арабских воинов, предоставленный пашой Триполи для охраны экспедиции.

ных инструментов». «Барка, барка, да благословит вас Аллах, верные сыны своей страны»,—неслось вдоль шеренги. Затем ряды незаметно сомкнулись. Начались приветствия, поздравления с благополучным прибытием.

Да, воины шейха действительно «представляли впечатляющую картину,—отмечал Аудни в письме к Уоррингтону 1 апреля 1823 года.—Многие были вооружены и облачены в стальные кольчуги. Когда мы прибыли в город и направились во дворец шейха, вооруженные всадники выстроились по обеим сторонам улицы, а у дверей было полным-полно стражи». «Ал-Канеми может в настоящее время выставить армию в пятьдесят тысяч солдат, большинство из них—на конях. И если все они так же вышколены, как те, которые нас встречали,—резюмировал Денэм в письме к своему брату 12 марта 1823 года,—то это, несомненно, весьма значительная сила».

Номинально шейх ал-Канеми ограничился должностью главного судьи государства. Но, занимая этот пост, он смог осуществить реформу всего административного аппарата. Многие древние титулы и должности потеряли при нем свое прежнее значение и были ликвидированы, а функции их обладателей перешли к сторонникам шейха. Например, вместо титула *кайгама*, который жаловался командирам отрядов во время походов, ал-Канеми ввел чин *качелла*, раньше дававшийся лишь рабам-оруженосцам. Теперь же качелла стали могущественными предводителями хорошо обученных полков, сформированных из приверженцев ал-Канеми. Среди них особенным расположением шейха, как отмечал Денэм, пользовался Барка Гана, возглавлявший походы против восточных соседей Борну.

К членам экспедиции ал-Канеми проявил благосклонное и даже, как подчеркнул Аудни, «отеческое отношение», которое оставалось неизменным в течение всего пребывания миссии в Борну. Шейх снабжал их пищей, деньгами (если англичане в них нуждались), делал им различные подношения. Во время довольно частых посещений дворца обсуждались самые различные проблемы—от колониальной политики Великобритании и позиции англичан в Индии до различий между религиозными учениями. Неизменным успехом пользовались военные сюжеты. Шейх «никогда не уставал задавать вопросы об осадах и особенно о приводившем его в

Аудиенция у султана Борну

восторг порохе», — отмечал Денэм в письме Уоррингтону 4 апреля 1823 года. При этом майор рекомендовал прислать шейху тридцать-сорок мушкетов и два верблюжьих вьюка пороха, что, как он полагал, сделало бы ал-Канеми более сговорчивым во всех вопросах, в

которых заинтересована Англия. Денэм был не так уже далек от истины. Подлинные причины благосклонного отношения ал-Канеми к путешественникам хорошо видны из послания шейха правительству короля Георга IV. Шейх просил правительство его величества прислать ему две бронзовые пушки, порох, снаряды к ним, а также триста ручных гранат. Он надеялся с помощью членов «миссии в Борну» добиться снабжения своей армии европейским оружием.

Ал-Канеми даже разрешал путешественникам сопровождать его армию в военных походах. Делалось это с единственной целью — использовать имевшееся у них европейское оружие, особенно зажигательные снаряды. В результате Денэм, совершая рейды вместе с войском шейха, смог обследовать области Мандара, Логгун⁴³ и юго-восточное побережье Чада. Хотя, как показали события в Мандаре, это было далеко не безопасным занятием, даже при наличии и самого совершенного по тем временам вооружения.

Особенно тщательно за время пребывания в Борну были обследованы озеро Чад и прилегающие к нему юго-западные районы. В феврале 1823 года путешественники подошли к реке Комадугу Йобе, которую они называли Яу. После выхода на берега Чада это было второе важное открытие экспедиции. Денэм описывает Комадугу⁴⁴ в дневнике как «довольно значительную реку, ширина которой в отдельных местах достигала 50 ярдов... Как я и ожидал, все арабы говорят, что это Нил и что река несет свои воды в озеро Чад». Аудни был менее категоричен, чем Денэм, но также допускал, что они могли открыть Нигер: «Я не стал строить догадки. Только исследование рассеет сомнения. И все же я с удовольствием смотрел на эту реку, на ее спокойные и полные очарования воды... и не отвергал возможности, что это мог быть знаменитый Нигер». Тем не менее, когда позднее была открыта река Шари, Аудни писал 28 марта 1823 года в Лондон заместителю министра колоний Уилмоту Хортону более определенно: «Нигер — не здесь, если только Яу не является этой рекой».

⁴³ Области в Северо-Восточной Нигерии, вдоль современной границы с Камеруном.

⁴⁴ *Комадугу* на языке канури означает «большая вода».

К этому времени члены экспедиции окончательно рассорились. Последним толчком послужили «подвиги» Денэма, который принял участие в рейде за рабами в страну Мандара. Жители гористых, труднодоступных районов, которых суданские мусульмане называют *кир-ди*, объединяя этим словом всех немусульман, долгое время отстаивали свою независимость, успешно отражая нападения как царей Борну, так и фульбских завоевателей. На этот раз правителю Мандары удалось даже использовать отдельные отряды фульбе для отражения набега трехтысячного отряда конницы шейха ал-Канеми. В битве канури были разбиты и обращены в бегство, причем понесли большие потери. Плачевными оказались результаты похода и для лихого майора: Бу Халум, его переводчик, был убит, а сам Денэм попал в плен, где пережил малоприятные дни, едва избежав гибели.

В результате течение реки Шари Аудни и Клаппертон наносили на карту уже без майора. «Мы установили, что река впадает в великое озеро Чад...— докладывал доктор консулу Уоррингтону,— и обследовали ее на протяжении 50 миль к югу и северу от города Шау... Как утверждают, ее большой приток Багирми впадает в Нил».

В этом же письме Аудни высказал ошибочное предположение, что «если такая большая река, как Шари, теряет свои воды путем испарения в озере Чад, то и Нигер может исчезать таким же образом в озере Нуффе (Нупе)». Однако одновременно путешественник совершенно определенно утверждал: «Ни одна река с запада не может пересечь страну Мандара»; тем самым Аудни, по существу, отвергал гипотезу «Нигер—Нил».

Так практика географических исследований подтверждала (хотя самому Аудни и не суждено было это узнать) точку зрения Рейхардта и Лэнга, построенную первоначально на чисто теоретических посылках.

«Миссии в Борну» как единого целого к середине 1823 года по сути дела уже не существовало: путешественники окончательно разделились и вели исследования двумя группами. Аудни и Клаппертон намеревались после обследования низовья Шари отправиться в страны хауса. В отношении выбора этого направления у Аудни были свои соображения. С самого начала экспедиции он очень сомневался, что великую западноафриканскую ре-

ку следует искать там, где предполагал Барроу и куда намеревался двинуться Денэм. Эти сомнения со временем все усиливались. «Предпочтительнее отправиться в Судан („Хауса“), — писал Аудни в Лондон тому же Уилмоту Хортону. — При этом, разумеется, поиски в восточных районах не должны остаться незавершенными. Как только майор Денэм пойдет в этом направлении, я отправлюсь в Судан».

«Где Нигер? — вновь задает он вопрос в письме к неизвестному корреспонденту. — Яу — единственная обнаруженная река, текущая из Судана, и она слишком мала. Если существует другая река, то она должна находиться далеко к северу от Борну, и даже тогда она, скорее всего, оканчивается в озере Чад».

К лету 1823 года Аудни окончательно укрепился во мнении, что Нигер не протекает по территории Борну. Теперь он был твердо уверен, что реку следует искать где-то в стороне Нупе. Об этом он писал Хортону 14 июля 1823 года, сообщая о своем и Клаппертона намерении двинуться на запад.

Так и было сделано, хотя нельзя сказать, что обошлось без затруднений. Шейх ал-Канеми отпускал путешественников с явной неохотой. Безусловно, он опасался прежде всего, что выгоды, которые он намеревался извлечь из контактов с англичанами, могут достаться султану Сокото. Разумеется, вслух ал-Канеми этого не говорил, а ссылался на то, что за пределами своей страны он не сможет гарантировать безопасность миссии. Но в конечном счете шейх все-таки снабдил Аудни и Клаппертона рекомендательными письмами. Они были адресованы эмирам⁴⁵ Кано и Катагума (которых путешественники называют «губернаторами»), «деловому поверенному» шейха в Кано — Хат Салаху и даже самому султану Мухаммеду Белло, сыну Османа дан Фодю, основателя фульбской державы на территории нынешней Нигерии.

Проводником служил торговец из Феццана — Мухаммед ал-Ворди. С его помощью Аудни и Клаппертон без особых трудностей добрались до Катагума и намеревались отсюда отправиться в Кано. Аудни к этому

⁴⁵ Во главе провинций, на которые была разделена «империя» Сокото, были поставлены сподвижники Османа дан Фодю, получившие титулы «эмиров».

времени был уже очень болен. Тем не менее 10 декабря он так писал в Лондон о своих дальнейших планах: «Мое намерение — проникнуть, если позволят обстоятельства, вплоть до Нупе, увидеть в той стране реку или озеро Кворра⁴⁶ и вернуться в Кано до наступления дождей».

Очевидно, Аудни был склонен обратить внимание именно на земли, лежавшие к западу и югу от Борну, вместо того чтобы заниматься исследованием восточных областей. В связи с этим лорд Батерст довольно язвительно писал ему: «Я должен вновь напомнить Вам, что великой задачей, возложенной на вашу миссию, является определение пути реки не к югу от Борну, то есть к ее истокам, а, напротив — к ее устью. Когда этот вопрос будет установлен с предельной точностью, только тогда (но никак не ранее!) Вы сможете считать себя свободными и отправиться в Судан». Иначе говоря, Батерст в это время вполне допускал, что Нигер все-таки завершает свой путь в восточной части континента. Однако еще до того, как была получена эта депеша от 6 октября 1823 года, Аудни и Клаппертон были уже на пути к Кано. До сих пор Европе были известны, как мы уже говорили, одни только названия наиболее крупных хаусанских городов. Теперь британским путешественникам предстояло самим обследовать крупнейший торговый центр на территории между Нигером и озером Чад — Кано, а также Сокото — столицу «империи» фульбе.

К сожалению, Аудни не довелось туда попасть. Он умер от лихорадки 12 января 1824 года, несмотря на все усилия Клаппертона спасти его.

Теперь ответственность за исследования и, что особенно радовало майора, обязанность докладывать об их результатах начальству перешли к нему. Не обладая ни критическим умом, ни научной подготовкой Аудни, Денэм был склонен к скороспелым, необоснованным заключениям. «Яу, или Нигер, если эта река Нигер, — писал он Батерсту в мае 1824 года, — вытекает из озера Нуффе в Яури, течет оттуда до Сокото и, огибая Кано с севера, прокладывает свой путь к свежим водам озера Чад, приблизительно в 35 милях от Куки. У меня есть

⁴⁶ Представление, что около Нупе имеется большое озеро, порождено рассказами упоминавшегося выше Шабини.

знакомый негр, который видел реку на протяжении всего этого расстояния». Впрочем, в Лондоне, как только были получены первые известия об открытии в феврале 1823 года Комадугу-Йобе, решительно (хотя, как довольно быстро выяснилось, и несколько преждевременно) отбросили все сомнения относительно идентичности этой реки и Нигера. Непроверенное предположение было тем не менее тотчас же поддержано научным авторитетом Барроу. Ссылаясь на сообщение членов «миссии в Борну», а также на Хорнемана, он писал в журнале «Quarterly Review»: «Не осталось никаких сомнений, что Яу и есть Нигер, который, по Реннелу, течет до болот Вангара⁴⁷, или, что, может быть, одно и то же, до озера Борну. Что с ним происходит потом и заканчивается ли он свой путь в озере — вопрос, на который, как мы видим, смогут ответить наши путешественники».

Вполне логичные, на первый взгляд, но, увы, не соответствовавшие действительности построения Барроу — еще один пример того, как новым знаниям приходилось пробивать себе дорогу через устоявшуюся систему взглядов, в плену которой оставались даже такие крупные ученые, как он или Реннел, подгонявшие результаты новых исследований под старую теорию. Открытие двух впадающих в Чад рек, любая из которых могла быть Нигером, и то обстоятельство, что Нигер в верховьях и в нижнем течении носит разные названия — Джוליба и Кворра, — подтолкнули Барроу к выдвижению новой гипотезы: Западную Африку с запада на восток пересекают две реки, и обе они впадают в Чад. Далее, основываясь на том, что восточное побережье озера еще не исследовано, Барроу утверждал, что оно не может не иметь стока для получаемых вод. Исходя из мнимого уклона берегов озера к востоку и свежести вод Чада, он делал вывод о неизбежности существования реки, текущей из озера в восточном направлении. «Если можно спорить о вероятности, то нет никаких оснований исключать возможность идентичности Нигера и Нила». Так вновь и вновь приходил Барроу к прежнему заключению.

⁴⁷ Реннел никогда не утверждал, что «Вангара» и Чад — одно и то же озеро. Эта идея принадлежала самому Барроу, стремившемуся, по всей видимости, подвести базу под теорию «Нигер — Нил».

Денэму не удалось обойти Чад, чтобы сообщить миру, что из озера на восток не течет ни одна река, которая могла бы соединиться с Нилом. Но в этой неудаче нельзя было обвинять путешественника: слишком сложна была в те годы политическая обстановка в государствах на берегах великого озера. Несмотря на предоставленную членам «миссии в Борну» возможность более или менее свободно обследовать области, лежащие к западу от Чада, ал-Канеми наотрез отказал им в разрешении отправиться на восток — в Канем и на юг — в Дарфур. Шейх мотивировал свой отказ все той же причиной — он-де не сможет в этих странах обеспечить безопасность европейцев.

Действительно, в то время Борну вело войну против Багирми, своего грозного восточного соседа. Довольно значительную помощь ал-Канеми получал от паши Триполи. Этим также отчасти объяснялся хороший прием, оказанный в Борну путешественникам, которых сопровождал эскорт из воинов паши. К тому же ал-Канеми полагал, и не без некоторого основания, что смог одержать победу в битве против армии Багирми в апреле 1824 года только благодаря оружию, полученному от «миссии в Борну». Все это было так.

Но что касается проезда по территории Канема (находившегося номинально еще в зависимости от Борну), то здесь дело обстояло сложнее. Канем в 20-х годах XIX века все больше подпадал под влияние Вадаи, сильного государства Центральной Африки. Жители страны только что отказались платить подати правителю Борну. Население было возбуждено, и проезд по этой земле мог стоить жизни европейцу, к тому же известному своей дружбой с ал-Канеми; никакой эскорт его бы не спас.

Так превратности «большой политики» Центрального Судана положили конец исследовательской деятельности Диксона Денэма на берегах озера Чад. Впрочем, майор не очень горевал по этому поводу: он без ложной скромности полагал, что и так сделал для решения загадки Нигера больше кого бы то ни было.

Клаппертон во время путешествия в западном направлении не совершил на этот раз громких географических открытий. Но именно он ближе всех подошел к ответу на вопрос: где оканчивается Нигер? К тому же результаты исследования Кано и Сокото были важны и

сами по себе — с исторической и этнографической точек зрения. Обратимся же к путешествию лейтенанта по странам хауса.

Рано утром 20 января 1824 года путешественник увидел перед собой большой белоснежный город и облачился в морскую форму, дабы, явившись в качестве посланника правительства его величества, произвести соответствующее впечатление. Вступив в город, Клаппертон, к немалому своему удивлению, обнаружил, однако, что местное население не обращает на него ни малейшего внимания. В этом не было ничего удивительного. Как узнал позднее сам Клаппертон, рынок Кано, один из крупнейших в Западной Африке, привлекал торговцев не только, скажем, из стран Ашанти или Сеннара, но и из таких удаленных городов, как Багдад, Константинополь, Иерусалим и Мекка. Таким образом, жители Кано давно привыкли не удивляться при виде чужестранцев.

Ал-Ворди направился с Клаппертоном к Хат Салаху. Тот их дружески приветствовал и тотчас же предоставил в распоряжение европейского гостя специально снятый для него дом. Попав наконец-то в спокойную обстановку, уставший и больной путешественник почувствовал огромное облегчение.

Фульбский эмир Кано Ибрахим Дабо находился в загородной резиденции, где он и принял лейтенанта на следующий день. Ознакомившись с рекомендательным письмом шейха ал-Канеми и получив приличествовавшие случаю подарки (особый восторг вызвали карманные часы), Дабо обещал, возвратившись через пятнадцать дней в Кано, отправить Клаппертонна к повелителю правоверных — султану Белло.

В ожидании этого важного события путешественник знакомился с Кано. Сам город, однако, его разочаровал. Дома оказались почти все одноэтажные, глиняные; лишь в резиденции эмира, занимавшей большую территорию («город в городе» по определению Клаппертонна), имелось несколько трех- и четырехэтажных сторожевых башен, в которых были даже окна, правда без стекол и рам.

Город окружала глиняная стена, толщина которой была 15 футов, а высота — 30; по обе стороны от стены — глубокий ров. В город вели пятнадцать ворот, которые с заходом солнца закрывались и открывались

Кано. Общий вид

только на рассвете. Территория города напоминает овал неправильной формы; большое стоячее озеро Джакара как бы рассекает его с востока на запад на две части. Через озеро тянется узкая полоса земли, на которой расположен рынок. В период дождей она затопляется, и в связи с этим вся торговля приурочивается к сухому сезону.

Рынок Кано (*сука*) даже в наши дни привлекает продавцов и особенно покупателей не только из соседних, но и из весьма удаленных стран. «В Африке нет другого так хорошо организованного рынка,— записывает Клаппертон в дневнике.— Шейх сука раз в месяц распределяет места на рыночной площади и взимает за них плату (которая поступает в городскую казну). Он же назначает цену на все товары, за что также полагаются комиссионные в размере пятидесяти каури с продажи вещи стоимостью восемь тысяч каури». Каждый квартал рынка предназначен для продажи только определенного товара: зерно — в одном, овцы и бара-

ны — в другом, крупный рогатый скот, лошади, верблюды — по краям рыночной площади.

Центральная часть рынка вымощена бамбуком. Здесь продаются самые ценные товары. Нанятые музыканты своей игрой стараются привлечь внимание покупателей к палаткам, где красуются красные шелковые и тончайшие белые и синие хлопчатобумажные ткани, различные серебряные и медные украшения, шерстяная одежда, холодное оружие и т. д.

В специально отведенном месте продают рабов. Они сидят под двумя длинными навесами (под одним — мужчины, под другим — женщины), выставленные для всеобщего обозрения. Их владелец обычно находится неподалеку. Покупатель же, замечает Клаппертон, тщательно «рассматривает язык, зубы, глаза, конечности, стремясь обнаружить повреждения и дефекты».

В свой дневник Клаппертон довольно часто заносит впечатления о положении рабов в странах хауса, о невольничьих караванах и рынках, которые он встречал не только в Кано. Домашнее рабство издавна существует на Нижнем Нигере, как, впрочем, и в других районах Западного Судана, которые ему пришлось посетить, отмечает лейтенант. Потребность в рабах удовлетворяется за счет военнопленных, причем это признается здесь гуманной системой, ибо обращение в рабство предпочтительнее смерти — второй альтернативы для пленников. С домашними рабами обращаются довольно мягко, они считаются чуть ли не членами семьи хозяина. Когда же возникла потребность в рабах для вывоза за океан, то войн оказалось, по-видимому, недостаточно и перешли к организации специальных рейдов с целью захвата рабов в соседних, более слабых странах. Рабство превратилось в настоящий бич для Африки.

Как видим, оценка работорговли Клаппертоном была недалеко от той, которую двумя годами раньше дал Лэнг, путешествуя по внутренним районам Сьерра-Леоне. Несомненно, сведения о работорговле, относящиеся ко времени, когда она была запрещена, а Англия провозгласила себя основным борцом против контрабанды «живого товара», представляли особый интерес, хотя и не всегда гармонировали с точкой зрения высокого лондонского начальства британских путешественников 20-х годов прошлого века.

А ведь помимо трансатлантической торговли, нача-

той европейцами в XVI веке и продолжавшейся три с половиной столетия, существовали и транссахарские пути. По ним невольники из Западного Судана издавна доставлялись в страны Северной Африки. Работорговля была настолько выгодной, что могущественные мусульманские государства, лежавшие к югу от Сахары, совершали ежегодные рейды за рабами в соседние страны, населенные неисламизированными народами, иногда под лозунгами «священной войны», но чаще — без всяких оправданий.

«Миссия в Борну» как раз пересекала Сахарскую пустыню по одному из караванных путей (протянувшегося от оазиса к оазису на 700 миль), который еще использовался работорговцами. Путешественники были буквально в ужасе от встречавшихся на каждом шагу признаков человеческих страданий и смертей. Бывало, что в течение двух дней пути им попадалось вдоль дороги по шестьдесят-восемьдесят человеческих скелетов, скованных попарно.

Впрочем, времена менялись, а с ними — и представления о выгоде. Как сообщал Клаппертон позднее, в письме от 6 января 1825 года, султан Мухаммед Белло дал согласие запретить торговлю людьми в своих владениях в обмен на обещанные ему торговые контакты и политические связи с Великобританией⁴⁸. Об этом же упоминалось и в письме султана к Георгу IV.

Здесь нам придется сказать, что, несмотря на шумное участие официальной Британии в кампании за пресечение работорговли, практики в министерстве колоний занимали по данному вопросу более чем осторожную позицию. В инструкциях «миссии в Борну» вообще не содержалось никаких упоминаний об отношении к работорговле. Правда, эта проблема сразу же возникает в письмах путешественников, которые с ней непрестанно сталкиваются. Однако за три с половиной года пребывания экспедиции в Западном и Центральном Судане министерство колоний всего лишь дважды (в письмах от 22 апреля 1822 года и 9 октября 1823 года) находит нужным затронуть этот вопрос. И в обоих случаях Аудни получает всего-навсего осторожное указание воздерживаться «от любого шага, который мог бы дать ма-

⁴⁸ В докладе о поездке в Сокото Клаппертон приводит слова Белло, что тот «направил приказ губернатору Раки (через округ которого проходит большинство караванов с рабами к побережью) приостановить отправку в этом направлении рабов на продажу».

лейшее основание для предположения, что Вы одобряете эту практику, возмущающую все человечество». В ведомстве лорда Батерста явно не хотели ни в какой мере связывать исследование Африки с кампанией за запрещение работорговли.

В то же время сами путешественники не остались равнодушными к этой проблеме. Во всяком случае они не желали обходить ее молчанием. И в письмах, и в дневниках все они — и Аудни, и Клаппертон, и даже Денэм, сам участвовавший в походах за невольниками, — утверждают, что развитие торговых связей с Западным Суданом невозможно, до тех пор пока не прекратится работорговля. Причем члены миссии не только описывали способы торговли людьми, которые они наблюдали, но и предлагали средства для ее подавления. Единственно действенным средством они единодушно считали развитие торговых контактов с африканскими народами и обеспечение их товарами, которые они хотели бы получать за индиго, слоновую кость и ткани местного производства.

Наконец 22 февраля 1824 года в Кано прибыл гоноц от султана Сокото с повелением направить Клаппертон в столицу государства, снабдив его всем необходимым для этого путешествия. 16 марта лейтенант Клаппертон без особых приключений прибыл в Сокото. Большая толпа народа собралась посмотреть на европейца — первого, которого видели в этих краях. «Все — и молодежь, и старики — сердечно приветствовали меня», — отмечает лейтенант. Путешественник был препровожден в дом «везира» (так он передал местный титул *гададо*), а на следующее утро шотландца принял сам Мухаммед Белло, сын и преемник Османа дан Фодио, вступивший на престол вновь созданной державы Сокото еще при жизни отца, в 1809 году.

«Он сидел на небольшом ковре, между двумя колоннами, поддерживающими потолок, — рассказывает Клаппертон. — И стены, и колонны были выкрашены белой и голубой краской. У задней стены было сооружено нечто вроде камина. По обе стороны от него стояли кресла. На одном — железная лампа... Султан приветливо осведомился о том, как я перенес путешествие». Потекла беседа о Европе, о религии, астрономии, философии и других предметах, интересовавших «повелителя правоверных», который, в частности, поразил лейте-

нанта отличным знанием различных религиозных течений и ересей европейского средневековья, таких, например, как несторианство или социнианство⁴⁹.

Как и ал-Канеми, правитель Сокото уделил Клаппертону большое внимание и проявил, казалось бы, полное понимание задач «миссии в Борну». Он возвратил лейтенанту даже дневник и другие бумаги его ненавистника Денэма, захваченные у того во время несчастного похода в Мандару. Однако при этом не преминул выразить недоумение по поводу того, зачем потребовалось английскому путешественнику участвовать в набеге на территорию его, Мухаммеда Белло, государства⁵⁰.

Во время первых бесед султан обещал оказать помощь в достижении основной цели миссии — Нигера и разрешил посетить Яури и Нупе.

При дворе Белло, который сам был высокообразованным для своего времени человеком и покровительствовал наукам и искусствам, находилось много ученых, путешественников, торговцев из других африканских стран. Клаппертон воспользовался этой возможностью, чтобы расспросить их о Нигере. Весьма уважаемый араб Мухаммед Гумсу, который прожил несколько лет в Яури⁵¹ и провел три года в плену у йоруба, на правом берегу Нигера, сообщил, что Кворра впадает в море у Фунды, немного ниже города Раки⁵². Эти сведения подтвердил и сам Мухаммед Белло, который, как записывает гость, «начертил на песке направление Кворры и сказал, что она впадает в море у Фунды». Клаппертон попросил сделать для него карту, что ему и было милостиво обещано. Однако, когда спустя месяц карта

⁴⁹ Приверженцы несторианства (по имени константинопольского патриарха Нестория, смещенного Эфесским церковным собором в 431 году) отделяли божественную сущность Христа от человеческой. Социнианцы, последователи итальянского теолога Ф. Социни (вторая половина XVI века), выступали против догмата Троицы.

⁵⁰ Султан считал Мандару частью державы Сокото, хотя фульбе смогли захватить лишь некоторые районы этой страны.

⁵¹ Гумсу как раз находился в Яури в то время, когда туда прибыл Парк в 1805 году. Арабский торговец подтвердил рассказ Исаака о трагической гибели путешественников на порогах у Бусы.

⁵² Фунда (более известна как Панда) была расположена в двадцати милях к северу от слияния Нигера с Бенуэ (разрушена фульбе около 1840 года). Большой торговый город Рака находился в тридцати милях вверх по реке от Раббы и был разрушен во время войн между фульбе и нупе в период между 1825 и 1830 годами.

была готова, лейтенант обнаружил, что она совсем не подтверждает сведений, сообщенных ему ранее Гумсу и султаном. На этой карте Нигеру к югу от Нупе было придано восточное направление, со всей очевидностью ведущее к Нилу. Дабы не возникало на этот счет никаких сомнений, к карте было приложено пояснение: «Это — река Кворра, которая достигает Египта и называется Нилом». Таким образом, карта противоречила всему тому, что говорили до этого Клаппертону и что он сам узнал позднее.

Тем не менее путешественник все же предугадал правду — Нигер несет свои воды в Бенинский залив. Впервые о предположении Клаппертонна, что «Нигер Парка впадает в Атлантический океан через многочисленные рукава Рио Формозо⁵³», упоминает Денэм в письме из Мурзука, отправленном на обратном пути 26 ноября 1824 года. В то же время в записках самого Клаппертонна о посещении Сокото нет никаких замечаний на этот счет. Разумеется, на первый взгляд это может показаться странным. Здесь возможны два предположения: либо Клаппертон воздержался от такого рода высказываний, зная, что его точка зрения противоречит научным взглядам Барроу (от которого зависела публикация дневников), либо при подготовке к печати абзацы, содержавшие эти сведения, были опущены опять же по указанию Барроу. Так или иначе, научной объективности и на сей раз пришлось потесниться перед соображениями, довольно далекими от науки.

Между тем благосклонное поначалу отношение султана Белло к путешествию Клаппертонна на Нигер переменилось. Обстановка во всей фульбской державе осложнилась.

В течение всех двадцати лет своего самостоятельного правления (он умер в 1837 году) Мухаммед Белло стремился к консолидации власти на территориях, завоеванных его отцом. Однако уже ко времени прибытия в Сокото Клаппертонна наметилось начало распада обширной «империи». Многие древние города государства хауса, даже небольшие и расположенные неподалеку от столицы, пытались сбросить власть фульбской знати. В Кебби, лежащем между Сокото и Нигером, борьба против Белло не утихла вплоть до

⁵³ Рио Формозо — название, данное португальцами реке Бенин.

1831 года, причем чуть было не привела к его свержению. Восстание вспыхнуло в Нупе, и султан в течение нескольких лет не мог подавить его.

Надо сказать, что лейтенант Клаппертон очень высоко оценил своего гостеприимного хозяина. Не обладай Белло качествами талантливого государственного деятеля и блестящего администратора, отмечает путешественник, распад государства произошел бы уже в его правление.

Об уме и дальновидности правителя Сокото свидетельствовало и то, что он верно определил истинные цели, которые преследовало британское правительство, отправляя в Центральный Судан и к нему в Сокото свою миссию. На редкость осведомленный для своего времени и своей культурной среды человек, он знал достаточно хорошо о том, каким путем Англия установила господство в Индии. То же может случиться и с его страной — таков был неизбежный вывод, к которому приходил Белло. Это-то соображение и имело печальные последствия для британских путешественников⁵⁴.

Султан боялся проникновения европейцев и поэтому сделал все от него зависящее, чтобы помешать Клаппертону выйти к Нигеру у Нупе.

В то же время в течение долгих бесед, которые велись между Белло и Клаппертоном, последнему дали понять, что в Сокото будут приветствовать установление дружественных отношений с Англией. Султан выразил желание, чтобы из Англии в его страну присылались промышленные изделия. Просил он также направить врача и обещал допустить английского резидента в морской порт Раку. В вопросах, которые не касались Нигера, султан довольно охотно шел навстречу пожеланиям Клаппертонна. Он поведал ему, в частности, все, что знал о судьбе Парка, и даже подарил рукопись написанной им самим книги по истории и географии султаната Сокото.

Хью Клаппертон так и не попал на Нигер: султан не дал ему разрешения на эту поездку, мотивировав свой отказ традиционным образом — тем, что она де

⁵⁴ Белло направил правителю фульбе Масины — шейху Ахмаду (бывшему в свое время учеником султана) послание, в котором советовал остерегаться европейцев; это стало одной из причин трагического конца второй экспедиции Лэнга, о чем у нас еще будет речь.

чревата большими опасностями для гостя. 4 мая Клаппертон покинул Сокото. С собой он увозил письмо Белло к королю Георгу IV; султан просил направить «британский корабль в гавань Раку и с ним прислать две пушки, запас пороха, снарядов к ним, а также несколько мушкетов». Так же как и шейх ал-Канеми, султан надеялся использовать контакты с Европой прежде всего для расширения своих военно-административных возможностей. Это было тогда самой важной заботой обоих правителей.

Два месяца добирался путешественник обратно в Куку. Он прибыл сюда 8 июля. А через несколько дней возвратился в столицу Борну и Денэм. Клаппертон сообщил ему о том, что султан запретил продолжать путешествие к Нигеру.

Казалось бы, Денэм, которому была поручена специальная задача — отыскать и обследовать Нигер, — должен был иметь больше желания (а следовательно, и шансов) открыть действительное направление реки. Однако на деле оказалось, что майор заинтересован в осуществлении плана своего собственного возвращения домой куда сильнее, чем в достижении поставленных перед ним исследовательских целей. Несомненно, на его решение о скорейшем выходе в обратную дорогу могли повлиять отношения с компаньонами, испорченные, правда, по вине самого же Денэма. Так или иначе, а он давно уже строил планы обратного пути через Каир, что избавило бы его от «нежелательных» попутчиков. Еще на пути в Феццан в письме из Триполи 9 сентября 1822 года Денэм выдвигает эту идею. Через полгода он вновь к ней обращается. Не обнаруживая особого желания заняться поисками Нигера, майор 26 марта 1823 года сообщает министру колоний, что подготавливает возвращение через Вадаи и Дарфур. Батерст вновь напоминал ему, что «важнейший вопрос, который должна решить миссия, — это определить направление реки... до ее устья или слияния с Бахр-эль-Абьядом»⁵⁵.

Денэма, как видно, мало волновало это обстоятельство. И 16 августа он вместе с Клаппертоном и

⁵⁵ Бахр-эль-Абьяд (или Белый Нил) тогда еще тоже не был точно нанесен на карту. Одни помещали его истоки на юге Дарфура, другие считали, что Нигер, составляя его верхнее течение, течет от Тсмбукту к востоку через континент, и называли его на этом участке Нил-эль-Абид или Нил-ас-Судан.

плотником Хилмэном отправился из Куки в обратный путь в Триполи. Туда они добрались 26 января 1825 года, а 1 июня члены «миссии в Борну» отплыли в Англию.

Экспедиция закончилась. В ходе ее не была достигнута основная поставленная перед нею цель — Нигер. Тому были причиной многие факторы, как субъективные, так и объективные. Редко случалось, чтобы члены экспедиции были так плохо подобраны и так мало подходили друг к другу. Об этом свидетельствовали острейшие разногласия между Денэмом, с одной стороны, и Аудни с Клаппертоном — с другой.

Но в то же время ни одна европейская экспедиция еще не добивалась такого успеха в сборе обширной и полезной информации непосредственно в «дебрях Африки», какими были в то время для Европы обследуемые путешественниками районы. За три с половиной года, проведенные на Нижнем Нигере, было сделано немало открытий. Экспедиция впервые достигла стран хауса, посетила Борну, открыла озеро Чад и реки Шари и Комадугу. Были составлены точные карты обследованных районов. И хотя ни Денэму, ни Клаппертону не удалось достичь Нигера, добытые ими объективные сведения неоспоримо доказывали, что эта река не может впадать никуда, кроме Гвинейского залива.

Долгое пребывание на Нижнем Нигере (полтора года в Борну и семь месяцев в Сокото и Куке) позволило путешественникам установить длительные контакты с местными жителями. В результате члены экспедиции не только получили обширные сведения о жизни тогдашней Африки, но и в какой-то степени познакомили африканцев с Англией и англичанами. Эти личные контакты способствовали развенчанию многих фантастических измышлений — как об африканцах, так и об европейцах.

Во время пребывания в стране Бамбара Парк вызывал страх у мансы, а сын эмира Кано и племянник султана Мухаммеда Белло боялись выпить чаю у Клаппертона. Как объяснили юноши, они уверены, что англичанин обладает магической силой обращать людей в крыс, кошек, собак и обезьян. Племянник султана «признался мне, — писал Клаппертон 2 февраля 1824 года, — что до этой встречи считал европейцев настоящими чудовищами».

Аудни и Клаппертон приложили немало усилий для того, чтобы рассеять нелепые представления. Они рас-

пространяли среди африканцев полезные знания, особенно в области медицины. К их жилищу обычно собирались целые толпы за консультацией по поводу различных заболеваний и способов их излечения. Как сообщал Аудни Уоррингтону 1 апреля 1823 года, пациенты шли к нему из всех районов Борну. Султан Белло был сильно опечален, узнав о гибели Аудни; он поведал Клаппертону, что очень надеялся «встретиться с английским врачом и попросить его рассказать народу, как излечивать болезни».

Небесполезными были и контакты путешественников с правителями наиболее сильных держав Нижнего Нигера — Мухаммедом Белло и ал-Канеми. Сейчас нам ясно, что они были крупными государственными деятелями, мудрыми и решительными в делах управления, образованными для своего времени людьми, которые проявляли большой интерес к миру, лежащему вне сфер их влияния и непосредственного знакомства.

Оба правителя много беседовали с путешественниками, расспрашивая обо всех сторонах жизни в «другом мире», причем особенно интересовались различными научными и техническими достижениями, которых в Европе тогда год от году становилось все больше.

Клаппертон обсуждал с Белло возможности установления дипломатических отношений Англии со странами Нижнего Нигера, а также вопросы, связанные с работоторговлей. Покидая Сокото, путешественник не только полагал, что заручился согласием султана на прибытие британского консула в «империю» фульбе на Нижнем Нигере, но и несколько наивно надеялся, что склонил его к заключению соглашения о запрещении торговли невольниками.

Путевые заметки о путешествиях и открытиях в Северной и Центральной Африке были опубликованы в 1826 году. В том же году они были изданы во Франции и США, а также второй раз в Англии; спустя два года было предпринято их третье издание.

В литературе, посвященной открытиям в Африке, мало найдется произведений, которые читаются так легко, как дневники Денэма и Клаппертонна. Их авторы рассказывают интересную историю своих странствий, не перегружая ее излишними деталями. В то же время они сообщают много сведений по этнографии, политической жизни и торговле в Сахаре, Борну и в странах хауса.

Диксон Денэм

Опубликование этих сведений способствовало полному развенчанию мифа об африканцах как о «дикарях и варварах». Путешественники отмечали, что народы Борну и стран хауса достигли к тому времени довольно высокого уровня развития, славились своими ремеслами и искусством; особенное восхищение членов миссии вызывало мастерство прядения и ткачества. Сообщения о всадниках в железных доспехах местного производства потрясли до основания представление, сложившееся в Европе, о военной мощи и вооружении народов Западного Судана.

Вместе с тем с познавательной точки зрения дневники, несомненно, могли бы дать читателям гораздо больше. И за это несут ответственность их авторы,

особенно Денэм. Его «усилиями» Клаппертону была предоставлена возможность поместить в этом издании лишь небольшую главу — описание своего путешествия из Куки в Сокото.

Основная часть дневников написана Денэмом. В книге, однако, без труда угадывается огромное влияние Джона Барроу, хотя непосредственно ему принадлежит лишь вступительное слово к главе Клаппертона.

Вклад Аудни, рано умершего в Африке, ограничен лишь теми выдержками из его путевых заметок, которые пожелал выбрать Денэм. А майор отмечал в предисловии, что «опубликовать записки Аудни полностью не представляется возможным из-за их несовершенства, а также потому, что в них нет ничего нового, чего не было бы в моем собственном дневнике».

Но ведь Денэм не был в тех странах, которые обследовал и описал Аудни. И в результате был потерян для науки ценный материал о районах к западу от Мурзука, в которых Аудни и Клаппертон провели два месяца. В частности, тогда еще ничего не было известно об оазисе Гат (где пересекались караванные пути), который на протяжении столетия играл важную роль в торговой жизни Сахары. Собранные Аудни сведения были важны не только с научной точки зрения, но и с практической — для правильного выбора пути дальнейших экспедиций через Сахару. Однако Денэму, видимо, во что бы то ни стало хотелось дискредитировать экспедицию, в которой он сам должен был принимать участие. Еще бóльшая вина лежит на Денэме за то, что он опустил в дневнике сведения об открытии и обследовании Шари, что было осуществлено Аудни и Клаппертоном. Денэм, несомненно, намеревался таким образом приписать этот успех себе одному, воспользовавшись тем, что Аудни нет в живых.

Что же, в какой-то степени майор преуспел в этом. Он один жинал плоды успеха экспедиции. Вскоре по выходе дневников из печати состоялось его избрание членом Королевского географического общества, а в 1826 году он вернулся в Африку в качестве губернатора колонии Сьерра-Леоне⁵⁶.

⁵⁶ Правда, наслаждаться «плодами успеха» Денэму пришлось недолго: он умер в 1828 году.

Клаппертон, получивший по возвращении в Англию чин капитана I ранга, во время подготовки дневников к печати уже снова находился на пути в Африку. На этот раз ему предстояло пройти к Нигеру с берега Гвинейского залива. А навстречу Клаппертону двигался через Сахару майор Лэнг.

ЛЭНГ — ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ (1825 — 1826)

Неполный успех первой экспедиции только усилил стремление Лэнга добраться до таинственного Нигера. Но на ближайшие два года — 1823 и 1824 — в его экспедиционной деятельности наступил вынужденный перерыв, вызванный превратностями военно-политической обстановки в британской колонии Золотой Берег, куда Лэнга перевели в самом начале 1823 года. И все же, когда в августе 1824 года Лэнг (теперь уже — капитан) прибыл в Лондон курьером к министру колоний лорду Батерсту, он сразу же начал хлопотать об отправке в новую экспедицию на Нигер. Собственно говоря, эти хлопоты начались еще двумя годами раньше. Всего через месяц после возвращения из Фалабы, 25 ноября 1822 года, Лэнг писал одному из своих друзей в Лондон, прося напомнить Джону Барроу о том, что тот обещал поддержать ходатайство об ассигновании лейтенанту Лэнгу пяти тысяч фунтов на проведение экспедиции к Нигеру. «Вам хорошо известны мои бескорыстные побуждения, — подчеркивал он, — поэтому нет смысла их здесь повторять». Мы не знаем, было ли возбуждено такое ходатайство, но совершенно очевидно, что Лэнг попал в поле зрения и Барроу, и Батерста, в особенности после своей первой экспедиции. А это было вовсе не маловажным обстоятельством.

Когда Лэнг появился в Лондоне, в министерстве колоний как раз рассматривался проект очередной экспедиции, которая должна была попытаться достигнуть Томбукту. Чины министерства колебались в определении маршрута, который ей следовало бы избрать. Капитан Лэнг оказался под рукой в высшей степени кстати, и Батерст приказал ему доложить свое мнение по этому поводу.

Надо сказать, что Лэнг всегда был убежденным сторонником западного направления поисков Нигера, точнее, не столько западного, через Гамбию, по которому двигались Хаутон, Парк и Грей, сколько юго-западного, из Сьерра-Леоне. В том же письме, где он рассказывает о наблюдениях в верховьях Рокелле (точной даты письма мы не знаем, но оно определенно было написано до начала 1824 года), Лэнг сопоставляет выгоды путешествия к Нигеру с севера, через Сахару, и с запада, от Атлантического побережья. Пытаться подойти к реке через Сахару, пишет он, нецелесообразно: это повлечет за собой большие затраты и разочарования, а очень может быть, и человеческие жертвы. Намного проще и удобнее, а главное — дешевле, попробовать выйти на Нигер со стороны Атлантики: вся экспедиция в Фалабу обошлась бы казне меньше чем в двести фунтов — как раз столько стоили товары, отпущенные для поднесения вождям в виде даров. И дальше в этом письме он сообщает о своем намерении попытаться проверить гипотезу о впадении Нигера в Бенинский залив: «Как только кончится ашантийская война⁵⁷, я намерен посетить Бенин... Но если это не обеспечит преимуществ, на которые я сейчас рассчитываю, я предпочел бы путь из Сьерра-Леоне, с тем чтобы переправиться через Нигер в Канкане и, пройдя по окраинам страны Сангара, достигнуть Нуле, откуда я двинулся бы дальше в зависимости от обстоятельств и полученных сведений». Из этого письма видно, что автор его довольно слабо представлял себе действительные расстояния, которые собирался пройти. Но в нем есть и очень верное соображение: достигнуть Нигера в его верховьях через территорию Сьерра-Леоне на самом деле было бы легче, чем, двигаясь из Гамбии, через страны, где шла почти непрерывная война между бамбара и теократическими государствами фульбе.

В докладе Батерсту Лэнг снова предлагал направить экспедицию через Сьерра-Леоне. Он обращал внимание министра на преимущества такого маршрута. Во-первых, он, Лэнг, уже проделал однажды почти весь путь из колонии до Нигера, знаком с дорогой и с местными вождями; во-вторых, можно обойтись без переводчика, поскольку сам Лэнг владеет языком малинке;

⁵⁷ Имеется в виду 4-я Англо-ашантийская война (1824—1831 годы).

в-третьих, этот маршрут обеспечивает немедленные прибыли британским купцам на побережье. Но кроме этих доводов доклад содержал детальный план грандиозной экспедиции для исследования реки.

Лэнг предполагал спуститься по Нигеру до Томбукту, затем, опять же по реке, добраться до Кацины (он не знал, что Кацина лежит в четырехстах километрах от Нигера), а оттуда двинуться к «озеру Вангара», то есть к Чаду. Озеро он собирался обойти кругом, чтобы узнать, имеет ли оно сток; а если стока не окажется, намеревался подняться по «реке Чад» (реку Бенуэ, главный приток Нигера, со времен Хорнемана считали впадающей в озеро, смешивая с другой рекой, Шари, никак не связанной с бассейном Нигера). Лэнг правильно предполагал, что Бенуэ и Нигер принадлежат к одной системе. Но в случае если предположение не подтвердится, он предлагал спуститься по Нигеру до самого устья. Одной экспедиции едва ли оказалось бы по силам справиться с такой программой, но сам документ хорошо показывает и широту научного кругозора Лэнга, и его смелость.

Однако Батерст, ознакомившись с докладом, не согласился с точкой зрения его автора. У министра тоже были серьезные доводы в пользу северного варианта маршрута. Только что успешно завершилась экспедиция Денэма и Клаппертона; она показала, что через Сахару можно пройти по старым караванным путям, по которым столетиями осуществлялись торговые связи Судана и Северной Африки. А на западном маршруте все попытки кончались неудачей: если кому и удавалось добраться до Нигера, назад он не возвращался (благополучно окончились лишь первая экспедиция Парка и визит Дочарда к правителю Сегу, но эти исключения только подтверждали правило). Министр учитывал и англо-французское соперничество в исследовании континента: в Западной Африке, на пути к Нигеру, за последние годы очень активизировались французы — в 1818 году Молльен успешно обследовал Фута-Джаллон, открыв истоки Гамбии и Бафинга (реки, которая, сливаясь с Бакоем, образует Сенегал). А в Триполи английское влияние было преобладающим, и этот город успешно служил исходной точкой для нескольких британских экспедиций. По всем этим соображениям Батерст решил: экспедиция, которая получит официальное назва-

ние «миссия в Томбукту», отправится к своей цели из Триполи.

Согласен был Лэнг с решением министра или нет — ему не приходилось выбирать, а отказываться от поручения он не собирался ни в коем случае. И началась подготовка экспедиции. В декабре 1824 года Лэнг представил в министерство колоний смету на 1300 фунтов. По тем временам это были большие деньги, но фактические расходы путешественника оказались гораздо большими, и ему пришлось в этом убедиться, едва он оказался в Триполи. Лэнг не виноват в ошибке: поскольку начальство избрало для него северный маршрут, весь его немалый западноафриканский опыт мог пригодиться только на заключительной стадии экспедиции, когда после достижения Томбукту капитан выйдет в области, прилегающие к побережью Гвинейского залива. Но до этих областей еще предстояло добраться! А Северную Африку и Сахару Лэнг совсем не знал, тем более что к этому времени в министерстве колоний еще не получили отчетов Клаппертона и Денэма и все сведения, которые ему могли здесь предоставить, были крайне приблизительными. Лэнг надеялся что-то узнать у консула Уоррингтона в Триполи, но оказалось, что тот знает так же мало, как чиновники в Лондоне.

Лэнг спешил завершить подготовку, а заодно и свои хлопоты о пожаловании ему очередного чина. И в том и в другом ему очень помог Батерст: имя лорда успокаивающе действовало на чинов его министерства, обеспечивая большими расходами на снаряжение для экспедиции, а в конце января 1825 года по его ходатайству Лэнг перед самым своим выездом в Триполи получил наконец желанный чин майора. Правда, временный — «майора в Африке», — но можно было надеяться, что успех экспедиции обеспечит не только постоянный майорский чин, но и многое другое...

6 февраля 1825 года экспедиция отправилась из Фалмута на Мальту. В ее состав входили кроме самого Лэнга Джек ле Бор и два судовых плотника — африканцы с западного побережья, Харрис и Роджерс. Лэнг взял их с собой, так как думал, добравшись до Томбукту, построить там судно и на нем спуститься до впадения реки в океан. Во время двухмесячного пребывания на Мальте, посвященного пополнению экспедиционных запасов и лечению (Лэнга мучила болезнь пече-

ни, которой он страдал еще со времени службы в Вест-Индии), он узнал о благополучном возвращении экспедиции Клаппертона и Денэма. Письма друзей из Англии рассказывали и о новой экспедиции Клаппертона, которая должна была вот-вот отправиться от побережья Гвинейского залива на север все с тем же заданием — выяснить наконец, куда впадает Нигер. Новости эти, с одной стороны, радовали Лэнга, а с другой — причиняли ему некоторое беспокойство: он очень боялся, что Клаппертон лишит его приоритета открытия устья. А на такой приоритет майор рассчитывал, о чем и писал довольно откровенно своему другу Джеймсу Бэндинелу: «Уоррингтон пишет мне из Триполи, что Белло, вождь Судана, сообщил Клаппертону, будто Нигер впадает в Бенинский залив множеством рукавов. Это говорит в пользу моей гипотезы. Но я полагаю, кто-то должен спуститься по реке до побережья, прежде чем можно будет установить право на открытие».

Лэнг собирался отплыть с Мальты 10 мая, как только почувствует себя совсем здоровым. Уоррингтону он писал, что появится в Триполи «готовым... сразу отправиться в Гадамес». В действительности же майор предстал перед консулом уже 9 мая.

Но здесь его ждало первое разочарование (а сколько их еще будет потом!): о немедленном выходе из Триполи не могло быть и речи. Все было совсем не так просто, как представлялось по отчетам, которые получало министерство колоний. Прежде всего, требовалось получить разрешение паши Юсуфа Караманлы, а для этого немало понадобилось и времени, и усилий, и денег. Затем оказалось, что на предполагавшемся маршруте экспедиции — через гористую область Гарьян — войска паши уже не первый год безуспешно пытаются справиться с восстанием местных берберов и что, следовательно, Лэнгу не удастся пройти к Гадамесу самым коротким путем, а придется двигаться круглой дорогой через Феццан. Наконец, приказ лорда Батерста гласил: майор Лэнг должен обязательно взять с собой в качестве проводника вождя одного из туарегских племен, Хатиту аг Худена. А поскольку тот еще не прибыл в Триполи и вообще не было известно, когда он появится, путешественнику оставалось только ждать.

Этот Хатита аг Худен был довольно любопытной личностью. Внимание к его особе со стороны министра

колоний объяснялось просто: начиная с неудачной экспедиции Ритчи и Лайона Хатита служил проводником всем британским путешественникам в этой стране. В Лондоне о его возможностях были очень высокого мнения, да и сам он, несомненно, старательно набивал себе цену в глазах европейцев, хотя был главой небольшого и не слишком знатного племени, не располагавшего серьезной военной силой. Но к англичанам он, бесспорно, относился очень дружелюбно, и те платили ему взаимностью. А уважение и особенно подарки англичан в свою очередь поднимали престиж Хатиты в глазах кочевых соседей. Как бы то ни было, но на протяжении нескольких десятилетий вождь считался необходимым участником любого британского предприятия, связанного с географическим исследованием Судана с северной стороны. Беда только, что Лэнгу Хатита мог принести лишь небольшую пользу; доставить же майора в Томбукту, к официальной цели его миссии, он был бессилён. Хатита происходил из племени кель-аджер, а на главной дороге к Томбукту располагались кочевья арабов-шаамба и туарегов племен кель-ахаггар и кель-ифора, давних и непримиримых врагов кель-аджер. Впрочем, на Хатиту уповали больше Батерст и Уоррингтон. Сам он вовсе не предполагал сопровождать Лэнга до Томбукту, речь шла только о землях кель-аджер, и встретиться с путешественником он намерен был в Феццане. А добираться туда Лэнгу предлагалось самостоятельно.

В первые недели своего пребывания в Триполи Лэнг еще не знал всех этих подробностей, да и заботил его в основном один вопрос: когда можно будет отправиться из Триполи? Но ответа ему пришлось прождать полтора месяца. Обнаружилось, что и влияние Уоррингтона при дворе паши Юсуфа не так уж велико. Конечно, не считаться с мнением консула самой могущественной (и самой опасной) державы на Средиземном море паша не мог. Не исключено даже, что он испытывал к Уоррингтону и определенную личную симпатию. И все же отсюда было еще далеко до полного подчинения воле британского «друга». Тем более и обстановка в Средиземноморье заметно переменилась: французы мало-помалу оправались после унижительного поражения в 1815 году, и теперь консулу его величества приходилось все чаще сталкиваться с соперничеством французских

представителей. Какой бы политик не воспользовался такими переменами! И паша пользовался — причем так усердно, что в письмах этого периода Уоррингтон постоянно жалуется на противодействие со стороны Юсуфа.

Сказалось это и на судьбе экспедиции Лэнга. По сравнению с тем, как относился паша всего за три года до этого к «миссии в Борну», его поведение очень изменилось. И все, что касалось Лэнга, превращалось в предмет долгой и очень раздражавшей майора волокиты. Паша недаром сказал ему при одной из встреч: «Если ты желаешь идти через пустыню, тебе придется открывать дверь серебряным ключом». Серебряный ключ понадобился путешественнику уже в Триполи — во время длительных и трудных переговоров Уоррингтона с Юсуфом смета экспедиции все время «уточнялась», пока не выросла примерно вдвое против того, что предусмотрел Лэнг перед отъездом из Англии. Паша требовал все бóльшие и бóльшие суммы за свое покровительство (фактически он даже в Гадамесе, не говоря уже о Томбукту, ничем не смог бы помочь Лэнгу). Делать было нечего, приходилось соглашаться, но уже 24 мая, всего через две недели после появления в Триполи, майор написал Батерсту письмо, несомненно очень неприятное для такого самолюбивого человека, каким был Лэнг. Он почтительно просил его лордство извинить за то, что вынужден намного превысить составленную в Лондоне смету, поскольку она оказалась заниженной (он при этом еще не знал всей суммы, которую запрашивал паша и которую скрепя сердце посулил тому Уоррингтон).

Впрочем, сам консул был настроен весьма оптимистично и совершенно серьезно уверял Лэнга, что предстоящий тому путь «столь же прост и безопасен, как и дорога от Лондона до Эдинбурга» (или: «столь же безопасен, как дорога из Лондона в Париж»). И Лэнгу ничего не оставалось, как в одном из своих писем на родину грустно пошутить, что в таком случае, как ему кажется, подсчитать путевые расходы было бы не труднее, чем определить стоимость места в почтовой карете или на пароходе. Надо сказать, что полковника Уоррингтона вообще отличало редкое невежество в представлениях о политической реальности, существующей за пределами Триполи. Все ему представлялось

простым и легким, и путешествия через Сахару — в том числе. Так он думал сам, и это же стремился внушить своим соотечественникам, когда те собирались отправиться из Триполи на юг.

Пожалуй, больше, чем трудности и опасности пути через пустыню, полковника беспокоили отношения, завязавшиеся между Лэнгом и Эммой Уоррингтон, средней дочерью консула. За два дня до отправления Лэнга из Триполи полковник своей консульской властью обвенчал молодых людей. Кстати, этой трагической любви Уоррингтон был впоследствии немало обязан той известностью, какую он получил в европейской литературе о путешествиях по Африке.

Лэнга помимо неопределенности собственных дел угнетало еще отсутствие известий с другой стороны Африканского материка. Для него Нигер всегда оставался главной целью путешествия, несмотря на официальное наименование экспедиции — «миссия в Томбукту». И перспектива продвижения к Нигеру наперегонки с Клаппертоном нисколько не радовала. К тому же Лэнг чувствовал, что Клаппертон относится к нему точно так же. Недаром тот всячески оттягивал момент ознакомления соперника с результатами своего путешествия, хотя имел на сей счет категорическое распоряжение самого лорда Батерста. Соперничество с Клаппертоном нередко заставляло Лэнга быть несправедливым в суждениях о нем. Только гораздо позднее, в конце долгого и трудного пути по пустыне, запоздалое сознание общности цели заставило Лэнга изменить свое отношение к этому тоже незаурядному человеку, с которым ему так и не суждено было встретиться.

В начале июля Лэнг перебрался из Триполи в поселок Таджура, примерно в восемнадцати километрах от города, и здесь заканчивал последние приготовления. К этому времени стало очевидно, что придется нарушить инструкции Батерста: министр считал, что экспедиция обязательно должна пройти через Мурзук, столицу Феццана, а оттуда — прямо двинуться к Томбукту. Конечно, сегодняшние карты показывают нам, что, следуя по такому маршруту, пришлось бы пересекать самые трудные для путешествия области Сахары. Но в министерстве колоний в 1825 году карту Африки представляли себе еще довольно приблизительно. И к тому же Батерст довольно логично полагал, что удачный опыт

«миссий в Борну», двигавшейся на юг этим путем, как-то повышает шансы Лэнга на успех. Но в июне в Триполи появился некий Бабани, купец родом из Гадамеса, который, как он утверждал, долго жил в Томбукту. Сколько времени он в действительности там провел, мы, видимо, так никогда и не узнаем, но несомненно одно: желая набить себе цену, купец в разговорах с Лэнгом и Уоррингтоном все увеличивал продолжительность своего пребывания в этом городе. И если в переписке по поводу экспедиции вначале говорилось о девяти годах, то в первом письме Лэнга лорду Батерсту, отправленном с дороги, речь шла уже о тридцати...

Как бы то ни было, а Лэнгу Бабани казался очень полезным попутчиком. Притом сам купец с большой охотой соглашался сопровождать майора до Томбукту. Он обещал, что там покровителем путешественника будет его, шейха Бабани, большой друг — Сиди Мухаммед ал-Мухтар, вождь могущественного арабского племени кунта, и этот Сиди Мухаммед сумеет в полной безопасности доставить Лэнга на побережье Бенинского залива. Бабани старался вовсе не бескорыстно: за содействие экспедиции Лэнга ему было обещано в общей сложности около четырех тысяч талеров, то есть примерно восемьсот фунтов. Ради такого гонорара можно было и приукрасить предстоящую дорогу, что Бабани и делал. Он сулил доставить Лэнга из Гадамеса в Томбукту то за сорок, то за шестьдесят шесть дней. И этим немислимым срокам верили все — и сам Лэнг, и Уоррингтон, и их высокий покровитель лорд Батерст. При этом никто как будто не вспомнил о почти сорокалетней давности докладе консула в Триполи Трэйла. Еще в 1788 году Трэйл сообщал в Лондон, что от Гадамеса до Качины — девяносто дней пути, а ведь расстояние от Гадамеса до Томбукту побольше расстояния от Гадамеса до Качины!

Но все кончается, окончилось и изводившее Лэнга ожидание. 16 июля 1825 года его караван выступил из Таджуры на юг. Основываясь на рассказах Бабани, майор предполагал, что будет хорошо принят в Томбукту, а оттуда водным путем доберется до области Яури, то есть примерно до тех мест, в которых трагически закончилась вторая экспедиция Парка. А дальше он намеревался по воде или по суше достигнуть устья Нигера.

Первые недели пути как будто оправдывали самые оптимистичные надежды путешественника. Караван двигался довольно быстро и без всяких осложнений, и Лэнг с удовольствием предвкушал свои будущие успехи в исследовании внутренних областей Африки, а также те чины и награды, которые последуют за этими успехами. Как раз на одной из первых стоянок ему доставили письма из Лондона: один из друзей майора доводил до его сведения содержание своего разговора с Клаппертоном. Лэнг довольно резко прореагировал на упоминание имени соперника. В ответных письмах он злорадно перечисляет все сплетни о Клаппертоне, которые мог собрать в Триполи и по дороге, и мимоходом упрекает того в неудаче, за которую Клаппертон никак не мог нести ответственности: ему ведь просто не позволили дойти до Нигера. Но благоприятные впечатления первых дней путешествия внушили Лэнгу несколько пренебрежительное отношение к возможностям Клаппертона. «Меня смешит мысль, что он может достигнуть Томбукту раньше меня. Как он может на это надеяться?.. Я уверен, что честь решения проблемы предназначена мне», — заканчивает майор.

По мере того как экспедиция удалялась от Триполи, Лэнг начал приобретать полезный, но не всегда приятный опыт путешествия по Сахаре. 13 августа 1825 года, во время стоянки на северной окраине Феццана, он пишет Уоррингтону, что ему никогда еще не случалось иметь дело с такими «жадными бродягами», как старейшины селений, через которые проходил караван. Если им уступать, то довольно быстро кончатся все деньги, отпущенные на «миссию в Томбукту». Покровительство паши Юсуфа немногого стоило в месяце пути от его столицы, а ведь паша получил от экспедиции немалые деньги как раз за то, чтобы обеспечить Лэнгу благожелательное отношение этих старейшин.

Непосредственной причиной горестного удивления Лэнга послужили события в селении Бир-Серхет, куда экспедиция пришла 8 августа. Надо сказать, то, что здесь произошло, было довольно типичным для нравов большой караванной дороги.

Шейх потребовал полтора талера. Лэнг отказал: считалось, что такого рода расходы уже оплачены через посредство Юсуфа Караманлы до самого Гадамеса. Шейх промолчал, но когда пришла пора двигать-

ся дальше, оказалось, что нельзя выступать без дополнительных верблюдов и увеличенного запаса воды. По неволе пришлось обратиться к шейху, ведь без его разрешения у жителей нельзя было получить ни того, ни другого. Хозяин селения с готовностью дал согласие... за двойную против обычной цену. Выхода не было, и Лэнг безропотно заплатил.

Но этим дело не кончилось: шейх с отрядом воинов отправился сопровождать путешественников. И история повторилась: Лэнгу шейх «объяснил», что верблюдов ему продали по смехотворно низкой цене, и соответственно нужно доплатить еще примерно столько же. Майор коротко ответил, что до Гадамеса ни о каких деньгах разговаривать не намерен. Но после этого ему понадобилось все его самообладание, чтобы не обращать внимания на непрерывные и совершенно откровенные старания воинов «охраны» затеять ссору и драку. И не только не обращать внимания самому, но и удерживать своих товарищей от неосторожных действий. Когда шейху стало ясно, что таким путем пожить не удастся, он увел своих людей в сторону от каравана.

Лэнг и его спутники провели малоприятную ночь, опасаясь нападения в любой момент. А наутро храбрецы из Бир-Серхета устроили ложное нападение на лагерь, рассчитывая на то, что путешественники начнут стрелять и тогда разграбление лагеря станет законным актом самозащиты со стороны нападающих. Их узнали лишь в самый последний момент, и дело обошлось без кровопролития. После этого разочаровавшийся шейх окончательно оставил экспедицию в покое, чем очень порадовал Лэнга.

Несмотря на такого рода неприятности, караван продолжал двигаться к Гадамесу. Идти пришлось круглым путем, и дорога заняла почти два месяца. За это время Лэнг познакомился не только со своеобразными нравами обитателей пустыни, но и с природой Сахары — с жарой, отсутствием воды, каменистыми участками, преодоление которых давалось с большим трудом. Он лишился практически всех своих научных инструментов: во вьюках разбились все барометры, эфир из гигрометров испарился, часы остановились. Последние три дня перед Гадамесом пришлось идти без еды — кончилось продовольствие — и на очень скудном водяном

пайке. В пустыне новости распространяются на удивление быстро, о караване знали уже многие, и слухи о предстоящем вот-вот нападении на него изматывали нервы членов экспедиции. С тем большим облегчением вступили они 13 сентября 1825 года в Гадамес.

В этом городе Лэнгу предстояло провести больше семи недель, хотя сам он был готов двинуться дальше хоть на следующий день. Едва успев отдохнуть после тяжелого перехода, он пишет Уоррингтону: «Здесь для меня мало интересного, и едва ли я найду больше до того, как достигну Томбукту». Но продолжать путь, не дав прийти в себя измученным людям и животным, было невозможно. Притом и сопровождавший путешественника шейх Бабани, как и любой другой житель пустыни, не мог понять: к чему такая спешка? В Сахаре ко времени относились точно так же, как в Сьерра-Леоне...

Здесь, в Гадамесе, Лэнг подвел итог своим долгим размышлениям над загадкой Нигера, изложив их в записке, которую назвал «Беглые заметки о течении и окончании великой реки Нигер». Поскольку они предназначались для Батерста и были пересланы ему в Лондон, их миновала судьба большинства других бумаг Лэнга, погибших вместе с ним, и мы можем теперь представить, как путешественник собирался решать эту загадку перед заключительным этапом своей экспедиции.

Нравилось это Лэнгу или нет, но ему приходилось считаться с теми сведениями о Нигере, которые удалось собрать Клаппертону. Он это делает, но как бы нехотя, и сразу же добавляет: «Нельзя, однако, сказать, чтобы их путешествие, сколь ни богато оно информацией, внесло много ясности в решение проблемы окончания Нигера». Прежде всего, продолжает Лэнг, Клаппертон доказал, что впадать в Чад Нигер не может: дойдя до 13-го градуса северной широты, он не обнаружил в Центральном Судане никакой реки, похожей на Нигер и текущей в направлении этого озера. Вместе с тем султан Мухаммед Белло сообщил лейтенанту Клаппертону, будто Кворра, то есть Нигер, впадает в Бенинский залив, разделяясь на множество рукавов. Казалось бы, все более или менее ясно, к тому же совсем недавно сам Лэнг решительно поддерживал точку зрения Рейхардта и возражал против мнения Реннела о впадении Нигера в озеро в Центральной Африке.

Но майору, видимо, очень не хотелось оставить за Клаппертоном честь пусть даже неподтвержденного решения проблемы, над которой географы Европы бились столько времени. И он заявляет, что рассказы султана окутывают существо дела «облаком еще большей таинственности». Почему? А потому, что-де Мухаммед Белло сам никогда не бывал на Кворре за пределами своих владений, экспедиций для географических исследований не посылал и, следовательно, знает об этой реке только понаслышке. Те же, кто ему рассказывал о ней, наверняка видели только Нигер около Юри; а относительно большой реки к югу от «гор Конг» тоже слышали только от других. И вообще: «среди мавров и негров география вовсе не служит предметом разговоров, и тем менее — исследований».

Так Лэнг попытался воскресить реннеловские «горы Конг», о которых прежде предпочитал не говорить, настолько их существование казалось ему сомнительным. Чего не сделаешь для посрамления конкурента... Но Лэнг не ограничился этим. Исходя из предположения о том, что Нигер эти горы преодолеть не может, а также ссылаясь на рассказы Бабани и других своих гадамесских знакомых, будто Нигер возле Юри в сухой сезон пересыхает, он строит теорию, не менее (если не более) фантастическую, чем теория Реннела. При этом майор кается в том, что за три года до этого присоединился к концепции Рейхардта. Теперь же он считает, что реки Западной Африки, связанные с Белым Нилом,— это Бенуэ и Шари, а что касается Нигера, то он будто бы впадает в Атлантический океан, но не в Беннинский залив, а западнее, через русло Вольты.

Лэнг, несомненно, понимал, что никуда, кроме Атлантики, Нигер впадать не может. И в своей схеме он все время старается примирить собственные убеждения и традицию, подкрепленную авторитетом Реннела: свой «Нигер-Вольту» он пропускает на пути к Гвинейскому заливу через «озеро Вангара». А в подтверждение существования этого географического мифа ссылается на шейха Бабани (забыв, видимо, что «среди мавров и негров и т. д.»). Так, одна уступка неминуемо вела за собой другую,— ведь с момента возвращения Клаппертона и Денэма в Европе начали довольно быстро забывать об «озере Вангара».

Среди имен, на которые ссылается Лэнг в этих «Беглых заметках» в подтверждение своей новой тео-

рии, мы встречаем вдруг какого-то «татарина Варги»: он будто бы побывал в Томбукту в начале 20-х годов, оттуда отправился в государства Ашанти и затем — в колонию Золотой Берег. Первые сообщения об этом несколько неожиданном персонаже появились в газете, издававшейся в этой британской колонии, 31 декабря 1822 года и 7 января 1823 года и в том же, 1823 году были перепечатаны во Фритауне и Лондоне.

Фигура Варги тем более любопытна, что это был наш соотечественник родом из Кизляра. Более того, видный советский африканист Д. А. Ольдерогге, исследовавший недавно текст сообщения Варги, пришел к выводу, что речь идет не о татарине, а об армянине по имени Варген. Это видно, например, из того, что рассказчик совершенно определенно рассматривал ближневосточных и африканских мусульман как иноверцев. Армянин из Кизляра, несмотря на его христианское вероисповедание, не вызывал у мусульман таких враждебных чувств, как европейцы. Это не удивительно: на Ближнем Востоке привыкли к армянским купцам. К тому же за ними не было ни европейских эскадр, ни фортов на побережье; и вообще большинство армян, торговавших в этих странах, принадлежали к подданным мусульманских государей, в первую очередь — турецкого султана. Поэтому Варгену удалось без особых затруднений пересечь Африку от Египта до побережья Гвинейского залива и сделаться, строго говоря, первым европейцем, посетившим Томбукту в новое время. Ведь Кизляр лежит к северу от Большого Кавказского хребта, по которому проходит географическая граница между Европой и Азией. Но для Лэнга Варги был «татарин», следовательно — мусульманином, и вопрос о приоритете в данном случае не беспокоил майора.

За время сидения в Гадамесе Лэнг занимался не только проблемой Нигера. Он внимательно знакомился с оазисом, его хозяйством, архитектурой, бытом жителей, обследовал и зарисовал развалины римского укрепления — через Гадамес в первые века нашей эры проходила южная граница римской провинции Африка, вел метеорологические наблюдения. Его особенно обрадовало, что среди жителей нашлось довольно много людей, хорошо знающих язык бамбара. Этот язык — родной брат языка малинке, на котором лейтенант Лэнг разговаривал с африканцами, еще служа в Сьерра-

Леоне. Ему было ясно, что Гадамес имеет связи с берегами Нигера, на которых живет народ бамбара.

Наверно, Лэнг был бы только рад, если бы можно было ограничиться научными занятиями. К сожалению, дело обстояло иначе. К этому времени у майора накопился достаточный опыт, чтобы более или менее трезво представить себе, чего можно ждать впереди. И размышления на эту тему приводили к довольно мрачным выводам: «Не многие решатся в одиночку путешествовать между Триполи и Гадамесом; никто не станет этого пробовать между Гадамесом и Туатом. Но даже двадцать человек не могут чувствовать себя в безопасности между Туатом и Томбукту. Все говорят мне, что этот маршрут очень отличается от дороги в Борну — регулярного торгового пути, по которому под защитой паши может путешествовать и дитя. На этой же дороге сталкивается много противоположных интересов, а влияние паши кончается в Гадамесе». Действительно, Юсуф Караманлы даже в Гадамесе не имел уже ни влияния, ни власти. Единственными хозяевами здесь были кочевавшие в пустыне племена туарегов. Им надо было платить за безопасный проход через кочевья, а с деньгами у Лэнга дела обстояли совсем неважно. Услуги шейха Бабани стоили и так недешево, а он к тому же оказался и нечист на руку. Словом, были причины для беспокойства.

А в довершение всего в Гадамесе майора догнало письмо, в котором лорд Батерст сообщал ему (и Уоррингтону) о своем недовольстве превышением сметы экспедиции. Письмо было настолько неприятное, что у Лэнга даже промелькнула мысль — не вернуться ли? Он, конечно, сразу же ее отогнал: слишком сильна была в этом человеке вера в то, что именно ему предстоит решить проблему Нигера, да и самолюбие не позволило бы отдать успех другим — тому же Клаппертону, например. Но зато своему тестю Уоррингтону Лэнг писал, что кажется себе похожим на полководца, одержавшего крупную победу, но вместо награды получившего от начальства выговор, причем выговор не за большие людские потери — они никого не заботят, а за перерасход пороха и снарядов.

Единственным отрядным событием стала состоявшаяся наконец встреча с Хатитой аг Худеном. Лэнг, по-видимому, возлагал на туарегского вождя большие

надежды, а Хатита пообещал довести путешественника до места, от которого до Томбукту, по его словам, останется всего двадцать дней пути. Что это было за место, сейчас сказать невозможно, ясно только, что надежды Лэнга и на сей раз не оправдались.

3 ноября экспедиция вышла из Гадамеса. Теперь она двигалась почти прямо на юг. Обстановка впереди была неясной, ходили упорные слухи, будто арабы-шаамба перехватили дорогу. Шейх Бабани, возглавлявший караван, панически боялся и их, и туарегов. Лэнг по его совету сократил число выюков, чтобы не привлекать чрезмерного внимания кочевников и иметь возможность двигаться быстрее. Из-за страхов, терзавших Бабани, караван шел зигзагами, то удаляясь от главной тропы, то возвращаясь на нее. А бояться были причины: Бабани потратил на закупку товаров, которые можно было выгодно продать в Томбукту, те деньги, на какие он по соглашению с Уоррингтоном должен был нанять конвой для своего каравана. Но Лэнга радовало уже то, что его экспедиция снова двинулась к цели, и, оставляя Гадамес, он радостно писал в Триполи: «Когда вы получите... мои письма, можете считать, что я наверняка уже в этом городе (Томбукту. — Л. К.), и, быть может, уже в феврале я буду на другой стороне этого континента».

13 ноября примерно в двухстах пятидесяти километрах к югу от Гадамеса караван повернул на запад, а 3 декабря благополучно вошел в Айн-Салах, центр области Туат. До Томбукту отсюда оставалось тридцать-сорок дней пути. Здесь уже собирался крупный торговый караван, к которому намерен был присоединиться и шейх Бабани. Рассчитывали, что после недельного отдыха можно будет начать решающий этап путешествия. Лэнг был первым европейцем, которого видели в этих местах, поэтому в первые дни пребывания в оазисе он просто не знал, куда деваться от любопытных, желавших увидеть небывалое чудо — живого христианина. Но настроен он был очень оптимистично: «Я еще не в Томбукту, но постоянно к нему приближаюсь», — бодро писал майор своим друзьям в Лондон. Это письмо вместе с докладом в министерство колоний о плачевном состоянии экспедиционных финансов 7 декабря 1825 года повез из Айн-Салаха в Триполи все тот же Хатита аг Худен.

Но справиться со всеми делами за неделю не удалось. Главное же — на дороге к Томбукту было очень беспокойно. Арабы племени улед-делим разграбили несколько караванов, и купцы просто боялись оставлять гостеприимный и безопасный Айн-Салах. Приходилось ждать, как ни противно это было деятельной натуре Лэнга. Теперь долго не предвиделось оказий в Триполи, и майор по несколько дней писал одно письмо, так что получался своего рода дневник. 13 декабря он писал Уоррингтону, что человеку, который не обладает первой и важнейшей из добродетелей — терпением, нечего делать в Туате.

Но как ни терпелив был путешественник, а размышления над дальнейшей судьбой экспедиции начинали понемногу приводить его в отчаяние. Лэнгу в Айн-Салахе постепенно становилось ясно, что Бабани его обманул и полагаться на купца нельзя. Денег у майора оставалось совсем мало, будущее было полно опасностей, и, как признался Лэнг в одном из писем, впервые в жизни ему захотелось иметь рядом с собой надежного и близкого человека. Впрочем, веры в успех он не терял и, как и раньше, был убежден, что именно ему, Александру Гордону Лэнгу, суждено судьбой быть первым европейцем, увидевшим Томбукту. Но теперь в письмах-дневниках путешественника враждебность к Клаппертону сменяется надеждой на успех соперника: пусть тот придет к цели первым, лишь бы цель была достигнута. «Если Клаппертон попадет в Томбукту раньше меня, то есть за те тридцать или пятьдесят дней, которые мне могут для этого потребоваться, — рассуждает Лэнг, — я смогу вернуться в Триполи через Гат. Однако, если с Клаппертоном что-нибудь случится, я, конечно же, продолжу свой путь дальше на юг вдоль Нигера».

Вдобавок Лэнгу пришлось именно в Айн-Салахе неожиданно столкнуться с малоприятными последствиями путешествия своего земляка Парка в 1805—1806 годах. На Лэнга это произвело гнетущее впечатление. Выходя из Айн-Салаха, он писал в Лондон: «Здесь распространился смешной слух, будто я — не кто иной, как Мунго Парк, христианин, принесший войну людям, обитающим по берегам Нигера, убивший некоторых из туарегов и многих ранивший. И хотя с первого взгляда Вы склонны будете отнестись к этой новости с тем же легкомыслием, с каким отнесся и я, и посмеетесь над тем, сколь

абсурдна возможность даже на миг поверить такому известию, но когда я Вам сообщу, что здесь есть туарег, получивший мушкетную пулю в щеку при встрече с судном Парка и готовый поклясться, что я — тот самый, кто отдал приказ об этом... Вы так же, как и я, будете об этом сожалеть, каким бы абсурдным и смешным ни казалось это известие в первом приближении. Ибо я не могу без некоторой тревоги не предвидеть тех затруднений, которые могут у меня возникнуть при моих попытках исследований на великой артерии этого неизученного континента».

Теперь становилось более или менее ясно, что спускаться по Нигеру едва ли придется. Практически экспедиция должна была завершиться в Томбукту. Однако до него еще нужно дойти, а выход из Айн-Салаха все откладывался и откладывался: сначала купцы решили было выйти 30 декабря, но в это время стало известно, что на дороге снова рыщут отряды улед-делим. Многие стали задумываться, не лучше ли вообще отказаться от мысли продолжить движение на юг.

И тогда Лэнг принял решение, в котором было столько же граничащей с безрассудством отваги, сколько отчаяния: отправить обратно в Гадамес Роджерса и Харриса с тяжелым экспедиционным багажом, а самому двинуться к Томбукту в сопровождении только Джека ле Бора и Бабани на беговых верблюдах-мехри. С собой он собирался захватить лишь самое необходимое: научные инструменты и бумаги и тот минимум багажа, который можно будет погрузить на мехри без ущерба для скорости движения. Отъезд был назначен на 8 января 1826 года, а незадолго до этого Лэнг писал своему другу в Лондон: «День или два я не знал, что делать, но в конце концов принял решение выйти один... Будь что будет!»

Видя непреклонность европейца, купцы все же решили продолжить путь. 9 января караван вышел из Айн-Салаха. В нем было триста вьючных верблюдов, которых сопровождали полторы сотни прекрасно вооруженных людей. Впрочем, сознание собственной силы не прибавляло купцам храбрости. Дорога оставалась очень беспокойной, и распространились слухи, что страшные улед-делим охотятся за караваном. Снова купцы собрались было возвращаться в Туат — и снова Лэнг, заявив о своем непреклонном решении двинуться дальше

хотя бы в одиночку, заставил их устыдиться и продолжить путь.

27 января 1826 года к каравану присоединились несколько десятков туарегов кель-ахаггар, пообещав купцам свое покровительство. И в этот же день на стоянку прискакали еще два туарега-гонца с известием о разгроме улед-делим туарегскими воинами в нескольких десятках километров отсюда. Платить кель-ахаггар за защиту было все-таки лучше, чем подвергать караван риску полного разграбления, так что, казалось, дела пошли на лад...

А через два месяца, в конце марта, Хатита аг Худен сообщил Уоррингтону из Гадамеса тревожную новость: на караван, с которым двигался Лэнг, было совершено нападение. Но ни Хатита, ни те, кто сообщил о нападении паше Юсуфу Караманлы, не знали подробностей события. Только через полгода — в течение этого времени приходили самые противоречивые сообщения из пустыни, и страхи не раз сменялись надеждами, и наоборот — Эмма Лэнг получила письмо от мужа. Обычное ласковое письмо любящего человека, и, лишь извиняясь за неразборчивый почерк, Лэнг как бы вскользь замечает: «Пишу только большим и средним пальцами — указательный серьезно ранен».

Но более полного сообщения пришлось ждать до начала ноября, когда в Триполи доставили письма Лэнга, написанные 10 мая, 1 и 10 июля, — к этому времени майор уже немного пришел в себя после ранений. Из писем и рассказов курьера (этот человек служил у Лэнга погонщиком верблюдов) выяснилось, что, во-первых, нападение произошло в Вади-Ахнете, примерно в полутора тысячах километров северо-восточнее Томбукту; во-вторых, напали на путешественника те самые кель-ахаггар, которые присоединились к каравану и объявили себя его защитниками; и в-третьих, Лэнга предали гадамесские купцы, точнее — шейх Бабани, на которого майор когда-то возлагал столько надежд и который ему казался «чудным парнем». Купцы решили откупиться от опасных покровителей жизнями членов экспедиции и их имуществом и, видимо, довольно легко сговорились с туарегами, которые и пальцем не тронули остальную часть каравана.

Во время ночного нападения спавший Лэнг даже не успел схватиться за оружие. Его посчитали мертвым

и только поэтому, израненного, не доби́ли. Из спутников майора остался невредимым один Джек ле Бор, Харрис был тяжело ранен, а Роджерс погиб. Собственно, верный ле Бор и выходил Лэнга в последующие месяцы. Особенно нелегко было ему с ранеными в течение труднейших трех недель пути от места нападения до кочевий арабов-кунта, могущественный шейх которых Сиди Мухаммед ал-Мухтар принял путешественников под свое покровительство. Сейчас можно только удивляться мужеству и выносливости Лэнга: ведь, как сам он писал, ему нанесли двадцать четыре ранения, из них восемнадцать очень серьезных.

Лэнгу пришлось надолго задержаться в ставке гостеприимного шейха. Караван давно ушел дальше, к Аравану, а майор и его уцелевшие спутники нуждались в длительном отдыхе и лечении. Впрочем, поначалу все, казалось, шло как нельзя лучше. Старый шейх, который очень сочувственно отнесся к своему гостю, не только обещал доставить его в Томбукту, но и собирался помочь Лэнгу переправиться через Нигер, в страну народа моси (теперь это Республика Верхняя Вольта). У Сиди Мухаммеда хватило бы для этого и силы и авторитета, под его покровительством экспедиция была бы в полной безопасности. Лэнг очень рассчитывал на шейха. Свое письмо от 10 мая 1826 года, написанное в ставке Сиди Мухаммеда и содержавшее отчет о нападении в Вади-Ахнете и подробный перечень полученных им ран, совершенно его искалечивших, этот удивительный человек заканчивал словами: «Чувствую себя хорошо и надеюсь еще возвратиться в Англию с большим количеством географических сведений».

По грустной иронии судьбы это письмо получили в Триполи вместе с двумя другими, написанными ровно через два месяца. За эти два месяца на кочевьях кунта произошли перемены, которые менее стойкого человека, чем Александр Лэнг, наверняка привели бы в полнейшее отчаяние. Вспыхнувшая эпидемия дизентерии погубила чуть ли не половину племени. Умерли оставшиеся в живых после нападения спутники Лэнга — ле Бор и Харрис, умер злосчастный Бабани, и что самое страшное, умер сам Сиди Мухаммед ал-Мухтар. Его сын, ставший теперь вождем племени, относился к Лэнгу, пожалуй, не менее доброжелательно, чем отец, но помогать майору двигаться дальше он не собирался, да и воз-

возможностей отцовских у него не было. К тому же, молодой шейх гораздо лучше своего гостя представлял себе обстановку в Томбукту и его окрестностях, а также те опасности, которыми чревато было для Лэнга дальнейшее путешествие в этот город, и, по-видимому, искренне старался убедить европейца не пытаться туда проникнуть.

Но у Лэнга стремление достигнуть Томбукту стало к этому времени навязчивой идеей. Прежняя трезвая уверенность в успехе превратилась почти в мистическую веру в свое особое предназначение: «Я хорошо знаю, что, если я не посетю этот город, мир навсегда останется в неведении относительно него. И это не ложное и хвастливое заявление, когда я говорю, что после меня город никогда не посетит ни один христианин». Правда, майором руководили и чисто практические соображения. Даже если бы он сейчас и отказался от мысли о достижении Томбукту, ему нужны были бы деньги на обратную дорогу, и деньги немалые. А достать их ограбленный туарегами Лэнг мог надеяться только в Томбукту: местные купцы, поддерживавшие давние и прочные связи с Северной Африкой, не побоялись бы ссудить ему сумму, нужную для обратной дороги в Триполи. Так что оставался лишь один путь — вперед.

Сейчас Лэнг ясно понимал, что Томбукту станет конечным пунктом экспедиции. У него не хватило бы сил, не говоря уже о деньгах, чтобы попробовать выйти на побережье Гвинейского залива, как это предполагалось первоначально. Поэтому в своих июльских письмах он совершенно спокойно пишет об экспедиции Клаппертона и выражает надежду, что тому уже удалось установить место впадения Нигера в океан. Ну, а если Клаппертону не повезет, то ему, майору Лэнгу, теперь уже достоверно известно, где надлежит искать устье реки. И он бы не возражал против того, чтобы это устье разыскать самому.

В июле в ставку молодого шейха (она к этому времени откочевала в область Азавад, то есть значительно приблизилась к цели путешествия Лэнга) возвратился из Томбукту племянник Бабани, в свое время ушедший туда с караваном, в составе которого майор отправился из Айн-Салаха. Он очень доброжелательно относился к путешественнику и охотно согласился проводить его до таинственного города. В состав британской «мис-

сии в Томбукту» теперь входили только майор Александр Лэнг и его слуга Бонгела — чернокожий африканец, который когда-то был слугой Бабани. Лэнг нанял этого человека в Гадамасе, и Бонгела честно служил ему на протяжении заключительного этапа экспедиции. В последних числах июля Лэнг выехал из ставки сына Сиди Мухаммеда, направляясь в Томбукту. 13 августа 1826 года его маленький караван наконец вошел в «великую столицу Центральной Африки» — так Лэнг называл город в одном из своих писем.

В Томбукту давно уже знали, что какой-то упрямый европеец с удивительной настойчивостью продвигается к городу через пустыню. Знали и испытывали острейшее беспокойство, не столько, может быть, из-за самого этого «христианина», сколько из-за неприятных внешнеполитических последствий, которые неминуемо влек за собой визит незваного гостя.

Султан Сокото Мухаммед Белло, с которым познакомился во время первого своего путешествия Клаппертон, был не единственным, кто опасался все убыстрявшегося проникновения европейцев во внутренние области Африки. Не меньше Белло боялся этого и правитель другой могущественной теократической державы, созданной фульбской знатью в Западном Судане в начале XIX века, шейх Ахмаду (или Секу Амаду Лоббо). Границы владений Ахмаду все ближе придвигались к Томбукту, и из своей новой столицы Хамдаллаيه в гористой области Бандиагара на правом берегу Нигера фульбский государь очень внимательно следил за тем, что происходит на подступах к важнейшему торговому центру. Появление «христианина» в Томбукту не устраивало Ахмаду ни с идеологической, ни с политической точек зрения: он слишком хорошо знал, к чему вело проникновение европейцев во внутренние области континента на западе, со стороны Сенегала и Гамбии, а государство свое создавал под лозунгами священной войны мусульман против иноверцев. И поэтому незадолго до появления Лэнга в городе старейшины Томбукту получили от Ахмаду грозное письмо. Им предлагалось не пускать «христианина» в Томбукту. Ссылаясь на повеление Мухаммеда Белло (правитель Сокото считался номинальным «повелителем верующих» в Западном Судане), Ахмаду предостерегал отцов города: страны Судана слабы, и посещения «христиан» будут иметь

для них пагубные последствия. Нельзя отказать Ахмаду в прозорливости, но для Лэнга его письмо было почти равнозначно смертному приговору...

Каид Бубакар, правитель Томбукту, и его ближайшие советники должны были проявить завидную ловкость, чтобы как-то угодить сразу всем опасным соседям. Конечно, не подчиниться требованию государя Хамдаллаيه было никак нельзя, навлекать на себя его гнев ни сам Бубакар, ни богатейшие купцы и имамы мечетей города не собирались. Но ведь и с вождями могущественного кочевого племени ссориться не хотелось, а шейх кунта явно покровительствовал «христианину». Несколько веков истории Томбукту научили городскую знать не забывать одну непреложную истину: с кочевниками надо жить в мире. И в конце концов было решено: Лэнга в город допустить, но не позволять ему здесь задерживаться больше, чем на месяц-другой. За пределы города гостя не выпускать — здесь он в безопасности, а в нескольких сотнях шагов от города его безнаказанно ограбит, а то и убьет первый попавшийся туарег.

В Томбукту Лэнг пробыл немногим больше месяца и отсюда написал только одно короткое письмо. Как ему жилось это время, майор не сообщал, а рассказывал лишь о том, что смог познакомиться с написанными порабски местными хрониками и составил по этим сведениям небольшой очерк истории города. Городские власти твердо держались своего решения, и выходить из города майору не позволялось. Только один раз ему удалось ночью выбраться в Кабару, чтобы своими глазами взглянуть на Нигер. Но об этом в Европе узнали не из письма самого Лэнга, а из записок Кайе, попавшего сюда двумя годами позднее (о нем у нас еще будет речь). О своих впечатлениях от Томбукту Лэнг писал предельно лаконично: город, сообщает он, «в любом отношении... полностью соответствует моим ожиданиям», только размеры его оказались меньшими, чем представлялось раньше.

Больше всего места в последнем своем письме Лэнг уделил размышлениям о дальнейшем маршруте путешествия. Надо сказать, что, добравшись до Томбукту, Лэнг ощутил прилив новых сил. Теперь он уже не собирается возвращаться в Триполи старой дорогой: «Я совершенно оставил мысль о возвращении обратно

в Триполи и прибыл сюда с намерением продолжить путь по воде до Дженне». Он собирался подняться по Нигеру, а от верховий реки выбраться на атлантическое побережье либо по знакомой дороге через Сьерра-Леоне, либо через французские владения на Сенегале.

Но мысль о дороге через Дженне сразу же отпала: город уже находился под властью Ахмаду. И Лэнг решил обойти Дженне, с тем чтобы добраться до Сегу, столицы государства бамбара, которое оказалось для войска Ахмаду слишком крепким орешком. «Пункт моего назначения — Сегу, куда я надеюсь прибыть через пятнадцать дней. К сожалению, дорога плоха, и опасности еще не кончились». Трудно сказать, каким образом он собирался достигнуть Сегу; скорее всего — через Араван и Валату, так, чтобы обогнуть с севера государство Ахмаду. Но на такой путь Лэнгу пришлось бы потратить не две недели, а два-три месяца, хотя он, выходя из Томбукту, не представлял себе действительных расстояний на выбранной им дороге. Во всяком случае отправлялся он из Томбукту в бодром настроении.

А отправляться было, что называется, самое время. Ахмаду все-таки стало известно о появлении Лэнга в Томбукту, и немедленно последовало грозное предписание каиду Бубакару: «христианина» из города убрать! Отцы города стали торопить путешественника. И вот 22 сентября 1826 года Лэнг, присоединившись к каравану, который шел в Марокко, покинул Томбукту и двинулся на север, по араванской дороге.

Караван шел медленно, и Лэнг с Бонгелой и мальчиком-арабом, которого нанял в Томбукту вторым слугой, намного его опередил. К вечеру 24 сентября они дошли до местности Сахаб, примерно в пятидесяти километрах от города, и расположились на ночевку. Здесь путешественника догнал шейх арабов-берабиш Амаду Лабейда с отрядом воинов. Когда Лэнг выходил из Томбукту, каид Бубакар и его советники обратились к этому человеку с просьбой взять «христианина» под свое покровительство. Амаду обещал, но выполнил свое обещание довольно своеобразным способом. Ночью арабы напали на спящих, убили Лэнга и мальчика-слугу и разделили между собой имущество убитых. Раненого Бонгелу тоже сочли убитым и оставили в покое. Только этой «ошибке» обязаны мы тем, что знаем сегодня под-

робности гибели майора Александра Гордона Лэнга: на следующее утро проезжавший мимо араб-берабиш из колена улед-слиман похоронил останки Лэнга и мальчика, а Бонгелу подобрал и выходил. Лишь в конце августа 1828 года Бонгела добрался до Триполи и рассказал Уоррингтону о том, как погиб его зять за два года до этого.

Все вещи Лэнга и его бумаги пропали бесследно. Много позднее, уже в 1910 году, французскому археологу Боннель де Мезьеру удалось отыскать племянника Амаду Лабейды, и тот рассказал, что записи убитого «христианина» берабиши сожгли, боясь их магических свойств. Но в конце 20-х годов прошлого века вопрос о бумагах Лэнга стал предметом очень острой полемики между английскими и французскими газетами. У истоков ее стоял британский консул и тесть путешественника полковник Уоррингтон, который, надо отдать ему справедливость, проявил незаурядные энергию и настойчивость, пытаясь выяснить судьбу экспедиции.

Сначала полковник подозревал, что паша Юсуф что-то от него утаивает, и пытался «выжать» из паши какие-нибудь сведения, хотя тот, особенно первое время, знал ничуть не больше его самого. Но когда 2 мая 1827 года в одной из парижских газет появилась корреспонденция о гибели Лэнга, автор которой ссылался на своих информаторов в Триполи, разъяренный Уоррингтон решил, что майора убили по наущению французского консула, а Юсуф находится с ним в сговоре. Полковник особенно опасался, что бумаги Лэнга похищены и находятся в распоряжении французов, которые, разумеется, не преминут воспользоваться этими документами в ущерб британским интересам. Хотя французы к гибели Лэнга были непричастны, учитывая всю остроту англо-французского соперничества в изучении Западной Африки, подозрительность Уоррингтона, пожалуй, можно как-то объяснить.

Созданную Уоррингтоном легенду о похищении французами бумаг Лэнга с готовностью подхватили ультрапатриоты в английской прессе. Об этом писали как о чем-то совершенно бесспорном, обвиняя консула Руссо во всех смертных грехах,— история довольно обычная, когда дело касается таких хрупких вещей, как национальный престиж и приоритет в открытии. Раздражение прессы усиливалось еще и тем, что экспеди-

ция Лэнга — «миссия в Томбукту» — оказалась, несмотря на свой трагический конец и на то, что Лэнг действительно первым из европейцев нового времени дошел до Томбукту, довольно бесплодной в научном отношении. Отчасти это произошло, конечно, из-за гибели дневников путешественника, но, рассуждая объективно, трудно не прийти к выводу, что первая его экспедиция в Сьерра-Леоне принесла куда больше пользы для решения проблемы Нигера. И отсюда легко понять тот подлинный пароксизм бешенства, который охватил часть британской прессы в конце 1828 года, когда распространилась новость, что какой-то никому не известный француз Рене Кайе не только побывал в Томбукту, но и пересек всю Западную Африку с юга на север — от Фритауна до Танжера — и теперь собирается опубликовать свои дневники, где собраны его впечатления о путешествии, длившемся полтора года.

КЛАППЕРТОН — ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ (1825 — 1827)

Как только путевые заметки «миссии в Борну» были опубликованы, немедленно вспыхнула с новой силой дискуссия вокруг все еще не разрешенной «проблемы Нигера». Клаппертон, а в какой-то степени и Денэм оказались в состоянии прямого конфликта с Барроу и «Quarterly Review». Этот журнал объявил предположение Денэма, что Чад не имеет стока, «недопустимым» и полностью отверг идею Клаппертонна о впадении реки в Бенинский залив. Зато другой журнал, «Blackwood's Edinburgh Magazine», обвинил в свою очередь «Quarterly Review» в «упрямом стремлении во что бы то ни стало сделать Нигер и Нил одной и той же рекой». Как он утверждал, открытия «миссии в Борну» доказывают, что Нигер может впадать лишь в Атлантический океан. Споры не прекращались, и разрешить их можно было, только отправив другую экспедицию на Нижний Нигер.

По прибытии в Англию Клаппертон доложил лорду Батерсту о переговорах с султаном Сокото. Министр тут же осведомился, не намерен ли новоиспеченный капитан флота возглавить другую экспедицию в Африку.

Клаппертон согласился не раздумывая: желание немедленно вернуться на Нигер и во что бы то ни стало самому добиться окончательного ответа на вопрос: куда впадает Нигер? — было слишком сильно. И как раз здесь он, так сказать, заочно столкнулся с Лэнгом, отправлявшимся во вторую экспедицию в Западную Африку. Еще возвращаясь из первого путешествия, Клаппертон, будучи в Триполи, наотрез отказал Уоррингтону, настаивавшему, по указанию министра, чтобы он «изложил на бумаге все наиболее важные сведения, которыми он располагал и которые могли помочь исследованиям капитана Лэнга»; приезда этого путешественника тогда со дня на день ожидали в Триполи.

Но и в Лондоне в министерстве колоний от Клаппертон сразу же потребовали подготовить подробную справку для Лэнга. Чиновникам лорда Батерста нельзя было отказать в логике: капитан только что побывал в Сокото и, таким образом, находился ближе, чем кто-либо другой, к районам предстоящего следования Лэнга. Клаппертон продолжал упорствовать. Тогда в министерстве дали ему понять, что Батерст не намерен мириться с таким эгоистичным поведением. Однако Хью не без оснований считал Лэнга конкурентом, неожиданное вмешательство которого грозило лишить его самой славы открытия Нигера: он был теперь уверен, что река впадает в Бенинский залив.

Сдавшись, Клаппертон написал Лэнгу письмо, содержащее полезные, но для данного случая довольно общие сведения, без учета того, что соперник сам имел достаточный опыт путешествий по Африке. Письмо было немедленно переправлено Лэнгу, который уже выехал из Триполи и находился в Бени Улиде. Тот, зная об отказе Клаппертон консулу, отнесся к сведениям, содержащимся в письме, весьма скептически. Тем не менее надо отдать должное Клаппертону, который после перечисления довольно общих истин о том, как должен себя вести человек, путешествующий по странам Африки, прямо советовал: «Если Лэнг, дойдя до Томбукту, сможет затем спуститься вниз по Нигеру до Яури или Нупе, то на тот случай ему следует запастись рекомендательным письмом к Мухаммеду Белло, фульбскому султану, который окажет путешественнику необходимую помощь и содействие для продолжения пути».

Капитан Клаппертон не ошибался относительно

дальнейших планов британского правительства и своего в них участия. Ободренная приемом, который был оказан Клаппертону, Англия не желала упускать представившуюся возможность установить отношения с могущественными правителями на севере Нижнего Нигера и расширить торговые связи. Торговля, которую англичане могли бы вести на Нижнем Нигере, закупаая слоновую кость, индиго, шкуры, а также пальмовое масло, зависит от судоходности рек, впадающих в Бенинский залив и вытекающих из глубинных районов. Так считали и Клаппертон, и Денэм. Султан Белло в разговорах с гостем также предлагал использовать путь не через Сахару, а с Бенинского залива. Как он утверждал и как сообщал Клаппертон в письме 6 июня 1825 года, от побережья десять дней пути до Раки и двенадцать — до Сокото.

В британском правительстве, находившемся под сильным впечатлением достижений «миссии в Борну», в кратчайшие сроки был разработан план новой экспедиции, на сей раз — с южного направления. Клаппертону предстояло отправиться в путь из Бадагри (неподалеку от Лагоса) к Бусе, затем проследовать на север во владения султана Белло; с ним Англия была готова заключить торговое соглашение на условиях, которые уже обсуждались в предыдущее путешествие.

Так и случилось, что спустя три месяца после прибытия из первого путешествия Клаппертон уже вновь находился на пути к Гвинейскому побережью.

Корабль «Брейзн», в июне 1825 года покинувший Портсмут, спустя пять месяцев, в конце ноября, вошел в воды Бенинского залива. На его борту кроме Клаппертонна находились еще несколько членов экспедиции, в их числе соотечественник начальника — врач Диксон. Он уже служил в Вест-Индии и считал себя прекрасно приспособившимся к тропическому климату. Во всяком случае предполагалось, что он обладает достаточными медицинскими познаниями, чтобы позаботиться не только о себе, но и о здоровье других членов экспедиции.

Как было задумано организаторами экспедиции, прибыв на Нижний Нигер, она должна была разделиться на две группы. С этой целью включили еще двух участников — морского офицера Пирса и военного фельдшера Моррисона: первый был прекрасным лоцманом, второй — человеком, весьма искушенным в вопро-

сах естественной истории; предполагали также, что он сможет остаться в качестве британского консула при дворе ал-Канеми в Борну. К несчастью, ни тому, ни другому не довелось применить свои таланты на практике: месяц спустя после выхода из Бадагри они пали жертвой губительного для европейцев климата верхнегвинейского побережья.

Кроме этих членов экспедиции, капитан взял с собой молодого корнуэльца Ричарда Лэндера, который, мечтая об исследованиях Африки, был счастлив отправиться туда при первой представившейся возможности. Как только в Лондоне распространился слух о том, что Клаппертон возвращается на Нижний Нигер во главе новой экспедиции, Ричард обратился к прославленному исследователю и попросил разрешения сопровождать его, причем в любом качестве. Молодой человек произвел хорошее впечатление на Клаппертон, который и предложил ему место «доверенного слуги».

Несколько позднее, уже в Африке, в экспедицию был включен переводчик Пэскоу (вместо умершего мурлата Колумбуса). Интересна судьба этого человека, который сыграл значительную роль в исследовании Африки. Хауса из Гобира, он был взят в плен во время джихада фульбе и продан в рабство. Невольничий корабль, на который он попал, был захвачен английским крейсером. Освобожденный Пэскоу согласился остаться на британской службе: сначала в качестве моряка, а затем проводника и переводчика в экспедициях.

Путешественники имели задание адмиралтейства обследовать помимо северных стран также устья Нигера и других рек, впадающих в заливы Бенин и Биафра. Им надлежало установить, на судах какого типа возможно плавание по этим рекам, и выяснить, позволяют ли условия создать в тех районах переселенческую колонию. Одной из основных целей, как уже отмечалось, было расширение возможностей для британской торговли. Для осуществления этих задач Батерст в инструкции, направленной путешественникам 30 июля 1825 года, рекомендовал широко использовать метод «задания» местных вождей. Клаппертон вез с собой для подношения африканским правителям целый арсенал: два легких полевых орудия, четыре бочонка пороха, двадцать четыре мушкета, четыре охотничьих ружья, восемь пистолетов, два двуствольных ружья, три меча, а к это-

му еще сто ярдов хлопчатобумажной ткани, двенадцать шалей, три больших зонта. Стоимость подарков и снаряжения экспедиции достигала трех тысяч фунтов стерлингов.

Кроме того, все еще оставался открытым вопрос о стоке Нигера: ясно было лишь одно — и направление реки, и все остальное указывало как будто на то, что Нигер должен впадать, скорее всего, в Бенинский залив, где-то между реками Бенин и Лагос. Этим, по-видимому, и объяснялся выбор начального пункта отправления неподалеку от острова, от которого по сути дела начиналась дельта Нигера.

И тем не менее среди членов исследовательских групп возникли разногласия относительно выбора дальнейшего пути. Клаппертон, Лэндер, Пирс и Моррисон 7 декабря 1825 года пошли из Бадагри на северо-восток. Диксон отправился из Виды к западу, в Дагомею, достиг Абомея, пробыл там некоторое время, затем пустился в обратный путь, намереваясь идти к Яури, чтобы присоединиться к Клаппертону. Вскоре, однако, он исчез, и с тех пор о его судьбе ничего не известно.

Несмотря на уменьшение состава экспедиции на две трети (о гибели Пирса и Моррисона мы уже знаем), Клаппертон вынашивал обширный план исследований. Он намеревался отправиться вначале в Сокото и Томбукту, затем пересечь страны хауса и дойти до Борну и Адамауа. Однако экспедиция, теперь уже в составе лишь капитана и Лэндера, смогла достичь только Сокото.

Султан Белло обещал Клаппертону прислать в Виду своих людей, которые должны были встретить путешественника и проводить его в Сокото. Но когда экспедиция прибыла на побережье между Аккрой и Лагосом, то оказалось, что там ее никто не ждет. Более того, местные жители даже не слышали о таких пунктах, как Фонда и Рака, о которых упоминал султан в разговоре с Клаппертоном зимой 1825 года.

Капитан, однако, не был этим обескуражен. Он решил самостоятельно проложить путь от побережья в «империю» фульбе. После долгих дебатов остановились на дороге через страны йоруба. Сам правитель Бадагри — Адули вызвался сопровождать путешественников по контролируемой им территории. Он двинулся с военным эскортом, на нескольких каноэ, вооруженных фаль-

конетами⁵⁸. Вскоре болезни, подхваченные в болотистых районах побережья, начали одолевать путешественников. Здоровье Клаппертон и Лэндера находилось в угрожающем состоянии. Сопровождавший экспедицию по странам йоруба британский торговец Хаутон⁵⁹ взялся переправить путешественников кратчайшим путем через горы к Катунге, столице «империи» Ойо.

Это было довольно рискованным предприятием. Обширное государство, созданное йоруба⁶⁰ в глубинных районах правобережья Нигера, было почти незнакомо европейцам. Кроме того, правители и торговцы прибрежных городов-государств, занимавшиеся посреднической торговлей, строго следили за тем, чтобы их монополия не была нарушена. Они чинили всевозможные препятствия европейцам, пытавшимся проникнуть на рынки в глубинных областях бассейна Нижнего Нигера.

Клаппертон и Лэндер почувствовали это уже в Джаннахе, в нескольких милях от Бадагри. Путешественники встретили там весьма холодный прием со стороны «губернатора» города: около часа им пришлось дожидаться аудиенции, затем африканец, едва ответив на приветствие, заявил, что если «англичане хотят сказать что-либо королю Ойо, то они должны передать это сообщение через него». Как впоследствии узнали путешественники, накануне их приезда в город туда прибыли посланцы от торговых посредников Лагоса с известием, что англичане «несут королю Яррибы войну и, возможно, собираются его убить».

Клаппертон постарался, как только мог, заверить вожда, что в намерение экспедиции входит лишь передать знаки уважения короля Англии, и просил разрешения проследовать с этой целью к правителю Ойо. И «губернатор» тотчас же успокоился.

⁵⁸ Ряд услуг, в том числе, очевидно, и эту, Адули счел недостаточно оплаченной Клаппертоном (который, кстати, ничего не сообщает об этом в своем дневнике). Впоследствии, когда в те районы прибыли братья Лэндеры, им было предъявлено требование погасить «долги» Клаппертонна.

⁵⁹ Хаутон много лет провел в городах-государствах Южного Нигера, хорошо знал он и внутренние районы бассейна реки, с которыми торговали прибрежные страны. Учитывая это обстоятельство, Клаппертон нанял его в качестве проводника в Ойо.

⁶⁰ Йоруба, издавна населявшие правобережье Нижнего Нигера, — народ древней культуры, достигшей расцвета еще в XIII веке; создали ряд государств — Ифе, Старое и Новое Ойо и др.

«Поразительна доверчивость йоруба», — записывает в связи с этим капитан в дневнике. Не раз можно встретить в его путевых заметках упоминания о радушии, добросердечности и честности йоруба. Местные жители «все чрезвычайно вежливы, никогда не упускают случая приветствовать нас или уступить нам дорогу, — записывает Хью 10 декабря на пути из Дагму в Акалау. — Одна женщина, которой я знаками объяснил, что хочу пить, очень расстроилась из-за того, что у нее нет с собой воды, но тотчас нашлась, предложив нам бананов и каких-то других фруктов». Добры йоруба не только к чужестранцам, но и друг к другу, к «своим женам, детям». Что касается честности африканцев, то Клаппертон, находясь в самом сердце страны йоруба, пишет следующее: «Я не могу не засвидетельствовать необычный и, возможно, беспрецедентный факт. В течение восьми дней мы проделали путь в шестьдесят миль с многочисленным и тяжелым багажом. Десять раз меняли носильщиков. И при этом не потеряли ни одной вещи (личной или общей) стоимостью хотя бы в один шиллинг».

Обстановка в «империи» Ойо способствовала тому, что, несмотря на интриги торговых посредников, Клаппертон и Лэндер в общем-то довольно спокойно прошли через территории, населенные йоруба. Жители повсюду оказывали им гостеприимство: охотно предоставляли ночлег, пищу, давали проводников.

В полдень 23 января 1826 года путешественники через северные ворота вступили в Старый Ойо, или Катунгу, столицу «империи». Время ее основания точно неизвестно: предполагают, что она возникла в XIV столетии. В XVIII веке это было одно из самых могущественных государств лесного пояса Верхней Гвинеи. Многочисленная армия Ойо, состоявшая в основном из конницы, как сообщали европейские купцы, наводила ужас на все соседние народы. Границы государства простирались от Нигера на севере и северо-востоке до современной Ганы на западе. В то время когда Клаппертон посетил империю, ее территория уже значительно сократилась: с запада йоруба теснила Дагомея, с севера — фульбе, с юга, с побережья, — города-государства иджебу, достигшие расцвета под влиянием торговли с европейцами и закрывшие «империи» выход к морю.

К началу XIX века государство Ойо приходит в

упадок. Его правитель — *алафин* (этот титул на языке йоруба имеет несколько значений, основное — «господин мира и жизни») все более оказывается не в состоянии подавить многочисленные внутренние выступления и защитить народ от внешних врагов. И все же Клаппертон отмечает, что в городах йоруба, через которые он проходил, «виден относительный порядок; осуществляется регулярное управление и во всей стране соблюдается определенная степень административного подчинения, что трудно было предположить встретить у народов, до этого считавшихся варварскими». Форму правления путешественник определяет как «деспотию». Во главе государства стоит верховный правитель — алафин. Значительное влияние в тот период приобретают царские наместники (*бале*), назначаемые алафином «губернаторами» в наиболее удаленные провинции государства. Вооруженные силы формируются из отрядов, присылаемых бале по приказанию алафина; каждый отряд должен включать не менее полутора тысяч воинов. Таким образом, от «губернаторов» по сути дела зависела обороноспособность государства.

Однако к тому времени, когда Клаппертон и Лэндер прибыли в государство йоруба, многие бале вышли из подчинения алафина, объявив себя независимыми правителями городов, куда они были посажены «губернаторами». Участвовавшие войны и междоусобицы опустошали «империю». Когда на следующий день после прибытия европейцев в Катунгу правитель нанес им визит, он тут же заявил, что «ничего не требует от белых людей, кроме помощи в борьбе против врагов: прежде всего ему необходимо привести в повиновение восставших подданных, а также усмирить рабов-хауса, которые присоединяются к фульбе». Эта тема неизменно затрагивалась при каждой из бесед, которые происходили ежедневно, а иногда и по нескольку раз в день. Оказывается, накануне приезда английской миссии в столице йоруба распространились фантастические слухи о путешественниках; кстати, по смыслу они были прямо противоположны измышлениям торговых посредников из прибрежных городов. Чаще всего содержание новых басен сводилось к тому, что «белые люди-де наделены сверхъестественной силой, способной приносить мир в страны, где идет война, и что они могут способствовать процветанию тех районов, которые посетят».

Очевидно, под влиянием этих слухов население Катунги «во главе со своим сюзереном,— как пишет Ричард Лэндер,— старалось продлить наше пребывание у них, непрестанно угождая нам и развлекая всевозможными зрелищами, которые они могли только придумать». Клаппертон рассказывает о прибытии в столицу вновь назначаемых бале на торжественную церемонию засвидетельствования вассальной преданности алафину. Местом действия служил королевский парк, расположенный перед главным входом во дворец, где обычно восседал его величество, наблюдая за представлением. Все участники своеобразной пантомимы были облачены в широкие балахоны, укутывающие их с головы до ног. Головы «актеров» были украшены полосками шелковой и хлопчатобумажной материи всевозможных цветов. Музыканты наполняли всю территорию парка звуками барабанов, горнов, литавр, в которые они били и трубили не переставая.

Первый акт представления состоял из танцев и кувыркания в мешках. «Эти акробатические номера,— замечает Клаппертон,— они исполняли превосходно, учитывая, что танцоры были почти лишены возможности видеть друг друга и свободно пользоваться руками и ногами». Во втором акте изображалась битва воина в маске льва и с мечом в руке со страшной змеей, длиной четырнадцать футов, тело которой было раскрашено в разные цвета. Третий акт назывался «Белый дьявол». Актер, худой и высокий, с головой и лицом, покрытыми белым воском, изображал европейца. Он ходил, шатаясь и корчась, как человек, впервые вышедший на улицу без обуви и к тому же умирающий от жары. Конец каждой сцены сопровождался хоровым пением всех присутствующих.

Алафин умудрился задержать путешественников в Ойо более чем на месяц. Путем всевозможных проволок правитель оттягивал отъезд Клаппертон, от которого все еще надеялся заполучить «магическое средство» ото всех своих бед. Наконец 6 марта капитан с верным Ричардом смогли покинуть не в меру гостеприимного алафина и направиться на северо-запад, в сторону Боргу.

Через неделю они прибыли в Киаму, крупный торговый центр, через который проходили, как отмечал Клаппертон, караванные пути из стран хауса и Борну

в районы, населенные йоруба, а также в Дагомею и Ашанти. Правитель Ярро встретил Клаппертон в праздничной одежде — белом шелковом одеянии и красном мавританском фесе на голове. Он обещал обеспечить английским путешественникам беспрепятственный проезд в Бусу.

По дороге к этому городу путешественникам довелось услышать самые различные истории о судьбе погибших исследователей — Парка и Мартина. Все эти сообщения, по мнению Клаппертон, не заслуживали внимания, за исключением одного, поведенного ему правителем Вавы, другого крупного города на пути к Бусе. «На порогах у Бусы лодка застряла между двумя скалами; находившиеся в ней люди бросили четыре якоря, но вода неслась сквозь скалы с огромной скоростью, и при попытке выбраться на берег белые люди утонули. Толпа народа собралась поглядеть на них. Как я слышал, никто в них не стрелял; местные жители были настолько напуганы, что не могли ни стрелять, ни оказать им помощь. В лодке было найдено много вещей, книги и другие ценные товары, которыми завладел султан Бусы». Спустя три дня информатор Клаппертон все-таки признал, что африканцы пускали стрелы в путешественников, но сделали это лишь в ответ на ружейный огонь, открытый из лодки.

Клаппертону так и не удалось раздобыть дневники погибших. Правитель Бусы, в которую англичане прибыли в начале апреля 1826 года, сказал им, что «бумаги» Парка у него выпросил какой-то имам-фульбе, который затем покинул город. Все дальнейшие расспросы не привели ни к чему. Капитану показали только, да и то после многочисленных просьб и с величайшими предосторожностями, то место, где, по всей вероятности, погиб Парк.

Позднее, в Яури, Клаппертон узнал еще некоторые подробности. Действительно, из-за светлой кожи путешественников и конструкции их лодки (на носу у нее имелось сооружение в виде хижины) Парка и его спутников приняли за фульбе. Пламя джихада, «священной войны» фульбе против хауса, опустошало тогда Гобир и Замфару. Напуганный приближением вражеского отряда, вождь Бусы призвал народ к оружию.

О дальнейших событиях, приведших к гибели путешественников, мы уже знаем из предыдущих сообще-

ний. Две «книги»⁶¹ погибших попали к правителю Яури от имама Бусы; они лежали в лодке поверх всех товаров и вещей.

Государство, в пределах которого теперь находились путешественники, состояло из Киамы, Вавы, Бусы и Ники. Эти города, как поведали старики, в недалеком прошлом еще воевали друг против друга, пока по инициативе правителя Бусы между ними не был заключен союз⁶². Во главе Бусы во время посещения страны Клаппертоном стоял Мухаммед. Он сообщил англичанам, что его правящая династия ведет свое происхождение от султанов Борну и что Буса платила последним подати вплоть до прошлого года, когда дороги туда были закрыты; ежегодно отправляли они в Борну сто рабов, сто голов крупного рогатого скота и сто штук какого-либо ценного товара местного производства.

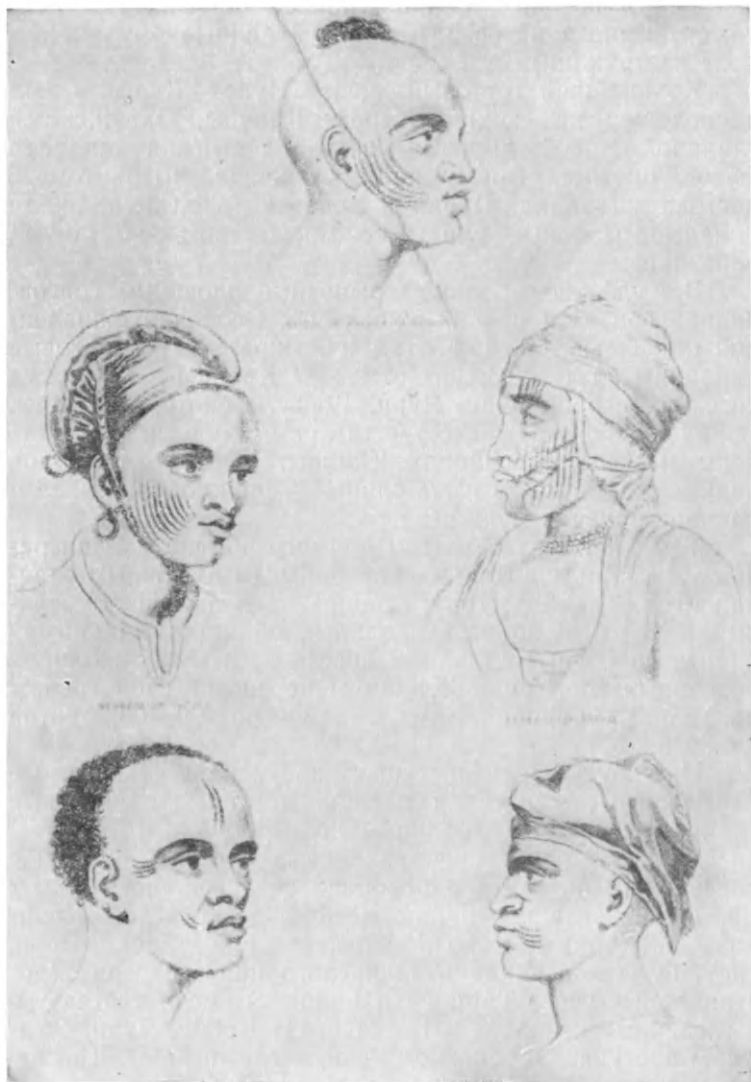
У Бусы Клаппертон имел возможность подробно обследовать Нигер и собрать о нем много довольно точных сведений. Однако эта проблема к тому времени, по-видимому, перестала волновать путешественника. Так или иначе, выяснив из расспросов местных жителей (кстати, весьма осведомленных и располагавших точными данными об устье Нигера), что река впадает в Гвинейский залив к востоку от Бенина, Клаппертон проявил явное нежелание отправляться вниз по ее течению. Он с предубеждением относился к «идее спуститься к устью Нигера» и не делал из этого секрета. Неоднократно он говорил Лэндеру, что, по его мнению, все, кто попытается проплыть в дельту реки, падут жертвой местных жителей, обитающих на ее берегах, и, таким образом, никогда не достигнут побережья.

В конце концов отказавшись от мысли исследовать устье реки, англичане пересекли Нигер у Ками, ниже Бусы, и направились в Нупе.

Это государство возникло в месте впадения реки Кадуны в Нигер еще в XV веке; расцвета оно достигло во второй половине XVIII века, продвинув свои рубежи вниз по Нигеру далеко на юг. Основное занятие жителей, как пишет Клаппертон, составляла торговля. Об-

⁶¹ Одна из книг, оказавшаяся таблицей логарифмов, впоследствии, в 1830 году, была показана братьям Лэндерам; судьба другой так и осталась неизвестной.

⁶² Буса, Вава, Ники и Киама в тот период были объединены в тесную конфедерацию и не входили в состав государства Боргу.

Типы жителей Нижнего Нигера (зарисовки Клаппертона)

стоятельно ведет путешественник рассказ о торговых методах и потоках товаров, представлявших для него самого особый интерес (вспомним данные ему в Лондоне инструкции).

Крупнейший торговый центр Нуле — Кулфи — был расположен на южном берегу Кадуны. Окруженный глиняной стеной, высота которой достигала двадцати футов, он имел форму прямоугольника, вытянутого с востока на запад. Вдоль и поперек город пересекали длинные неровные улицы со множеством запутанных переулков.

В Кулфи две большие рыночные площади. Торговля производится на них ежедневно. Особенно оживленной она бывает по субботам и воскресеньям. Торговые караваны идут сюда, как отмечает Клаппертон, из всех соседних стран — Ойо, Яури, Боргу, Сокото, Замфары, Борну и Бенина. В качестве тягловых животных служат ослы и волы. В районах Южного Нигера верблюдов нельзя использовать из-за слишком влажного климата и распространения мухи цеце.

Торговля ведется путем прямого обмена или на раковины каури, служащие своеобразным денежным эквивалентом. Такой торговлей занимаются в основном женщины, которые во всех западных областях по Нигеру вплоть до Ники составляют девять десятых всего числа розничных торговцев. Женщины переносят свои товары на голове, упакованными в тюки по 60—80 фунтов каждый.

Из Ойо и Боргу поступают орехи кола (вывозимые из Ашанти), шерстяная одежда и хлопчатобумажные ткани, мушкеты и небольшое количество золотого песка⁶³. С юга идут перец различных сортов и красное дерево, измельченное в порошок, который употребляют местные красавицы как косметическое средство. Караваны из Борну и Кано привозят лошадей, шелк-сырец, соду, бусы и зеркала итальянского производства (доставляемые через Триполи и Гадамес), мечи с Мальты, вымененные на волов в Бенгази. Из Кебби, Яури, Замфары поступает в основном соль, а также рабы. Как отмечают путешественники, рабы все еще основной «то-

⁶³ До середины XVII века золото имело важное значение в вывозе из стран Западного Судана. Благодаря ему Гана, Томбукту, Гао завоевали известность не только в Африке, но и в Европе. Однако в XIX веке его экспорт резко сократился.

вар» на торговых путях из Фецдана в Борну и из Бенгази в Вадаи. «Мне самому довелось видеть доставленных рабов — стариков, взрослых и малолетних детей, чьи матери сбежали, умерли или были умерщвлены», — записывает Клаппертон в Кулфи. Все рабы — в шейных кандалах, скованы попарно, содержатся в закрытых помещениях, так что «чужестранец может их заметить разве только случайно».

Скупое сообщает путешественник кое-какие исторические сведения, которые ему довелось узнать о Нупе. Данные касаются в основном военных событий. При этом Клаппертон выказывает удивление по поводу того, что местные жители всегда в хорошем расположении духа. Как они могут сохранить его в такое сложное для них время, — остается для англичанина загадкой. Вот уже два десятилетия как на страну совершают опустошительные набеги фульбе. В течение шести последних лет столица государства дважды выжигалась врагами. Более семи лет шли междоусобные войны, во время которых многие районы были совершенно разорены⁶⁴.

В Кулфи Клаппертону довелось наблюдать, как жители помогали друг другу в эту лихую для них годину. «Я был свидетелем нескольких примеров истинной доброты и взаимопомощи, — пишет Клаппертон. — Когда город Бали был сожжен дотла, на следующий же день каждый человек послал то, что он мог выделить из своих вещей, в помощь пострадавшему населению». Давая довольно разностороннюю характеристику местных жителей, Клаппертон подчеркивает свойственную им особую торговую хватку. «Во время сделок они всегда пытались, и не без успеха, обвести меня вокруг пальца, считая, очевидно, очень богатым человеком». В то же время в течение всего пребывания в Нупе, как подчеркивает капитан, «у меня не пропала ни одна вещь, ко мне относились с необыкновенным уважением и любезностью, а расточать комплименты местные жители великие мастера».

10 июля Клаппертон и Лэндер вступили через западные ворота в Зарию. Фульбский «губернатор» города

⁶⁴ Спор возник о порядке престолонаследия. В результате страна оказалась расколотой на две части — западные районы поддерживали старшего сына умершего правителя, восточные — сына сестры правителя. Борьба между ними продолжалась в течение всего второго десятилетия XIX века.

Абдулкрум довольно гостеприимно встретил путешественников. Более двух десятилетий тому назад, около 1800 года, Зария была захвачена фульбе. Представители правящей тогда в Зарии хаусанской династии бежали в Абуджу, в гористые районы на юге страны, откуда они все еще строили планы отвоевания Зарии у фульбе⁶⁵. В прошлом году, как рассказывали Клаппертону, фульбе попытались захватить Абуджу, однако потерпели серьезное поражение и стали более осторожными.

Город, полностью разрушенный во время джихада, теперь восстанавливается, отмечает Клаппертон. Выстроены небольшие глинобитные дома, которые стоят отдельными группами и окружены глинобитными стенами. В центре города — мечеть с минаретом, высота которого достигает пятидесяти футов. На южной окраине Зарии расположен главный рынок, который также защищен высокой стеной, — за ней караваны разбивают свои биваки.

Большинство жителей Зарии — фульбе: выходцы из Фута-Торо и Фута-Бонда. Все мужчины вооружены кремневыми ружьями европейского производства. «Они предпочитают, — как подчеркивает капитан, — французские ружья и английский порох».

Спустя десять дней, 20 июля, Клаппертон и Лэндер прибыли в Кано. Город был встревожен войной против Борну. Еще в Зарии до путешественников доходили известия о том, что шейх ал-Канеми начал военные действия против «империи» Сокото и что он уже отвоевал у султана Хадейджу. Выступление Борну поддержали некоторые хаусанские города — Кацина, Даура, Замфара и другие. Как раз накануне прибытия Клаппертон в Кано силы шейха нанесли жестокое поражение отрядам фульбе в Катагуме и Баучи. А вскоре после отъезда путешественника армия канури атаковала и осадила Кано. Война нарушила торговлю; пути были закрыты. Прежде всего это лишило Клаппертон возможности отправить, как он намеревался, дневник и письма в Триполи с торговым караваном. В дальнейшем военные события имели для английских путешественников еще более серьезные последствия.

Наступал дождливый сезон. Надо было спешить.

⁶⁵ Об одной из попыток свергнуть фульбского эмира, предпринятой из Абуджи в 1830 году, сообщали Лэндеры (см. главу о путешествии братьев Лэндеров).

И Клаппертон, оставив в Кано заболевшего дизентерией Лэндера, отправился в Сокото. Уже в пути он повстречал большой отряд во главе с «везирем» — гададо, которого султан послал для охраны путешественника. Этот военный эскорт и доставил Клаппертон в середине октября к Кунии, столице Гобира, около которой стоял военным лагерем Белло. «Повелитель правверных» был занят подавлением недовольства в этом эмирате, стремясь обеспечить себе спокойный тыл в борьбе против Борну и других восточных и южных городов хауса, которые «вознамерились» сбросить владычество фульбе.

На этот раз дружелюбное отношение Белло к английскому путешественнику изменилось. Война с Борну, несомненно, была тому причиной⁶⁶. Во многом ухудшению отношений способствовало поведение самого Клаппертон.

К несчастью, просматривая подарки, которые путешественник вез ал-Канеми, султан обнаружил среди других вещей ружья и пистолеты. Белло приказал немедленно конфисковать это оружие. Приказ вызвал резкий отпор и возражения со стороны Клаппертон, который, потеряв самообладание, несколько раз обозвал Белло и его сподвижников в присутствии чиновников (присланных за оружием) «нацией негодяев и грабителей». Белло, которому передали слова капитана, пригрозил пожаловаться на недостойное поведение путешественника королю Георгу IV. При этом он заметил, что многие его предупреждали — с англичанином надо быть поосторожнее, ибо он может оказаться шпионом шейха Борну.

При дворе Сокото к тому времени сформировалась довольно могущественная группировка, которая стремилась во что бы то ни стало помешать проникновению англичан в глубинные районы Нижнего Нигера. Это были торговцы из Магриба, которые вовсе не жаждали укрепления торговых связей между Англией и Сокото. Белло отлично понимал, как он говорил как-то Лэндеру, «эгоистичные цели, которые преследовали сами арабские купцы, выдумывающие различные небылицы».

⁶⁶ Алиу, сменивший Белло на престоле в Сокото, подтвердил впоследствии немецкому путешественнику Барту, что именно состояние войны между Белло и шейхом ал-Канеми, правителем Борну, нарушило дружеское отношение султана к Клаппертону.

Но и у султана возрастали опасения, вызываемые повышенной активностью европейцев на Востоке и в Африке. Завоевание Бонапартом Египта произвело сильное впечатление на африканских правителей, так же как и покорение Великобританией Индии. Вполне разумно было предположить, что миссия Клаппертона, привезшего такие «щедрые дары», состоит в том, чтобы установить господство Англии и на Нижнем Нигере.

17 января в Сокото прибыли арабские купцы из Томбукту, один из которых видел майора Лэнга; тот, как и Клаппертон, продвигался через пустыню к Нигеру. Кстати, араб рассказал, что майор потерял руку в сражении против туарегов, напавших на караван, и что двое слуг путешественника серьезно ранены.

Сообщение о другом английском путешественнике, устремившемся к Нигеру (как мы знаем, британское правительство рассчитывало, что обе экспедиции встретятся при дворе султана Сокото), еще сильнее насторожило Белло. Если англичан встречать слишком радушно, они будут проникать в Судан один за другим, до тех пор пока не станут так сильны, что смогут захватить страну и низложить его самого, — вот о чем думал теперь правитель. Как он подчеркнул при встрече с Клаппертоном, именно таким образом Великобритания в свое время завладела Индией.

Действительно, в министерстве колоний Англии строились, как известно, далеко идущие планы. По замыслам лорда Батерста, имея вице-консула в Борну, консула и врача в Сокото, агента в Томбукту, связь между которыми легко установить по Нигеру, возможно наладить не только широкую торговлю в Западном Судане, но и «решительным образом изменить историю этих стран». Однако этим надеждам пока не суждено было сбыться. Несмотря на непрестанные усилия британского правительства, ни в Борну, ни в Сокото вплоть до середины XIX века не удавалось посадить английского агента. Причиной неудач «британского интенсивного внедрения» в глубинные районы Западной Африки была, несомненно, дальновидная политика правителей африканских государств.

Что касается Сокото, то, как выяснилось, и в прошлый раз султан, по-видимому, умышленно ввел Клаппертон в заблуждение относительно местоположения Фунды и Раки, которые оказались более чем в ста пятиде-

сяти милях от побережья. Не что иное, как опасения по поводу экспансионистских замыслов Англии, заставили Белло уклониться от разговора об установлении договорных отношений между ним и королем Георгом IV; отказался султан на сей раз и от британского консула, и даже от врача, прислать которого сам просил Клаппертон в 1825 году. Правитель Сокото не дал разрешения английскому путешественнику и на продолжение пути в восточные районы. Он не только приказал отобрать у него все «подарки», предназначенные для ал-Канеми, но намеревался проделать то же самое и с личным оружием Клаппертон. Отрицательный ответ получил капитан также и на просьбу посетить южные районы Нижнего Нигера, дабы удостовериться, что Нигер впадает в Бенинский залив. При этом султан сослался на то, что шейх Борну находится в Сангиа, в одном дне пути от дороги на юг, по которой намеревался следовать Клаппертон.

В 20-х числах января отряды шейха действительно вторглись в провинцию Шена и забрали в плен много фульбе. Затем воины Борну двинулись к Души, пограничному городу между «империей» Сокото и Борну. В намерения шейха ал-Канеми входило отрезать войско султана, дислоцировавшееся в тех районах, от столицы. Однако, как стало известно, 14 февраля отряды шейха были разбиты и с большими потерями отступили. Войско Белло, в которое входили отряды эмиров Кано и Зарии, преследовало отступавших. У ал-Канеми было захвачено большое количество военного снаряжения, лошадей и верблюдов.

Клаппертон понимал, что «война с Борну опрокинула все его планы и намерения». В этой обстановке путешественники по сути дела оказались на положении узников Белло. Капитан тяжело переживал свои неудачи при попытках восстановить дружеские контакты с султаном. Его здоровье, подорванное изнурительными тропическими болезнями и трудностями пути, все более ухудшалось. Последняя запись в дневнике сделана путешественником 12 марта 1827 года. Клаппертон рассказывает об очередной попытке добиться разрешения Белло на продолжение путешествия на восток, к бассейну Шари и Адамауа, или через Зарию, в южном направлении. На этот раз капитан вообще не был удостоен ответа. Эта неудача окончательно сломила Клап-

пертона. Лихорадка его усилилась; в конце марта он заболел еще и дизентерией. Ослабленный организм не выдержал, и Хью скончался. Лэндер похоронил его 13 апреля 1827 года в Чангари, в пяти милях к востоку от Сокото.

Так погиб в расцвете сил тридцатидевятилетний прославленный английский путешественник, смелый и вдохновенный исследователь, которого любили и уважали все, кто работал, странствовал и служил вместе с ним.

Его верный товарищ Ричард Лэндер остался теперь в делях Западного Судана с одним лишь проводником Пэскоу. Он хотел было отправиться в Фунду, в надежде достичь Нигера (султан отпустил его сразу же после смерти Клаппертона, очевидно, не придавая особенного значения «личному слуге» путешественника), однако ему не позволил это сделать правитель Зарии. Приходилось отправляться обратно той же дорогой, по которой в прошлом году они с Клаппертоном пробирались в Сокото.

Достоин удивления, как удалось Лэндеру, без денег и «подарков», так необходимых в африканских странах, спустя девять месяцев, в ноябре 1827 года, благополучно добраться до побережья. Ричард даже доставил в Бадагри в целостности и сохранности большой чемодан с имуществом и дневниками Клаппертона. В порту было полно португальских работорговцев, задумавших погубить англичанина. Вполне естественно, что те, кто еще занимался работорговлей, не имели оснований радушно встречать представителя страны, военные корабли которой крейсировали у побережья с целью, как полагали работорговцы, пресечения контрабандного вывоза невольников. У местных торговцев были свои причины быть недовольными прибытием Лэндера. Как уже отмечалось, они занимались посредническими операциями, и большая часть торговли Ойо с европейцами проходила через их руки. Если англичанам удастся установить прямые контакты со странами внутренних областей Нижнего Нигера, то торговля с йоруба перейдет непосредственно к ним и экономика Бадагри и соседних городов окажется полностью подорванной.

Против Лэндера был составлен заговор. Его обвинили в интригах, направленных на свержение правителя. Адули потребовал, чтобы англичанин снял с себя обви-

нение, пройдя через «испытание ядом». Сообразительный Лэндер, перед тем как принять ядовитое вещество, выпил сильное рвотное средство и тем избежал отравления.

Спустя несколько недель, 20 января 1828 года, Ричард отплыл в Англию, вместе с ним отправился и переводчик Пэскоу; в апреле они были уже в Портсмуте.

Записки Клаппертона и Лэндера о пребывании на Нижнем Нигере чрезвычайно занимательны и, что особенно важно, написаны объективными наблюдателями. «Все жители Англии могут читать и писать, они также достаточно знакомы со многими государствами земного шара; и лишь об этой стране (то есть о странах бассейна Нижнего Нигера) они совершенно ничего не знают и ошибочно считают, что ее населяют голые дикари, которые не признают никакой религии и находятся в состоянии, близком к диким животным. В то же время я сам, на собственном опыте убедился, что они цивилизованные, знающие, гуманные и благочестивые люди»,— писал Клаппертон. Это стремление видеть вещи такими, каковы они есть, безо всяких предубеждений и предрассудков, характерно для путевых записок Клаппертона и Лэндера, которые вскоре по возвращении Ричарда были опубликованы. Написанные чистосердечными и правдивыми свидетелями жизни тогдашней Африки, эти книги нашли широкую читательскую аудиторию как в Европе, так и несколько позднее в самой Африке.

Что можно сказать о научной значимости дневника Клаппертона, в котором наиболее полно отражен весь проделанный экспедицией путь? Как известно, капитан не получил систематического образования, не знал, как следует вести научные наблюдения и делать записи. Дневник к тому же заполнялся небрежно: имена африканцев и географические названия часто оказываются искаженными. Тем не менее весьма важно, что путешественник с завидной скрупулезностью записывал все, что видел, и отражал все беседы и разговоры, которые вел. Таким образом, читателю не навязываются те или иные мнения, а оставляется возможность самому составить представление о действительном положении дел.

Большой вклад внес Клаппертон в географию исследуемых районов, точно отмечая широту и долготу пунктов на своем пути от побережья Бенинского залива

до «империи» Сокото. Карта всего этого района была составлена по таблице широт и долгот, приложенной к дневнику Клаппертона, а также по заметкам Р. Лэндера, который уже в этом путешествии показал себя весьма знающим и пунктуальным человеком.

Важными для науки оказались также документы на арабском языке, добытые Клаппертоном. Это географические описания Кворры, Нила и других рек и озер на территории от Борну до Египта, подробные данные о торговых путях от Сокото до Томбукту и на территории всех сопредельных с «империей» фульбе на Нижнем Нигере стран, а также этнографические характеристики народов Сокото, Мали, Боргу, Нупе и других.

Особый интерес, несомненно, вызывали две проблемы, ради решения которых было предпринято путешествие и ответа на которые прежде всего искали в дневниках. Одна из них состояла в отыскании бумаг Парка. Клаппертон с предельной точностью установил обстоятельства, связанные с гибелью путешественника, и подтвердил безвозвратную потерю всех его записей.

Что касается второй проблемы, то Клаппертон прежде всего окончательно доказал полную идентичность Нигера и Кворры (под этим названием река известна повсюду в Судане, к востоку от Томбукту). Однако сведения о ее нижнем течении, несмотря на то что экспедиция дважды пересекала Нигер, оставались противоречивыми и не проверенными до конца. Этот вопрос требовал разрешения. Значительный отрезок нижнего течения реки еще предстояло исследовать. Река несла там свои воды по местности, пересекаемой грядами гранитных холмов. Между верховьями Бенина (которые считались тогда истоком Нигера) и самым южным пунктом, установленным Клаппертоном на Нигере и нанесенным на карту, было расстояние более семидесяти миль, причем по совершенно неизведанной стране с горным ландшафтом.

Два года спустя «личному слуге» Клаппертона — Лэндеру суждено было вновь вернуться на Нигер и успешно решить эту последнюю загадку великой западноафриканской реки.

КАЙЕ (1827 — 1828)

Когда британские газеты всячески поносили Рене Кайе, обвиняя его в обмане, фальсификации, присвоении чужих успехов и тому подобных малопочтенных деяниях, их вдохновляло не только оскорбленное патриотическое чувство. И даже не досада болельщиков проигравшей «команды». Не меньшую роль играло и то, что совершенное Кайе казалось настолько невероятным, что поверить в реальность его путешествия было почти невозможно. Все люди, которые пытались в начале прошлого века разрешить загадку Нигера, в той или иной степени вызывали чувство удивления, но Кайе смело можно назвать самым необыкновенным среди них.

Начать с того, что с первой своей попытки проникнуть в глубинные области Африки и до кратковременного триумфа в 1828 году он действовал в одиночку. Если британских исследователей финансировали и поддерживали либо Африканское общество, либо правительство (хотя эта поддержка часто бывала недостаточной), то Кайе не получил от французских властей ни единого сантима. Все свои путешествия он предпринимал за собственный счет. А средства, которыми он располагал, были настолько мизерными, что не сразу можно понять, как этот человек добился успеха там, где терпели неудачи куда лучше подготовленные экспедиции.

Не вызвала симпатий у британских журналистов и сама личность Кайе. В самом деле, как можно было поверить, что это немыслимое путешествие через всю Западную Африку совершил крестьянский сын, не получивший фактически никакого образования? И это в то время, когда британские подданные, обучавшиеся в лучших университетах страны, или питомец Гёттингенского университета Хорнеман безуспешно пытались проделать то же самое! Было от чего прийти в недоумение...

Тем не менее путешествие Кайе было реальностью (хотя в Англии это окончательно признали только четверть века спустя, после путешествия немецкого ученого Генриха Барта, ставшего третьим европейцем, добравшимся до Томбукту в XIX веке). А успех Кайе был подготовлен годами совершенно неправдоподобных на первый взгляд усилий, редкой самоотверженностью и

Рене Каїе

целестремленностью. Вот что он сам писал о том, как возникло у него желание посвятить свою жизнь исследованию Африки: «Я родился в деревне Мозе департамента Де-Севр, в бедной семье, и имел несчастье потерять родителей еще в детстве. Я не получил никакого образования, кроме того, которое могла мне дать бесплатная школа в моей деревне. Как только я научился читать и писать, меня определили к ремеслу, которое я скоро возненавидел. Чтение книг о путешествиях занимало весь мой досуг. Мне давали читать книги по географии и смотреть географические карты. Карта Африки, на которой я видел только пустынные страны или же области, помеченные как неизвестные, более всего

возбуждала мой интерес. И наконец, эта склонность стала страстью, ради которой я отказался от всего».

Здесь все правда, хотя надо сказать, что Кайе еще очень сдержан. Он не пишет, например, о том, что попытка украсть шесть франков, чтобы накормить голодающую семью, стоила его отцу двенадцати лет каторги, где он и умер, не успев отбыть свой срок. Или о том, что мать, потеряв троих детей из шести и надорвавшись в безнадежной борьбе с нуждой, умерла, когда Рене едва исполнилось двенадцать лет. Да, впрочем, не такой уж редкостью были подобные семьи в глухих департаментах на западе французской империи в начале прошлого века. Пожалуй, молодой Кайе, его брат и сестра могли еще радоваться тому, что имели работу и собственный дом.

Из этого дома и отправился 27 апреля 1816 года шестнадцатилетний подмастерье шорника Рене Кайе в прот Ла-Рошель. Путешествовать пришлось пешком: после покупки новых башмаков у нашего героя оставалось всего шестьдесят франков. Придя в Ла-Рошель, Кайе нанялся слугой к одному из офицеров военного транспорта, направлявшегося в Западную Африку. В Париже наконец был заключен мирный договор, завершавший эпоху наполеоновских войн, и по этому договору правительство Людовика XVIII готовилось вновь вступить во владение французскими колониями на Сенегале. Правда, англичане не слишком торопились возвращать колонии, и Кайе пришлось вместе со всем экипажем транспорта провести несколько месяцев в новом французском поселении на Зеленом мысе — Дакаре. Только в ноябре 1816 года он наконец попал в столицу Сенегала, Сен-Луи, где ему еще предстояло пережить немало трудных дней.

Но в первый свой приезд Рене ненадолго задержался здесь. Как раз за несколько месяцев до этого отправилась в глубь материка экспедиция Педди с заданием достичь Нигера. К началу 1817 года уже было известно, что она понесла тяжелые потери, не успев далеко отойти от побережья. Теперь майор Грей, сменивший умершего начальника экспедиции, направился из Гамбии с большой вспомогательной партией на выручку к своим соотечественникам. И юный Кайе устремился (опять же пешком — не было попутного судна) вдогонку за Греем. Дойти он успел только до Дакара. Тут

стало ясно, что пытаться догнать англичан — безнадежное дело. Денег не оставалось, и Кайе пришлось согласиться на предложение поступить слугой на французское торговое судно, уходившее в Вест-Индию. Здесь, на Гваделупе, он провел полгода, но желание проникнуть во внутренние области Африканского материка не ослабевало. Тем более что именно в это время в руки Рене попали дневники Парка, только что переведенные на французский язык. Теперь Кайе твердо знал цель своей жизни: достигнуть легендарного города Томбукту.

Впрочем, пока что до Томбукту было еще далеко. Молодой человек не отличался крепким здоровьем, а трудности, испытанные в Африке, и непривычный тропический климат заставили его возвратиться на родину. Но уже в конце 1818 года он снова был в Сен-Луи, и намерения его остались прежними: найти таинственный Томбукту.

Когда Кайе отправлялся в Африку в 1818 году, у него не было даже тех шестидесяти франков, с которыми он начинал свое первое путешествие. И спасла его только поддержка земляков. Жители Мозе собрали триста франков и вручили парню, который был не совсем для них понятен, но все же чем-то вызывал доверие. Эти триста франков Кайе с глубокой благодарностью вспоминал всю жизнь.

В Сен-Луи Кайе неожиданно повезло. Очередная попытка Грея продвинуться к Нигеру завершилась в Болибане, столице фульбского государства Бонду. Альмами Амади Исата не только отказался пропустить экспедицию через свои владения, но и совершенно недвусмысленно дал понять, что майору придется прогостить в Болибане неопределенное время, если только он, альмами, не получит достаточно крупного подарка. Грею ничего не оставалось, как отправить своего помощника в Сен-Луи за товарами для выкупа.

Когда Кайе предстал перед руководителем вспомогательной партии, его просьба о разрешении присоединиться к экспедиции не вызвала восторга. В конце концов после долгих уговоров странному молодому человеку разрешили отправиться в Болибане вместе с караваном, но предупредили, чтобы он не рассчитывал ни на какое вознаграждение. 5 февраля 1819 года Кайе вышел в свою первую экспедицию во внутреннюю Африку — он шел пешком (верхового животного ему не да-

ли) и старался не отстать от всадников. Это испытание он выдержал успешно, но и только. Правда, получив «подарки», Амади Исата отпустил Грея и его товарищей. Однако на восток он их снова не пропустил, и все попытки найти обходный маршрут не дали результатов. Фульбе не собирались способствовать европейскому проникновению в долину Нигера.

Участие в экспедиции Грея, где молодой француз быстро заслужил уважение англичан своей выносливостью и силой воли, научило Рене многому. И в частности, тому, что многочисленная экспедиция, наверное, имеет меньше шансов на успех, чем одинокий путник, снабженный таким количеством товаров, которое позволило бы ему оплачивать свое продвижение по стране, но не возбуждало бы у жителей соблазна его ограбить. А еще лучше, если этот путешественник двинется в глубь континента под видом мусульманина, тогда ему нечего будет бояться враждебного отношения африканцев к христианам-европейцам. Кайе, так сказать, эмпирическим путем пришел к той же точке зрения, что и Хорнеман на два с лишним десятилетия раньше него.

Идея была, безусловно, разумной и плодотворной. Но для ее осуществления требовались деньги. Не слишком большие деньги, но Кайе после возвращения не имел даже десяти франков. Ему пришлось несколько недель проработать поваром в Сен-Луи, чтобы накопить хоть что-нибудь для отъезда во Францию: здоровье после всех экспедиционных трудностей и лишений нуждалось в поправке. Достижение Томбукту опять откладывалось на неопределенное время.

Четыре года Рене был вынужден работать в вино-торговой фирме в Бордо. Несколько раз он плывал в Вест-Индию, на Антильские острова. И все эти годы старался накопить хотя бы небольшую сумму, чтобы опять вернуться к исследованию Африки. Сила убежденности, исходившая от этого человека, была так велика, что даже его хозяин-виноторговец согласился в конце концов оплатить проезд своего служащего до Сенегала. И вот к исходу лета 1824 года Кайе снова оказался в Сен-Луи.

Это был уже не семнадцатилетний юнец, который семь лет назад готов был бежать вдогонку за экспедицией Грея. Прошедшие годы научили Рене многому.

Теперь он четко знал, что попытка пройти в глубинные области Африки требует самой тщательной подготовки. На первом этапе он наметил совершить трудную и очень небезопасную «экскурсию» к арабам-бракна, кочевавшим к северу от Сен-Луи, на территории современной Мавритании. Ведь для того чтобы выдавать себя за мусульманина, нужно было познакомиться как следует и с арабским языком, и с исламом. Позднее он писал об этом периоде своей жизни: «Томбукту уже стал предметом моих непрерывных усилий; я принял решение — достигнуть его или погибнуть».

Кайе обратился за поддержкой к барону Роже, губернатору колонии Сенегал. Господин губернатор, конечно, не поверил в возможность добраться до Томбукту в одиночку и обеспечить Кайе финансовую помощь казны отказался. Но идея «стажировки» в лагере бракна ему понравилась настолько, что Роже согласился рискнуть и выдать просителю некоторое количество товаров: ведь идти к кочевникам с пустыми руками было смерти подобно.

3 августа 1824 года Кайе вышел из Сен-Луи и направился на северо-восток, к кочевьям бракна. Для объяснения своего появления у арабов ему пришлось придумать небольшую легенду. На родине он-де прочел перевод Корана, поразился мудрости, которую увидел в священной книге, и решил принять ислам. Ему удалось уговорить своего отца отпустить его в Сенегал для управления отцовскими торговыми делами; после смерти родителя, о которой он узнал совсем недавно и которая сделала его независимым человеком, он решил осуществить свое заветное желание и обратиться в истинную веру. А у кого же еще искать ее, если не у бракна, прославленных своим благочестием? К этой легенде делалось маленькое, но крайне существенное добавление: свое наследство он превратил в товары, которые остались в Сен-Луи. Путешественник понимал, что подвергает себя огромной опасности: фанатизм бракна, их ненависть к христианам были хорошо известны в Сенегале. И если бы легенде не поверили, то Кайе никогда бы снова не увидел Сен-Луи...

По счастью, все обошлось благополучно. Правда, верховный марабут⁶⁷ Мухаммед Сиди Мухтар, заслу-

⁶⁷ Марабут (араб.) — мусульманский священнослужитель в Западной Африке.

шав историю об обращении к чистому источнику веры, подвергнул пришельца четырехчасовому перекрестному допросу, но Кайе его выдержал. И получил разрешение остаться в лагере для занятий арабским языком и мусульманской теологией под именем Абдаллаха, то есть «раба божия».

Кайе пришлось провести с арабами гораздо больше времени, чем поначалу предполагалось. Когда в январе 1825 года он попытался было отправиться в Сен-Луи «за своими товарами», то встретил такую враждебную подозрительность со стороны хозяев, что счел за лучшее не настаивать. Постепенно кочевники к нему привыкли, хотя жизнь новообращенного Абдаллаха и после этого не стала ни легкой, ни простой. Его постоянно мучил голод: бракна не слишком заботились о прокормлении чужака. Он занимал в племени какое-то промежуточное положение между самими арабами и их чернокожими рабами: с одной стороны, он был мусульманин и белый, но с другой — кочевник признает равней себе только члена своего племени, а Абдаллах в него не входил. Недоверчивое отношение к себе он так и не преодолел до конца и должен был проявлять исключительную осмотрительность и осторожность во всех своих действиях: ведь за ним постоянно следили десятки глаз.

Только 16 мая 1825 года Кайе сумел все же возвратиться в Сен-Луи. Но долго радоваться возвращению не пришлось. Барона Роже не было в городе, и в его отсутствие путешественнику смогли предложить только содержание на солдатском рационе в течение двух недель и работу мелкого служащего с годовым окладом шестьсот франков. Кайе обычно неохотно дает оценку тому, как относились к нему французские чиновники. Так и по поводу своего возвращения в Сен-Луи он лишь мимоходом замечает: «Тяготы и лишения, какие я только что испытал, может быть, позволяли мне надеяться на нечто большее». Все усилия он обратил на то, чтобы уговорить начальство предоставить ему шесть тысяч франков: на эти деньги можно было закупить товары, которые позволили бы ему все же достигнуть Томбукту. Вместо этой суммы ему предложили ровно одну пятую от нее — тысячу двести франков. Но Кайе имел достаточный опыт для того, чтобы от этой подачи отказаться: ее не хватило бы и на самое необходимое. Приходилось

ждать возвращения Роже, а пока что зарабатывать себе на жизнь ловлей птиц на продажу в сотне километров от Сен-Луи.

Приезд губернатора не оправдал тех ожиданий, которые на него возлагал Кайе. Вместо поддержки он получил категорический отказ. Вот что рассказывает об этом сам Кайе: «Господин Роже отверг мой проект и отказал мне во всякой материальной помощи. Для любого другого это было бы ударом грома. Но моя решимость с каждым днем укреплялась все более. Я имел смелость повторить натиск. И вот тогда-то мне милостиво пообещали некоторую сумму по возвращении моем из Томбукту... По возвращении из Томбукту! А если бы я умер в дороге? Эта мысль, ужасная для человека, который в случае такого несчастья оставил бы без поддержки, без средств, горячо любимую сестру, определила мой ответ. Я отказываюсь от всякой договоренности, но даже если мне суждено умереть, я по меньшей мере смогу оставить подруге своего детства достояние, которое никто бы не осмелился оспорить: заслугу в том, что я все делал один!»

Такими гордыми, но невеселыми словами подытожил Кайе свои попытки заинтересовать французское правительство в достижении Томбукту. Делать в Сен-Луи было больше нечего, и приходилось решать, как быть дальше. Собственно, выбор у Кайе был невелик. Сколько-нибудь серьезными возможностями для исследований в Западной Африке располагали в те времена только две европейские державы — Франция и Англия. Поскольку Франция в лице сенегальских властей наотрез отказалась поддержать замысел Кайе, оставалась единственная возможность: заинтересовать в нем англичан, тем более что путешественник хорошо знал, сколько усилий и денег израсходовало британское правительство на поиски Нигера и стоящих на великой реке городов. И в конце 1825 года Кайе прибыл во Фритаун — главный город британской колонии Сьерра-Леоне.

Губернатор британских владений в Западной Африке генерал Тёрнер принял Кайе очень тепло. Имя путешественника было уже известно генералу; до него дошли сообщения о блестящем поведении этого француза во время злосчастной экспедиции Грея. Англичане умеют ценить такие вещи, и Тёрнер отнесся к Кайе с явной

симпатией. Но помочь организовать экспедицию в Томбукту отказался не менее категорично, чем барон Роже. Надо, однако, сказать, что для этого у губернатора была достаточно важная причина.

Тёрнер знал, что из Триполи только что отправилась на юг «миссия в Томбукту». Генералу случалось в свое время не слишком лестно отзываться о ее руководителе майоре Лэнге: когда тот в обход прямого начальства добивался для себя очередного чина, генерал оценил его поведение как «немужское и неджентльменское». Но теперь это было дело прошлое: раз в Лондоне поручили Лэнгу важнейшую географическую миссию, губернатор считал своим долгом сделать все, что в его силах, чтобы способствовать успеху этого предприятия. В том числе и не допускать возможности того, чтобы у Лэнга вдруг появились соперники, которые могли бы оказаться в Томбукту раньше него. А в том, что Кайе, если помочь ему организовать экспедицию, будет для Лэнга очень опасным соперником, генерал Чарлз Тёрнер не сомневался. Не исключено, что именно такими соображениями он руководствовался, когда предложил Кайе место управляющего на плантации индиго с годовым окладом сто пятьдесят фунтов. Такое предложение было бы лестным для любого европейца в колонии, а для Кайе полтора-два фунта вообще были сказочной суммой. И он согласился, но только с тем, чтобы скопить какую-то наличность, которая бы позволила предпринять путешествие в Томбукту за собственный счет. Теперь он ясно видел, что рассчитывать может лишь на собственные силы.

После года службы на плантации Кайе сумел скопить примерно две тысячи франков. Сумма была просто мизерная — даже первоначальная смета экспедиции Лэнга, оказавшаяся совершенно недостаточной, была в шестнадцать раз больше. Но для Кайе это было колоссальное богатство. «С такими деньгами,— радостно писал он,— можно идти на край света!» Пришло время отправляться в Томбукту, оставалось только выбрать маршрут и найти попутчиков.

Первоначально он собирался отправиться из Фритауна, но скоро отказался от этого намерения. Здесь, в Сьерра-Леоне, француза, который горел желанием добраться до Томбукту, знали слишком многие, в том числе и африканские купцы из прилегающих к колонии

областей. Кайе было хорошо известно, с какой скоростью распространяются слухи вдоль торговых троп внутренней Африки. И он не питал никаких иллюзий относительно того, что удастся долго оставаться неузнанным: ведь он собирался путешествовать в обличье мусульманина, и в случае разоблачения смерть была бы неизбежной. Поэтому Кайе стал искать другой пункт отправления. Весной 1827 года он перебрался в селение Каконди, в устье реки Рио-Нуньес, в современной Гвинейской Республике.

Легенда на сей раз была другая — более трогательная и, пожалуй, более правдоподобная. Абдаллах, гласила она, египтянин по рождению. Во время египетской экспедиции Наполеона его ребенком захватили французы и как невольника увезли в Европу. Там ему, правда, пришлось принять христианство, но зато хозяин оценил ум и способности юноши и отправил его своим приказчиком в Сенегал. Здесь Абдаллах так честно и хорошо исполнял свои обязанности, что хозяин в награду дал ему свободу. И вот теперь Абдаллах наконец-то смог возвратиться в лоно мусульманской религии; он хочет совершить путешествие на родину, в Египет, дабы соединиться со своим семейством, которое не видел с детства, а затем отправиться в Мекку, чтобы возблагодарить Аллаха за свое избавление. Конечно, в легенде были и уязвимые места — главным образом «хромала» хронология. Но, во-первых, Кайе не без основания рассчитывал, что африканцы в глубине материка имеют довольно смутное представление о времени; во-вторых, он смело мог положиться на свое знание арабского языка и Корана — недаром Абдаллах восемь месяцев был самым старательным учеником марабута Мухаммеда Сиди Мухтара. И действительно, знания, приобретенные за время пребывания на кочевьях бракна, не раз выручали путешественника из, казалось бы, совершенно безнадежных положений.

Кайе позаботился о том, чтобы «по секрету» сообщить свою историю некоторым купцам-африканцам. Понятно, что она довольно быстро сделалась общим достоянием и, как и предполагал Рене, не вызвала подозрений, во всяком случае у большинства. К тому же Кайе к этому времени уже успел истратить на различные говары тысячу семьсот франков из своих двух тысяч, и ясно было, что путешествовать с купеческим ка-

раваном он собирается не бесплатно. Поэтому попутчики нашлись довольно быстро. 19 апреля 1827 года, когда из Каконди отправился торговый караван нескольких купцов-дьюла, вместе с ним шел и молодой египтянин Абдаллах, стремившийся в Египет к родителям, с которыми его разлучили много лет назад. Так началось это удивительное путешествие.

Маршрут, которым двигался теперь Кайе, был обычным. Он пролегал как раз между двумя главными направлениями, по которым обычно пытались пройти в глубинные области европейские экспедиции: из Гамбии и Сенегала или из Сьерра-Леоне (как шел Лэнг в 1822 году). Караван пересекал гористую область Фута-Джаллон, и Кайе стал первым европейцем, который побывал в ее центральных районах.

Легенда о несчастном Абдаллахе имела успех и опережала караван. В общем, фульбе, населявшие Фута-Джаллон, относились к путнику с уважением и даже с почтением. Сказывались и «египетское» происхождение, и подчеркнутое благочестие, которое Кайе демонстрировал. Он не раз отмечает в своих дневниках, как внимательны и заботливы были жители тех деревень, через которые он проходил.

Надо сказать, что именно ведение дневника с самого начала путешествия представляло для Кайе нелегкую проблему. Заниматься этим на глазах у спутников нечего было и думать: с чего бы это вдруг молодому арабу вздумалось делать записи непонятным письмом, да еще таким же, как у этих европейцев? Выручало благочестие мнимого Абдаллаха. Он объявил своим попутчикам (а они охотно доводили это до сведения всех, с кем приходилось встречаться), что ему требуется уединение, дабы в одиночестве предаваться благочестивым размышлениям и молитвам. К этому быстро привыкли, и никого не удивляло, что на каждой стоянке араб удаляется в сторону и долго сидит один над Кораном. Священная книга оказалась вдобавок единственным местом, где Кайе мог хранить свои заметки, хотя и здесь их держать было очень рискованно.

10 мая, после очень трудного трехнедельного перехода, караван вышел к большой реке. Это была Тинкисо, северный приток Нигера. Европейец видел ее впервые. Здесь заканчивалась первая часть маршрута: в селении Камбайя жил Ибраима, начальник каравана, с

которым пришел Кайе. Теперь путешественнику нужно было искать нового проводника.

В Камбае ему пришлось пережить довольно неприятные минуты. К тому, что на каждой стоянке невозможно спастись от любопытных, желающих посмотреть на благочестивого молодого египтянина, и к тому, что часто приходится выступать в качестве лекаря, — ведь арабы владеют многими тайнами врачевания! — Кайе мало-помалу притерпелся. Но на сей раз не всем показался убедительным рассказ о судьбе Абдаллаха. Недоверчивые выдвинули, как им казалось, неопровержимый довод: как это у араба может быть такой длинный и прямой нос? Такие носы бывают только у христиан. Единственным средством преодолеть подозрения оказалось чтение сур Корана. А это Абдаллах как раз умел очень хорошо.

Приближалось начало дождливого сезона, и долго задерживаться в Камбае было нельзя. Но Кайе пришлось пробыть здесь целый месяц, пока не нашелся некий Ламфийя, купец из Канкана — большого торгового города на Нигере. Этот купец взялся проводить путешественника до своего родного города. И вот на следующий день после выхода из Камбайи, 11 июня 1827 года, Кайе увидел перед собой широкую даже в межень ленту Нигера.

Он вышел к реке в районе города Курусы, там, где сейчас ее пересекает железная дорога Конакри — Канкан. Именно здесь проходил старинный путь с побережья во внутренние области, в страну мандинго. Кайе был первым европейцем, который увидел Нигер так близко от его истока: Парк и Дочард выходили к нему около Сегу, на несколько сотен километров ниже по течению. Это само по себе можно было считать крупным успехом в географическом изучении Западной Африки. Но Кайе эта сторона дела интересовала пока что меньше, чем достижение Томбукту, хотя он и восхищался величественным видом реки.

Новый проводник всю использовал уважение, которое испытывали к «египтянину Абдаллаху» африканские мусульмане: ведь частичка этого уважения (и связанных с ним благ) перепала и ему, Ламфийе. Он, так сказать, повысил ранг своего подопечного: в его рассказах Абдаллах фигурировал уже не просто как благочестивый египтянин, а как египетский шериф, то есть

потомок пророка. Пока это действовало безотказно. Впрочем, позднее, когда Кайе пришлось двигаться через страну бамбара, которые не приняли ислам и оставались при своих старинных верованиях, он убедился, что его легенда хороша не всегда и не везде. Как-то на стоянке путешественник, по обыкновению, отошел от лагеря, чтобы сделать записи в дневнике и по компасу проверить направление, в котором двигался караван. И, как обычно, он воткнул в землю посох — измерение длины тени позволяло приближенно определить широту места, — а вокруг написал на всякий случай: «Во имя Аллаха, Всемилостивого, Всемилосердного!» Но бамбарские женщины приняли эти надписи за магические заклинания, и очень скоро перед Кайе предстала толпа возмущенных жителей деревни, обвинявших его в том, что он околдовал их селение, да к тому же еще не понимавших ни слова по-арабски. По счастью, подоспел проводник, и путешественник избежал очень крупных неприятностей: с колдунами бамбара не имели обыкновения церемониться.

Но это случилось потом, уже после Канкана. А пока караван еще только приближался к этому городу. 17 июня, через неделю после того как Кайе переправился через Нигер, он вошел в Канкан. Здесь его приняли со всем почтением, которого заслуживал шериф, но было совершенно неясно, ни когда он двинется дальше, ни в каком направлении. Сам Кайе рассчитывал выйти из города на северо-восток, добраться до Дженне, а там погрузиться на какое-нибудь судно и плыть на нем до цели своего путешествия. Но оказалось, что в стране Буре, к северу от Канкана, идет война, поэтому путешествие по такому маршруту невозможно, надо идти на восток, через Вассулу. Но и туда надо было ждать okazji.

Кайе просидел в Канкане почти месяц. Все было бы ничего, если бы не малоприятное открытие, что проводник Ламфийя, который поселил его у себя, беззастенчиво разворовывает багаж путешественника — ту малость товаров, без которой Кайе нечего было рассчитывать куда бы то ни было добраться. Когда он обратился к правителю города, тот признал его правоту, но при этом оскорбленный Ламфийя чуть было не погубил мнимого шерифа, обвинив его в присвоении чужого имени. Все обошлось благополучно, но можно себе

представить, с каким облегчением Кайе в конечном счете покинул Канкан с группой из пятнадцати купцов — дююла и сараколе, которой предводительствовал фульбе по имени Арафа Ба.

Из-за задержки пришлось идти уже под непрерывными тропическими дождями. Кайе поранил ногу, но крепился и не отставал от каравана. 2 августа пришли в селение Тиме; отсюда обычно отправлялись караваны в Дженне, и путешественник предполагал примкнуть к такому каравану. Но распухшая нога причиняла отчаянную боль, а непрерывные приступы малярии совершенно лишали сил. И на пять с лишним месяцев Кайе застрял в этом глухом селении. Заботы хозяйки хижины, в которой он поселился, почти излечили его, но теперь на путешественника обрушилась новая страшная болезнь — цинга. Еще два месяца страданий, во время которых он не раз желал умереть: выпадали зубы, начала разрушаться нёбная кость. Смерть была бы избавлением... Но даже в таком состоянии Кайе ни разу не помыслил о том, чтобы возвратиться с полдороги. «Я предпочитал умереть в пути,— записывает он,— но не возвращаться, не совершив величайших открытий».

Дело было не только в физических страданиях. Кайе понимал, что непредвиденная задержка в Тиме еще потому ставит под угрозу достижение цели, что основательно истощила и без того небогатый запас товаров, которым он располагал. К физической слабости теперь прибавилась бедность, и путешественник сразу же почувствовал это, когда 9 января 1828 года отправился из Тиме с караваном торговцев орехами кола. Правда, репутация благочестивого египтянина помогала ему получать пожертвования то в виде нескольких десятков каури, то чем-нибудь съестным, ведь милостыня бедным — одна из священных обязанностей мусульманина. Но по дороге встречались не одни только мусульмане, да и в составе каравана добрая половина людей не разбирались в тонкостях учения пророка. И Абдаллаху полной мерой доставалось и за длинный нос, и за бедность, и за болезненное состояние. Насмешки и издевательства сыпались градом — особенно женщины и рабы-носильщики старались всюю. А Кайе слишком зависел от этих людей, чтобы позволить себе возмутиться. К тому же он едва мог двигаться; изводили мучительные приступы кашля, цинготные раны во рту кровоточили.

Правда, не все пользовались возможностью поиздеваться над бедным «египтянином». Когда носильщик отказался тащить дальше сильно отощавший мешок, в котором лежали скудные остатки достояния путешественника, какой-то купец погрузил мешок на одного из своих ослов. Кайе с глубокой благодарностью вспоминает этого человека: ведь трудно сказать, что бы случилось с ним, не прояви купец сострадания; даже небольшой груз он был не в силах нести. Читая сейчас сухие, даже скучноватые, записи Кайе — что правда, то правда: он не был талантливym литератором, этот человек, получивший лишь начатки образования, — порой трудно представить себе, какая невероятная сила воли удерживала его на ногах!

Так прошли два месяца. 10 марта он снова увидел перед собой большую реку, на этот раз — Бани, самый крупный приток Верхнего Нигера. А на следующий день караван вступил в Дженне, где до Кайе из европейских путешественников удалось побывать только Парку.

Здесь Кайе оказался у южной оконечности древнего торгового пути от берегов Средиземноморья. Благоустройство города, богатство его рынков произвели на путешественника сильное впечатление. И не только это — в Дженне Кайе лишний раз убедился, насколько правильна была мысль отправиться в глубь Африки под видом мусульманина. Уже знакомый нам шейх Ахмаду, правитель Масины, категорически запретил доступ в Дженне немусульманам; в тех случаях, когда в город прибывал купец-бамбара, стража у ворот заставляла его произнести мусульманский символ веры: «Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк его!» После этого он в глазах фульбской администрации города становился мусульманином и мог спокойно заниматься своими делами. Таким образом, не страдали ни религия, ни коммерция.

Дженне находился на территории, подвергшейся довольно сильному влиянию мусульманской культуры. Для Кайе в этом заключалось известное преимущество, но здесь же таилась и опасность: он не на шутку боялся, что его познаний в арабском языке и в мусульманском богословии, приобретенных в лагере брака, окажется недостаточно, чтобы убедить многочисленных в этом городе арабов в своем мусульманском происхож-

дении. Он предпочел бы остаться незамеченным и потихоньку выбраться из города. Но не тут-то было: весть о молодом египтянине, возвращающемся на родину из европейского плена, достигла Дженне раньше его самого. Да и проводник, конечно, не удержался бы от того, чтобы не похвалиться диковинным знакомством. Приходилось рассчитывать только на себя, на свою находчивость, на свои знания.

Но все обошлось благополучно. Правда, не удалось избежать вежливого, но очень тщательного допроса в виде разговора о воспоминаниях детства и юности. Однако после того как эта рискованная беседа окончилась, путешественника представили правителю города уже как подлинного египтянина Абдаллаха. И правитель проявил по отношению к пришельцу любезность, которая, пожалуй, во многом предопределила благополучный исход дерзкого предприятия Кайе. Он поселил путешественника в доме богатого и знатного купца ал-Хаджи Мухаммеда.

Ал-Хаджи Мухаммед не только оказался гостеприимным хозяином, в гостях у которого Кайе смог хотя бы немного отдохнуть с дороги, но и выказал самую благожелательную заинтересованность в успехе дальнейшего путешествия молодого египтянина. Он обсудил с ним все возможные пути в Египет, и в конце концов собеседники остановились на маршруте Томбукту — Араван — Гадамес. Больше того, хозяин позаботился и о том, чтобы Кайе взяли на судно, которое через несколько дней должно было отправиться вниз по Нигеру, до Томбукту. Кстати, только после разговоров с ал-Хаджи Мухаммедом мнимому Абдаллаху стало ясно, что теперь Томбукту уже в пределах прямой досягаемости, ведь в Европе в те годы никто не знал более или менее точно, где находится этот легендарный город. Но любезность ал-Хаджи Мухаммеда не ограничилась этим. Он предложил своему гостю заняться его денежными делами; Кайе уступил ему за тридцать тысяч каури остатки своих товаров, и купец на эти деньги купил для него самый ходовой в Томбукту товар — ткани, изготовленные из местного хлопка. Благодаря вниманию своего хозяина путешественник отправился из Дженне чуть ли не лучше снаряженным, чем с побережья. Он постарался не остаться в долгу и подарил купцу свой зонтик — предмет восхищенного удивления всех тех, с кем ему

Пироги на Бенуэ

до сих пор приходилось встречаться на африканских дорогах. Да и было за что: пребывание в Дженне стало едва ли не самым приятным эпизодом его долгого и, как мы не раз уже видели, очень и очень нелегкого путешествия в Томбукту.

И вот 23 марта 1828 года пирога, на которую погрузился Абдаллах-Кайе, отплыла из Дженне и двинулась по бесчисленным рукавам и протокам к главному руслу Нигера. Путь был долгий, и в течение этого месяца «египтянину» пришлось вновь сполна испытать привычные «удовольствия». Если хозяева относились к нему хорошо, то их слуги — матросы суденышка, на котором плыл Кайе, — вовсе не считали себя обязанными относиться к нему точно так же. Пассажир в их глазах был существом настолько не заслуживавшим внимания, что даже постоянного места на пироге у него не было. Каждый вечер Рене приходилось отыскивать хоть какую-нибудь щель между тюками груза, где можно было бы лечь. Снова он был постоянно голоден: матросы не слишком заботились о его питании. Вдобавок, хотя проезд уже был оплачен ал-Хаджи Мухаммедом в Джен-

не, с путешественника потребовали несколько тысяч каури (считалось, правда, что шкипер просит их в долг). После долгого торга сошлись на тысяче, вымогательство прекратилось, но к Кайе относиться лучше не стали. И совершенно невозможно было предсказать, сколько времени продлится это мучительное плавание: как и все его предшественники, Кайе должен был убедиться, что время здесь, в глубине Африки, не имеет никакой цены. Но мечты о сказочном городе, к которому путешественник, хоть и медленно, но все же приближался, в какой-то степени сглаживали неприятные ощущения от поездки.

Иногда, правда, однообразие прерывалось каким-нибудь неожиданным происшествием. Например, когда однажды вечером судовая команда предавалась веселью на берегу, танцы и пение неожиданно были прерваны появлением воинов шейха Ахмаду. Матросамбамбара, не имевшим никакого отношения к исламу, и в голову не приходило, что сейчас — рамадан, месяц поста, и что своими танцами они нарушают нормы приличий, установленные в фульбском государстве. Но возмущенные фульбе исходили из в общем-то совершенно правильной посылки, что незнание закона не освобождает от наказания за его нарушение, и потребовали с команды солидный штраф: пять тысяч каури. В конечном счете после долгих переговоров фульбе поняли, что матросам взять такие деньги неоткуда, и милостиво согласились заменить штраф пятью палочными ударами каждому из участников веселья, а шкипер поручился, что наказание будет выполнено со всей строгостью. После этого команду оставили в покое.

Понятно, что к благочестивому египтянину у фульбе не было никаких претензий, так что он мог наблюдать эту забавную сценку со стороны. Хуже бывало в тех случаях, когда судно становилось предметом внимания туарегов. Теперь плыли мимо областей, где они были фактическими хозяевами, и то там, то тут на песчаном берегу вырастали фигуры всадников с завешенными лицами, на великолепных скаковых верблюдах. Туареги внимательно следили за тем, что делается на реке, не упуская случая поживиться за счет проплывающих мимо торговых судов. И если днем, пока пирога двигалась по середине русла Нигера, они не представляли особенной опасности («гордые сыны пустыни» не очень-

то любили воду), то вечером, во время стоянок, дело обстояло уже иначе. Тут никто не мог воспрепятствовать туарегам явиться на борт причалившего к берегу судна и потребовать плату за безопасный проезд мимо их владений, то есть попросту забрать то, что им понравится. Во время таких визитов Кайе приходилось срочно искать укромное местечко между тюками и сидеть там не дыша, пока не уйдут непрошенные гости. Если бы его обнаружили, путешественника ждали бы крупные неприятности: туареги были глубоко убеждены, что всякий араб — богач, и обобрали бы мнимого Абдаллаха до нитки. А уж тогда бы у него не осталось ни малейшей надежды на возвращение в Европу.

Снова Кайе плыл там, где до него побывал один только Парк со своими спутниками. Пирога спустилась по Бани до Нигера, прошла по озеру Дебо — одному из главных озер средней дельты, через которое течет Нигер, и теперь, когда река снова сделалась единым руслом, приближалась к Кабаре. Кайе уже знал, что от Кабары до Томбукту всего несколько часов хода. Поэтому можно себе представить, с каким волнением и восторгом он увидел утром 20 апреля 1828 года эту гавань — ворота сказочного города, для достижения которого он потратил столько времени и сил.

Для нашего героя снова наступила передышка в долгом и мучительном странствовании по неисследованным пространствам Африки. Ему предстояло лишний раз убедиться, насколько внимательными и любезными могут быть люди этих стран. В Дженне ал-Хаджи Мухаммед дал «египтянину» рекомендательное письмо к своему знакомому в Томбукту — богатому купцу Сиди Абдаллаху Шебиру. Но этого ему показалось недостаточно, и он сумел заранее предупредить Сиди Абдаллаха, что в Томбукту прибудет «египтянин Абдаллах», которого он, ал-Хаджи Мухаммед, рекомендует своим друзьям.

Кайе был приятно удивлен, когда в Кабаре его встретил слуга Сиди Абдаллаха и передал приглашение посетить дом своего хозяина. Впрочем, Кайе быстро понял, что дело здесь не только в церемонии встречи долгожданного гостя, сколько в куда более прозаических вещах. Хотя между Томбукту и Кабарой всего около семи километров, здешние туареги вполне могли попробовать пожить чужим добром, пока товары до-

ставляли с причалов в город. И конвой из вооруженных ружьями рабов был скорее практической необходимостью, нежели частью церемониала. Под такой охраной Кайе без особых происшествий добрался до города, хотя туарегские всадники и появлялись неподалеку от каравана. На закате того же дня, 20 апреля, с песчаного холма он наконец увидел перед собой Томбукту.

В этом городе Кайе пробыл недолго, всего две недели. Но для измученного человека это были две недели спокойной и сытой жизни, какая редко ему выпадала за тот год,— да, путешествие длилось уже целый год! Сиди Абдаллах Шебир оказался не менее заботливым хозяином, чем ал-Хаджи Мухаммед. Рассказ о страданиях молодого «египтянина Абдаллаха» вызывал всеобщее сочувствие у самых богатых и авторитетных людей города, в кругу которых мнимый Абдаллах вращался. На родине, во Франции, Кайе ни до, ни после своего путешествия никогда не бывал в таком аристократическом обществе, как здесь. Его расспрашивали о жизни в Европе, о страданиях, перенесенных в европейском плену. Приходилось отвечать, хотя с гораздо большим удовольствием гость выслушивал рассказы хозяйна и его друзей. От них Кайе и собрал первые сведения об истории Томбукту — некогда великого торгового города Западного Судана.

Эти сведения хоть в какой-то степени сглаживали то ужасное разочарование, которое путешественник испытал при виде Томбукту. Ведь город ни в чем не соответствовал тому образу, который создал Рене в своем воображении. Он оказался гораздо меньшим, чем предполагали в Европе. Не было ни высоких городских стен с башнями, ни роскошных дворцов и мечетей,— только постройки из сырцового кирпича, такого же безрадостного серо-желтого цвета, как и песок, на котором стоит этот город. Почти никакой растительности, всего одна огромная сейба на базарной площади. Беспорядочная сеть кривых нешироких улиц — ничего похожего на те громадные города Востока, о которых столько читал в свое время ученик булочника и шорника Рене Кайе. Оставалось утешаться тем, что тремя веками раньше Томбукту был и намного многолюднее, и гораздо богаче.

И в самом деле, город переживал свой расцвет в конце XV и в XVI веке, когда государи могущественной

державы Сонгай, созданной народом, носящим то же имя, сделали из него важнейший культурный центр своих владений. Ученые Томбукту пользовались высокой репутацией во всей Северной Африке, а купцы этого города были самыми богатыми в Западном Судане. Но в 1591 году в Судане появилось войско марокканского султана, совершившее блестящий переход через пустыню. Марокканцы имели огнестрельное оружие, и великая сонгайская империя развалилась под натиском немногочисленного, но лучше вооруженного противника. Томбукту превратился в столицу марокканского наместника; потом наместники сделались фактически независимыми, но прежний блеск города так никогда и не восстановился. Он вырос на торговле, а торговля в XVII веке сместилась на западное побережье Африки, где в поисках золота и рабов расталкивали друг друга локтями купцы почти всех стран Западной Европы. Число караванов, пересекавших Сахару, уменьшилось в несколько раз, и великий торговый город захирел.

Кайе не знал, что внешний вид Томбукту даже в годы расцвета не соответствовал тому, что писалось о нем в Европе. Только через двадцать пять лет после путешествия Кайе Генрих Барт первым из европейцев познакомился с хрониками, которые писали ученые Томбукту на арабском языке в XVI и XVII веках. В одной из этих хроник сообщалось, как марокканские солдаты, захватившие главные города сонгайского государства, удивлялись убогому, по их представлениям, облику царских дворцов и мечетей. «Последний погонщик ослов в Марракеше,— говорили они,— имеет лучшее жилище, чем царь Судана». Солдаты султана Мулай Ахмеда ал-Мансура были люди простые и не очень представляли себе, что в Западном Судане почти нет ни строительного камня, ни строительного леса,— а значит, неоткуда было взяться и традиции такого строительства, к какому они привыкли у себя дома.

Но если бы даже Кайе это знал, он, вероятно, гордился бы не меньше. Все-таки он дошел до легендарного города, и у него еще оставались шансы возвратиться в Европу. В нескольких десятках шагов от дома Сиди Абдаллаха, где жил путешественник, стоял другой дом — в нем двумя годами раньше жил «раис», то есть начальник. Этим арабским словом собеседники Кайе называли его соперника и предшественника — майора

Лэнга. Майор хорошо запомнился им своим гордым и независимым поведением, а также невиданной еще в этих местах одеждой (он неизменно ходил в парадном мундире, показывая этим свой ранг посла его величества). Сиди Абдаллах и его друзья много и охотно рассказывали о пребывании Лэнга в Томбукту, и Кайе почел своим долгом воздать уважение мужеству и достоинству, с которым держал себя шотландец в совсем уже безнадежной обстановке. Но сравнение результатов путешествий своего предшественника и собственного — в особенности, если принять во внимание затраченные средства — позволяло ему гордиться своим успехом.

Однако успех успехом, а надо было уже подумывать о возвращении в Европу. Путешественник понимал, что бесконечно долго пользоваться гостеприимством Сиди Абдаллаха Шебира нельзя, а товаров на оплату обратной дороги почти не осталось. К моменту выхода из Томбукту Кайе располагал имуществом на двадцать пять пиастров — меньше, чем на двести франков. Поэтому следовало выбрать наиболее короткий и удобный маршрут домой. С самого начала пришлось отвергнуть идею возвращения на атлантическое побережье, хотя такой маршрут избавлял от перехода через Сахару, трудного и опасного в любое время года, но особенно тяжелого в сухой сезон, который как раз начинался. Кайе не без основания боялся, что на сотни километров по обе стороны от торгового пути в Томбукту уже распространилась история об «египтянине Абдаллахе». И ему было бы очень трудно объяснить, почему это вдруг он отказался от свидания с горячо любимой семьей и желает вернуться на побережье, к христианам, причинившим ему столько страданий. Конечно, можно было попробовать пройти севернее тех областей, через которые он сюда двигался, но и в этом случае риск оставался непомерно большим.

Еще соблазнительнее было попытаться спуститься по Нигеру до самого устья. Теперь, когда главная цель путешествия была уже достигнута, Кайе старательно собирал у своего хозяина и его друзей сведения о течении великой реки. Все соглашались на том, что через много дней пути можно по Нигеру попасть в страны хауса, но куда река направляется дальше, никто толком не знал. После всех этих разговоров у путешественника создалось не очень определенное впечатление, что где-то в

хаусанских землях русло все-таки поворачивает на юг. И Кайе высказывает предположение, что Нигер в конечном счете впадает в Гвинейский залив,— предположение абсолютно правильное, которое подтвердится через несколько лет. Но проверить его путешественник уже не мог: такая экспедиция потребовала бы затрат, которые во много раз превышали его денежные средства. И от попытки решить заодно с загадкой Томбукту также и загадку Нигера пришлось скрепя сердце отказаться.

Оставалась только одна возможность: отправиться на север, через Сахару. По счастью, как раз в это время в городе собирался большой караван в Марокко, и Кайе решил к нему присоединиться. Снова путешественнику представлялся случай убедиться, насколько ему повезло, когда в Дженне он попал в дом ал-Хаджи Мухаммеда, который поручил его заботам своих друзей в Томбукту. Сиди Абдаллах Шебир сначала попробовал отговорить гостя от быстрого выхода в путь. Он предлагал Кайе задержаться в Томбукту, заняться торговлей и уже потом, накопив определенное состояние, двинуться в Египет (здесь в конечном счете действовал все тот же принцип: какая разница, годом раньше или годом позже!). Однако Рене отказался от любезного предложения своего хозяина, хотя тот и предлагал для начала помочь ему в создании собственного дела. Но «египтянин» слишком рвался соединиться со своей семьей. Помимо всего прочего Кайе не был уверен, что ему удастся сохранять свое инкогнито бесконечно долго, так что лучше было уйти из Томбукту пораньше. И он сумел убедить Сиди Абдаллаха.

Тогда купец взял на себя все заботы о снаряжении гостя в трудное путешествие. Он выгодно, по местным понятиям, продал те ткани, что Кайе привез с собой из Дженне. Однако вырученных денег хватило только на покупку верблюда, и Сиди Абдаллах сам оплатил расходы на проводника — десять мискалей золота (около сорока двух граммов). Но и после этого Кайе пришлось бы отправиться из Судана совершенно без средств. И снова Сиди Абдаллах выручил Рене: он подарил ему необходимый запас продовольствия, покрывало, а самое главное — бурдюки для воды. Без подарка своего гостеприимного хозяина Кайе едва ли добрался бы до Тафилалета, южной окраины Марокко. В до-

вершение всего Сиди Абдаллах снабдил его рекомендательным письмом к своим знакомым в Араване: он просил их помочь путешественнику как следует подготовиться к самому трудному — переходу через Сахару.

Благодаря щедрости и великодушию купца Рене Кайе смог наконец безбоязненно отправиться из Томбукту на север, в Марокко. Это произошло 4 мая 1828 года, а через пять дней он увидел перед собой последнее большое поселение на всем пути до Тафилалета — Араван.

Караван пробыл в городе десять дней, готовясь к пересечению самых страшных районов пустыни. Это был обычный торговый караван — почти полторы тысячи верблюдов, больше четырехсот человек. Он вез на север суданские товары — золото, слоновые бивни, страусовые перья, ткани. И конечно, черных невольников; их тоже везли на верблюдах, чтобы они не слишком ослабели в дороге и сохранили «товарный вид».

Как уже не раз случалось с Кайе за время его странствований по внутренним областям Африки, он не внушал купцам и погонщикам каравана особенно теплых чувств. При изнурительном и опасном переходе через Сахару благочестие мнимого египтянина не имело никакой цены, здесь людям было не до этого. К тому же все прекрасно знали, что Абдаллах — почти нищий, поживиться тут нечем. Так стоило ли с ним деликатничать! Снова Кайе описывает, как ему приходилось служить объектом далеко не всегда добродушных шуток и проделок погонщиков и слуг при полном равнодушии хозяев каравана.

Впрочем, наверное, эти сетования не стоит понимать слишком уж буквально. В караване, идущем через пустыню, действуют свои суровые, многовековым опытом установленные, можно сказать — выстраданные, законы жизни и поведения каждого человека. Быт каравана труден и очень далек даже от скромных представлений о комфорте, а природа сурова к людям. Кайе успел привыкнуть к трудностям путешествия по Судану, но в Сахаре почти все выглядит по-другому. И когда путешественник жалуется на постоянную жажду, ему, скорее, следовало бы винить свой организм, не успевший еще освоиться в пустыне, а не бесчувственных марокканцев: вожатые каравана просто не могли позволить людям напиться досыта. Да и Кайе с обыч-

ной своей простотой тут же рассказывает, что далеко не все в караване относились к нему столь бессердечно. Например, марабуты, ехавшие из Томбукту, обходились с «египтянином» как с собратом по профессии. Хотя надо сказать, что и на этом этапе путешествия ему пришлось чтением стихов Корана рассеивать подозрения тех, кому не внушал доверия его внешний вид (в особенности все тот же галльский нос). Как бы то ни было, но после шести недель пути, 29 июня, караван подошел к Эль-Харибу — первой стоянке на марокканской земле. Пустыня осталась позади.

Однако до конца путешествия было еще далеко. И в Марокко Кайе снова испытал — в который уже раз! — каково приходится в Африке нищему страннику. Если на протяжении двухнедельного пребывания в Эль-Харибе Рене еще мог как-то зарабатывать себе на пропитание, продавая местным девицам наскоро написанные заклинания, которые должны были им помочь побыстрее найти мужа, то дальше ему оставалось одно: нищенство. Все деньги вышли, все, что можно было продать из одежды, он уже продал. Конечно, он не ходил с протянутой рукой, а скромно усаживался перед домом местного начальства, перебирая четки. Обычно ему сразу же перепало что-нибудь съестное. Но когда Кайе наконец добрался до Феса, кончилось и подаяние: в больших городах Марокко всегда хватало нищих, и они никого не трогали. Правда, в Фесе ему не угрожала голодная смерть. Здесь было много иностранных купцов, и можно было без особого риска разменять две последние английские полукроны, которые Рене нес зашитыми в пояс от самого побережья. Меняя их, он испытывал отчаянный страх — в случае разоблачения в Фесе обошлись бы с европейцем ничуть не лучше, чем в Томбукту.

Из Феса он добрался до Мекнеса, оттуда вышел пешком в Рабат. Если бы не сердобольный цирюльник, посадивший вконец истощенного человека, встреченного на дороге, на своего осла, трудно сказать, знали ли бы мы сейчас о путешествии Рене Кайе...

Однако в Рабате, где путешественник оказался 18 августа, его ждало разочарование. Очередная встреча с французским бюрократическим аппаратом закончилась столь же бесплодно, как и предшествовавшие (справедливости ради заметим, что вице-консулом в Ра-

бате был не француз, а один из местных купцов). Поскольку у Кайе не было с собой документов, ему вежливо, но категорично заявили, что ничем помочь не могут. И снова путешественник, столетие со дня смерти которого Франция отмечала в 1938 году как национальный юбилей, полмесяца живет подаяннем. А потом предпринимает последнюю отчаянную попытку добиться поддержки своей страны: 7 сентября 1828 года он появился в доме вице-консула в Танжере Делапорта.

На сей раз его приняли должным образом, хотя последние три недели пребывания Кайе в Марокко напоминают детективный роман с переодеваниями, ночными визитами и тому подобными атрибутами. Однако делать было нечего: ни сам Рене, ни консул не хотели рисковать, ведь опасность разоблачения при малейшей неосторожности продолжала висеть над путешественником. И отправить его на родину было невозможно, пока за ним не придет корабль, который Делапорт потребовал от командира французской военно-морской станции в испанском порту Кадис. Но все окончилось благополучно, и 7 октября 1828 года Кайе высадился в Тулоне.

На этом можно закончить историю удивительного путешествия героя-одиночки Рене Кайе. Хотя, пожалуй, для того чтобы понять, что это был за человек, стоит сделать небольшое добавление. В Танжере Кайе узнал, что Африканское общество в Лондоне объявило награду в двадцать пять тысяч фунтов тому, кто первый достигнет Томбукту и вернется оттуда. Один из служащих Делапорта намекнул путешественнику, что эти деньги будут его, если только он согласится опубликовать свои заметки в Англии. Но нищий и больной Кайе, крестьянский сын из глухой деревни, которому две тысячи франков казались целым состоянием, отказался наотрез: он считал, что его открытие принадлежит Франции.

Однако родина и на этот раз оказалась куда менее щедра, чем Африканское общество. Правда, Кайе получил премию Парижского географического общества, ему назначили небольшую пенсию, наградили орденом Почетного легиона, но через несколько месяцев после выхода в свет его дневников, напечатанных в 1830 году, путешественника забыли. Только соседи оказались более справедливыми, чем королевское правительство: они избрали его своим мэром. Для остальной же Франции

смерть Рене Кайе 17 мая 1838 года прошла незамеченной.

Кайе первый познакомил Европу с внутренними областями Западного Судана. Он первый дал описание легендарного Томбукту, и этой заслуги у него никто никогда не отнимет. Но для решения проблемы Нигера путешествие Кайе дало гораздо меньше. Правда, ему удалось побывать на реке там, где не бывали его предшественники, и описать плавание по Нигеру от Дженне до Томбукту. Догадка Кайе о впадении Нигера в Гвинейский залив была совершенно правильной, хотя он и не был знаком с гипотезой Рейхардта. Однако окончательно установили, куда впадает великая река, все-таки британские исследователи. И произошло это в том самом 1830 году, когда в Париже вышли из печати три тома дневников Кайе.

БРАТЯ ЛЭНДЕРЫ (1829 — 1831)

В истории географических открытий не раз проявлялась своеобразная ирония судьбы, когда наилучшим образом подготовленные экспедиции добивались, казалось бы, немислимого успеха там, где терпели неудачу серьезно задуманные и хорошо оснащенные предприятия. Так было с достижением Томбукту. Так случилось и с окончательным решением проблемы Нигера. Подтвердить на практике гипотезу Рейхардта и Лэнга, проверить сведения о Нигере, собранные экспедицией Аудни, Клаппертонна, Денэма, удалось Ричарду Лэндеру, который вместе со своим братом Джоном вновь отправился на Нигер в начале 1830 года.

Путешествуя с Клаппертонном и возвращаясь на родину после его смерти, Лэндер дважды пересек Нигер — в Боргу и Нуле, однако у него не было полной уверенности относительно того, где же находится устье реки, до которого он тогда не добрался. Ведь в Африке, как писал сам Ричард, «теории о Нигере еще более различны и противоречивы, чем гипотезы, созданные на этот счет учеными Европы». Но и в Европе, спустя несколько месяцев после возвращения Лэндера в Лондон, к уже существовавшим предположениям было добавлено

новое. Отставной генерал Руфейн Донкин, ссылаясь на географов-классиков, в частности — на Плиния, а также на современных ему исследователей Африки, пытался доказать, что Нигер, вытекая из озера Чад, уходит под землю и течет через всю пустыню на протяжении многих тысяч миль к побережью Северной Африки, где впадает в Средиземное море.

Практически из всех гипотез сколько-нибудь вероятными казались две: либо Нигер поворачивает на юг к Бенинскому заливу и впадает в него (как полагал еще раньше Рейхардт и как склонны были считать оба участника второй экспедиции Клаппертон — он сам и Лэндер), либо он продолжает течь в восточном направлении и впадает в озеро Чад, и в этом случае оказывается рекой Шари, нижнее течение которой уже обследовал и наметил Денэм. Какая из этих двух теорий правильна, можно было решить, проследив путь реки от тех мест, где ее пересекали Клаппертон и Лэндер, до самого устья. Эту задачу и сумели успешно выполнить братья Лэндеры.

Их предки были фермерами в Корнуэлле, но к началу XIX века отцу удалось подняться на более «респектабельную» ступеньку социальной лестницы: он содержал таверну в местечке Труро. Здесь и родился в 1804 году Ричард, а тремя годами позднее — Джон.

«В раннем детстве проявилась моя склонность к бродяжничеству,— писал впоследствии Ричард,— я совершенно не мог находиться постоянно на одном месте: прогуливал обычно уроки и разъезжал из города в город, из деревни в деревню, как только представлялась малейшая возможность». Братья очень любили слушать истории об обычаях и образе жизни людей в самых отдаленных уголках мира. Уже тогда они мечтали, что станут великими путешественниками.

Детство Ричарда было трудным. В семье так сложились обстоятельства, что девятилетний мальчик должен был оставить дом родителей. Спустя два года торговец из Вест-Индии забрал его с собой в Сан-Доминго. Там Ричард пробыл три года, узнал, что такое тропический климат и тропические болезни, едва не умерев от лихорадки. Уже тогда он оценил доброту африканцев — во время болезни его с трудом выходила одна негритянская семья.

В 1818 году юноша вернулся в Англию и пять лет

прожил «в услужении». С одним из своих хозяев Ричард совершил поездку на континент. В 1823 году он предложил свои услуги майору Коулбруку, направлявшемуся в Южную Африку. В этой поездке Ричард пережил первые приключения: три раза корабль, шедший в Кейптаун, терпел крушение. Зато за год юноше удалось исколесить всю южную оконечность Африканского материка.

В 1824 году он приехал в Англию и вскоре узнал о возвращении Денэма и Клаппертонна, блестяще завершивших «миссию в Борну». С момента опубликования дневников Парка многие среди британской молодежи мечтали об открытиях в Африке. Ричард не был исключением. «Каждое слово об Африке зачаровывало меня, мое сердце всегда начинало биться сильнее, едва я слышал упоминание о ней...— вспоминает он.— И все неудачи прежних исследователей, пытавшихся разведать ее тайные красоты, еще более укрепляли решение, которое я принял: воспользоваться первой представившейся возможностью, чтобы проникнуть в глубь огромного континента».

Как мы уже знаем, старший Лэндер сопровождал Клаппертонна в экспедицию в Африку, во время которой проявил себя верным товарищем и неутомимым помощником.

В Ричарде счастливо сочетались необыкновенная физическая выносливость с легким характером, который позволял ему при самых тяжелых обстоятельствах отыскивать тысячу смешных эпизодов и забавляться ими. Природный оптимизм часто помогал ему сохранять самообладание. Кроме того, в значительной степени из-за веселого нрава он смог приобрести много друзей среди африканцев, которые всегда с охотой шутили и смеялись вместе с ним.

Когда весной 1828 года Лэндер вернулся в Англию, никто бы не предположил, что он продолжает думать об Африке. Ричард все еще страдал от последствий своего путешествия и от безденежья. Нанятый на службу как слуга Клаппертонна, Лэндер официально не имел права на получение какой-либо оплаты за путешествие. В конце концов решили дать ему восемьдесят фунтов в год, которые предназначались для Колумбуса, мулата-переводчика, умершего в самом начале пути. И это было все, что он получил. Трудно было ожидать, что он вновь

предложит свои почти бесплатные услуги британскому правительству.

Вскоре по возвращении из Африки Ричард женился: поселился в Труро и получил должность в акцизном управлении. Он сильно страдал от приступов ревматизма, которым заболел на Нигере. Несколько раз в 1829 году он обращался в министерство колоний с просьбой предоставить ему работу, которая бы позволяла находиться в закрытом помещении. В конце июня он получил наконец место в таможенном управлении. Однако должность была чрезвычайно хлопотливой и приносила всего пятьдесят фунтов в год, а семья у Ричарда увеличилась. И он стал вновь подумывать об Африке.

Как раз в это время заместитель министра колоний Роберт Хэй был занят подбором состава для новой экспедиции в Верхнюю Гвинею. Джон Барроу, с которым Хэй обсуждал кандидатуры, познакомился с Ричардом Лэндером при издании дневника второго путешествия Клаппертона. Он и предложил вновь направить на Нигер Ричарда. «По моему мнению,— писал Барроу 19 сентября 1829 года,—никто другой не преодолеет этот путь легче, чем он. Мы сможем высадить его с нитками бус, ожерелий и других безделушек где-нибудь около Бонни, и пусть он сам находит себе путь».

С мнением Барроу в министерстве колоний очень считались. И Хэй немедленно предложил Лэндеру отправиться в новое путешествие. Тот предложение принял, причем на весьма скромных условиях, о которых сейчас пойдет речь. Настаивал Ричард лишь на одном: чтобы его брат Джон непременно отправился вместе с ним.

Младший из братьев, Джон, все время до экспедиции провел в Труро, окончил там школу, причем весьма успешно, получив медаль. Внешне братья были похожи. Однако по характеру Джон был прямой противоположностью старшему брату: он отличался задумчивостью и замкнутостью и даже улыбался чрезвычайно редко. Если Ричард быстро вживался в африканское общество, то Джон в начале путешествия чувствовал антипатию к местным народам, которых именовал не иначе как «дикарями» или «варварами».

Но что особенно поражало в братьях Лэндерах, так это их естественность и простота в обращении, неизменное дружелюбие и ровное расположение духа.

В этой оценке сходились все, знавшие их лично; они отмечали, что никто никогда не стеснялся и не чувствовал себя скованным в присутствии этих двух молодых людей, совершенно обычных с виду.

Ричард, получивший весьма поверхностное образование, не питал склонности к печатному слову. Зато Джон, можно сказать, не расставался с книгой. Ко времени отъезда в Африку он успел опубликовать несколько очерков и, несомненно, мечтал прославиться и проявить свой литературный талант в сочинениях об этом континенте. Да он уже и показал себя неплохим редактором при переделке и расширении дневника первого путешествия своего брата Ричарда с Клаппертоном. Старший брат отдавал должное способности младшего точно воспроизводить на бумаге все, что видел и чувствовал он сам и окружавшие его люди. А младший, редактируя дневники, так увлекся описаниями странствий Ричарда, что, не колеблясь, решил ехать в Африку, как только представилась возможность.

Так и случилось, что осенью 1829 года два молодых человека занялись необходимыми приготовлениями для экспедиции к Нигеру.

Но время для подготовки было не самое удачное. В Лондоне лишь незадолго до этого было получено окончательное подтверждение известий о смерти майора Лэнга, и в министерстве колоний не очень-то склонны были рисковать деньгами для оснащения дорогостоящих экспедиций в Африку, тем более что ясного ответа на вопрос: куда впадает Нигер? — ни одна из них так и не дала. Понимая это, Ричард пошел по пути Хаутона: запросил для себя мизерное жалованье; Джон вообще соглашался ехать безо всякой оплаты. При этих обстоятельствах сотрудники лорда Годрича рассудили, что колониальное ведомство мало что может потерять. Братьям выдали скудное снаряжение и заказали билеты на торговое судно «Бдительный», отходившее в Кейп-Кост, на Золотой Берег.

В инструкции министра колоний, данной путешественникам 31 декабря 1829 года, было сказано: «Они должны проследовать от Бадагри до Катунги по той же дороге, что и в предыдущую экспедицию». Достигнув берегов Нигера, Лэндеры были обязаны решить три основные проблемы. Во-первых, уточнить, какие реки впадают в Нигер у Фунды, и не течет ли какая-либо из

них в восточном направлении. Во-вторых, установить, нет ли в этом месте около Нигера озера или болота и не берут ли из него начало какие-либо реки, текущие в том же восточном направлении. В-третьих, если обнаружится, что Нигер продолжает течь на юг, путешественники должны направиться вниз по течению реки, до самого ее впадения в океан.

Инструкция все еще не исключала возможности того, что река имеет восточное направление; в таком случае, подчеркивал заместитель министра Хэй, она должна впадать в озеро Чад. Помимо этого братьям поручалось попытаться раздобыть в Яури дневник Парка, который мог все-таки оказаться у правителя государства, где погиб путешественник, и который так и не смог получить Клаппертон.

Министерство гарантировало выплату ста фунтов жене Ричарда Лэндера в течение первого года его отсутствия; такая же сумма была обещана и ему самому по возвращении; брат путешественника, как и он сам в первую поездку, не получал ничего.

Две характерные черты отличали экспедицию Лэндеров от всех предыдущих (кроме, конечно, экспедиции Кайе) — важность сделанных открытий и необычайно малые денежные средства, которые были затрачены на это правительством его величества Георга IV.

Поражает нищенское — другого слова не придумаешь — оснащение экспедиции. Единственным прибором, которым располагали ее участники, был обычный компас (кстати, и он был потерян в середине пути). К тому же оба брата не имели никакой научной подготовки. И успех их путешествия следует приписать необычному мужеству, природному уму, наблюдательности и умению ладить с африканцами, что было свойственно и Ричарду, и Джону.

Лэндеры понимали, что по сравнению с другими правительственными экспедициями, направлявшимися в Африку в 20-х годах, их снабдили более чем скромно: подарков вождям — на сумму двести шестьдесят фунтов и личных запасов — на девяносто шесть фунтов. Это было в десять раз меньше того, что было предоставлено Клаппертону в 1825 году. Но спорить не приходилось...

9 января 1830 года Ричард и Джон покинули Англию. В Кейп-Кост они прибыли спустя полтора месяца;

там был нанят уже знакомый нам переводчик Пэскоу (хауса из Гобира). Спустя десять дней Лэндеры были в Бадагри.

В этом городе путешественники порядком натерпелись из-за непомерных требований и проволочек со стороны небезызвестного вождя Адули. Младший сын правителя Лагоса, он был вынужден покинуть остров, потерпев поражение в междоусобной борьбе за трон отца. Обосновавшись в Бадагри, который был раньше «провинцией» Лагоса и платил его правителю подати, Адули объявил город независимым. Время от времени вождь предпринимал попытки вооруженного вторжения на остров. В 1832 году ему действительно удалось в конце концов вернуться и стать правителем Лагоса. Но как раз накануне приезда Лэндеров в 1830 году, во время одной из таких попыток, отряд воинов из Бадагри был перебит. Это обстоятельство оказало влияние на отношение Адули к путешественникам. Вождь намеревался за их счет пополнить оскудевшие боеприпасы, чтобы одержать верх «над своими закоренелыми врагами».

Среди советников Адули был некий Хупер, сын англичанина и африканки с Золотого Берега. Лэндеры надеялись, что им удастся использовать этого мулата в качестве посредника и защитника их интересов перед правителем. Однако, вероятнее всего, именно Хупер подстрекал Адули не верить обещаниям путешественников. В свое время он оказал кое-какие услуги предыдущей экспедиции и уверял братьев, что ничего не получил за это. Хупер требовал, чтобы Лэндеры уплатили ему шестьдесят четыре доллара — долг Клаппертона и Пирса.

Так или иначе, а правитель Бадагри также стал настаивать на немедленном возвращении ста унций золота⁶⁸, которые якобы ему остался должен Клаппертон. Несмотря на подарки — ружья, патроны к ним и различные товары, стоимость которых достигала трехсот унций, Адули остался недоволен и в течение одиннадцати дней не выпускал Лэндеров из города. При этом он выдвигал уже совершенно несусветные требования, вроде того что настаивал на предоставлении в его распоряжение военного катера со ста английскими моряками.

⁶⁸ Одна унция (31,5 грамма) золота в этих районах побережья Верхней Гвинеи стоила примерно два фунта стерлингов.

Наконец договорились, что за «обеспечение безопасности пути» Лэндеры выдадут вождю расписку на получение следующих «подарков»: четырех военных костюмов, «которые носит король Англии» (для самого правителя Бадагри), сорока менее великолепных мундиров (для военных командиров), двух длинноствольных мушкетов (устанавливаемых на каное), пятидесяти мушкетов, двадцати бочонков пороха, четырех мечей, сорока больших ножей, двух бочонков рома, а также набора всевозможных строительных инструментов. Путешественникам пришлось заверить список своими подписями, и Хупер с одним из старейшин Адули направился в Кейп-Кост ожидать выполнения требований.

Губернатор Золотого Берега, опасаясь, как бы отказ не повредил путешественникам, выдал Хуперу шестьдесят четыре доллара и подписал вексель на двести сорок долларов, которые Адули полагалось получить после благополучного возвращения Лэндеров. Впоследствии эта сумма по указанию министра колоний была сокращена до тридцати фунтов. Однако получил ли ее Адули, остается неизвестным.

В то время в Бадагри среди сторонников Адули находилась целая группа хауса из северных областей нынешней Нигерии. Именно от них Лэндеры узнали некоторые интересовавшие их сведения о Нигере — основной цели их путешествия. В Кворру у Фунды, как сообщали хауса, впадают две реки: Кадуния и Чадда⁶⁹. Водным путем можно добраться из Фунды в Борну за двадцать девять дней, а до Бенина — всего за двадцать четыре часа.

31 марта Лэндеры смогли наконец сказать Бадагри «прощай». Они ступили на территорию «империи» Ойо. Путешествие через страны йоруба не представило особых затруднений. Дорога была хороша знакома Ричарду по путешествию 1825—1827 годов. Некогда обширное и процветающее государство переживало период все большего упадка. Власть алафина совершенно ослабела. Закат «империи» Ойо и наблюдали братья Лэндеры, посетившие ряд ее городов и древнюю столицу Катунгу. Позднее все города, где побывали Лэндеры, были

⁶⁹ Имелись в виду два левобережных притока Нигера — Бенуэ и Кадуна; место впадения последней находится значительно севернее Фунды.

разрушены во время междоусобных войн и нашествия Дагомеи; а такие важные центры, как Новое Ойо, Ибадан, Абекута, тогда еще не были основаны.

Развал государства Ойо ускорило восстание Афонджи — одного из влиятельнейших подданных алафина, командовавшего отрядами молодых воинов. Афонджа перебил сторонников алафина в своей армии и провозгласил себя независимым правителем города Илорина, в тридцати милях к юго-востоку от столицы. Это произошло около 1817 года. Афонджу поддержали некоторые сановники, недовольные правлением алафина. Однако Афонджа, не уверенный в своих силах, обратился за помощью к фульбе, что и привело его к гибели. Около 1830 года Афонджа был убит. В Илорине утвердилась власть фульбе⁷⁰, которые превратили этот город в форпост наступления на страны йоруба.

Не удивительно, что алафин не доверял своей военной и придворной знати. Во главе крупных городов он старался ставить лиц незнатного происхождения, многие из них были даже чужаками в Ойо, а иногда просто рабами, находившимися прежде в услужении у алафина и пользовавшимися его доверием. «Это ныне неизменное правило правителя Ярибы (Йорубы), который боится, что из-за большой удаленности от столицы вождь более высокого ранга, если он будет обладать талантами и сильным характером, легко сможет утвердить свое влияние и сбросить его, объявив себя независимым», — отмечает Джон.

Дороги, по которым двигались путешественники, давно перестали расчищать, и они заросли буйной тропической растительностью. А ведь еще два-три столетия тому назад они находились в идеальном порядке; о них особенно заботились перед большими праздниками, когда по дорогам двигались торжественные процессии.

4 мая Лэндеры достигли города Боху (Игбоху), расположенного у подножия холмов и окруженного высокой стеной длиной не менее двадцати миль. За рекой, берущей начало на этих холмах, была видна деревня, населенная фульбе. Половина домов в городе, бывшем некогда столицей государства, пустовала. Примерно за пятьдесят лет до этого, как пишет Джон, правитель решил перебраться в Катунгу, подальше от воинственных

⁷⁰ Точные даты самого восстания и захвата фульбе Илорина неизвестны.

фульбе⁷¹. С этого времени население стало покидать Боху и город начал терять богатство и свое прежнее значение, «хотя он все еще считался вторым городом в государстве», — подчеркивает Лэндер. Вместе с тем путешественники отмечают, что в Боху появилось много фульбе, которые расселились со своими стадами в самых различных городских кварталах.

Спустя девять дней путники увидели наконец цепь гранитных холмов, за которой находилась столица. Через час они уже въезжали в городские ворота. Согласно местному этикету, с которым Ричард познакомился еще во время своих визитов в Ойо в 1826 и 1827 годах, путешественники должны были вначале посетить главного царского внука Эбо, наиболее влиятельного человека в государстве. Ведь первый внук осуществлял судейские функции, его решение считалось равносильным царскому. И только потом, уже вместе с ним, братья отправились во дворец алафина.

Довольно долго им пришлось ожидать монарха, пока тот по случаю приезда европейцев облачался в парадные одежды. До его торжественного выхода гостей развлекали музыкой, исполняемой оркестром, который состоял из длинных барабанов, литавр и горнов. В период расцвета «империи» Ойо алафины имели многочисленный штат придворных. В одном оркестре насчитывалось более двухсот человек.

Когда вышел правитель, все мгновенно стихло. Путешественники представились на европейский лад — поклон, рукопожатие. Это вызвало громкий смех у алафина и его жен, а также веселое оживление среди присутствующих. Согласно дворцовому ритуалу, придворные простирались ниц перед своим повелителем и должны были дважды посыпать себе голову землей.

По совету главного внука Лэндеры не стали сразу же сообщать алафину о своем намерении совершить путешествие к Нигеру. Они решили ограничиться заявлением, что «посланы королем Англии, чтобы попытаться отыскать бумаги своего соотечественника, который погиб у Бусы около двадцати лет тому назад». Как они предполагают, интересующий их дневник путешественника может находиться у султана Яури, и братья наде-

⁷¹ Это случилось значительно раньше, а не за столетия до путешествия Лэндеров, как предполагал Джон.

ются, что правитель Ойо разрешит им проследовать в ту страну. Алафин не выразил особого удивления и даже обещал направить гонца в Яури с известием о прибытии европейцев.

Катунга, в которой братья пробыли больше недели, произвела на них безотрадное впечатление умирающего города: «Все казалось спокойным и мирным в этом большом скучном городе. Нельзя было не испытывать грусти, бродя по его пустынным улицам и по обширным плодородным полям, на которых совершенно не было видно людей: изредка попадался одинокий человек, что еще больше подчеркивало приближающийся конец. Городские стены не восстанавливаются,— записывает Ричард 15 мая,— и превратились по сути дела в груды пыльных развалин. Такой же беспорядок и апатия царят в умах монарха и его министров».

Государство йоруба находилось в таком состоянии упадка, что не в силах было защитить свои северные рубежи от постоянных вражеских вторжений. К тому времени фульбе вклинились уже и в глубь «империи», обосновавшись не только в Илорине, но и в другом важном и процветающем городе — Раке⁷², причем не встретили там значительного сопротивления. Эти города полностью заселены теперь фульбе, отмечает Джон, и они превратили их в настоящие твердыни. «Постепенно и упорно фульбе наступают на апатичное местное население, расшатывая трон властителя»,— приходят к выводу путешественники. Эти слова Лэндеров оказались пророческими: в 1837 году Катунга была захвачена и разрушена фульбе из Илорина.

Спустя неделю братья покинули Катунгу. Несмотря на предупреждение, что дороги на север небезопасны, они пошли именно в этом направлении. Без особых приключений 17 июня путешественники вышли наконец к Нигеру у Бусы. Знаменитая река, однако, разочаровала путешественников. «Черные массивные скалы высились в самом центре течения, образуя на поверхности водовороты и сильные буруны... Нигер здесь узок: даже в самом широком его месте можно перебросить камень с одного берега на другой. Мы сидели как раз

⁷² Коренное население Раки (или Раббы) — нупе, а фульбе составляли в 20—30-х годах XIX века лишь небольшой процент ее жителей. Однако султан Белло еще во время посещения Клаппертона упоминал о ней как о «своем порте».

на той скале, где нашли свою несчастную судьбу Парк и его спутники», — записывает Джон 18 июня.

Правитель Бусы приветливо встретил путешественников, хотя, как и в 1826 году, во время приема Лэндера и Клаппертона, проявил явное нежелание здороваться с европейцами за руку⁷³. Он не смог сообщить братьям никаких новых подробностей о Парке и, казалось, ничего не знал о том, сохранились ли какие-либо вещи или бумаги путешественника, погибшего на порогах около его города. По его собственным уверениям, он был еще маленьким мальчиком, когда произошла катастрофа, во время которой погиб Парк. А прежний правитель умер вскоре после этого события. И все следы белого человека исчезли вместе с ним.

Правда, несколько позже Лэндерам была показана принадлежавшая Парку книга. С замирающим сердцем ждали братья, когда наконец «книга» будет освобождена от окутывавшей ее материи. Однако они обнаружили с досадой, что это не что иное, как таблицы логарифмов, действительно принадлежавшие когда-то Парку (там было найдено приглашение путешественнику на обед от четы Уотсонов). Посчитав находку малоценной, братья не пожелали ее выкупить⁷⁴.

Разочарованные в своих ожиданиях, Лэндеры решили не задерживаться в Бусе. Однако за шесть дней, проведенных в этом городе, путешественники все-таки сумели собрать кое-какие сведения о его истории. Они отмечают удобную стратегическую позицию города: с одной стороны его защищают берега Нигера, с другой — широкая стена с башнями и глубокий ров. «Несмотря на эти естественные и искусственные заграждения, — пишет Джон, — Буса была несколько лет тому назад захвачена фульбе. Во время нашествия население с детьми и имуществом бежало и укрылось на одном из маленьких островов на Нигере... Однако вожди Ники, Ва-вы и Киамы, узнав о случившемся, собрались вместе и,

⁷³ Среди африканских мусульман (правитель Бусы исповедовал ислам) было распространено убеждение, что «прикосновение к христианину оскверняет верного сына пророка».

⁷⁴ Спустя двадцать семь лет эта книга была по дешевке куплена другим английским путешественником, Дж. Гловером (впоследствии он стал губернатором Лагоса). Он подарил ее Королевскому географическому обществу, в музее которого она и хранится ныне как реликвия.

объединив свои силы с отрядами Бусы, сбросили общих врагов в Нигер, где много фульбе утонуло».

Наиболее крупным и сильным городом был Ники⁷⁵. «Это единственная страна на западе, против которой фульбе еще не посмели поднять меч», — подчеркивает Джон. Расположенная в этих же районах правобережья Нигера область Боргу, защищенная рекой, болотами по ее берегам и густым тропическим лесом, также не была покорена фульбе, несмотря на неоднократные их попытки. После четырехдневного плавания вниз по реке с ее скалами, водоворотами, отмелями и островами, Лэндеры в конце июня прибыли в Яури. В его центральном городе — Бирнин Яури — они повстречали «главного араба» (кстати, он был доверенным советником правителя); тот сообщил, что видел Парка — отвозил ему подарки от правителя Яури, — и еще раз подтвердил, что путешественник утонул на порогах возле Бусы. У «советника» сохранились нож и двустволка (которые Парк подарил правителю Яури), и Лэндеры выменяли их на имевшееся у них длинноствольное ружье.

Яури предстает в сообщениях Ричарда и Джона «большой и процветающей страной»; у ее правителя — «сильное войско, которое, как говорят, успешно отражало постоянные атаки беспокойных фульбе, в течение нескольких лет неоднократно пытавшихся захватить государство». И все-таки, несмотря на военные успехи, правитель страны, расположенной на ближайших подступах к «империи» Сокото, был вынужден пойти на уступки. Он согласился платить подати султану Белло. Во время пребывания Лэндеров в Яури в одной из окраинных провинций государства — Энгарски — вспыхнуло восстание, вызванное увеличением поборов, значительная часть которых шла в Сокото. На его подавление правителю пришлось бросить свою конницу. Сражения с повстанцами, получавшими помощь из соседнего Нупе, продолжались четыре месяца; обе стороны понесли большие потери.

Неспокойно было и в самой «империи» Сокото, в старых государствах хауса, захваченных фульбе. Еще когда Лэндеры только прибыли в Бусу, там начали рас-

⁷⁵ Ники в настоящее время находится в Дагомее. В 1894 году, в период погони европейских держав за колониями в Африке, этот город послужил причиной дипломатического конфликта между Англией и Францией.

пространяться слухи о выступлении жителей Кацины против засилья фульбе, причем «фульбские отряды потерпели якобы поражение в больших боях, которые шли в городе, и были изгнаны»,— записывает Лэндер 24 августа 1830 года. Спустя некоторое время, находясь уже в Нупе, путешественники узнали о восстании в Зарии. Народ Зегзег (столицы Зарии) в двух или трех битвах разбил силы фульбского эмира и «пожелал вернуть своего туземного правителя, который платил ранее и вновь будет платить подати шейху Борну». Кстати, именно шейх Борну поддержал оба эти выступления.

В сообщениях братьев Лэндеров размах борьбы против фульбских завоевателей несколько преувеличен. Однако прежние правители Кацины, укрывшиеся на севере в Маради, действительно пытались несколько раз отобрать у фульбе Кацину. То же происходило и в Зарии.

Как бы то ни было, несмотря на эти отдельные выступления, «империя» фульбе расширялась. Спускаясь от Яури вниз по Нигеру, путешественники могли лучше познакомиться с дальнейшим продвижением фульбе на юг.

Путь Лэндеров вниз по Нигеру на каноэ был чреват большими опасностями. Местные правители их задерживали, неожиданно налетавшие бури опрокидывали лодку, на них нападали грабители, крокодилы и даже бегемоты. Но самую серьезную угрозу таила в себе обстановка, создаваемая военными походами фульбе. Фульбские завоевания на Нижнем Нигере осуществлялись обычно в два приема: сначала мирные мусульмане-фульбе постепенно внедрялись в чужие владения, а за этим неизбежно следовало военное подчинение.

Той же политике следовали фульбе и в Нупе, расположенном по обоим берегам реки Кадуны и по Нигеру (от порогов Бусы почти до Бенуэ). До Нупе, на территорию которого теперь ступили отважные путешественники, пока не докатились волны джихада, провозглашенного Османом дан Фодио. Однако влияние «империи» Сокото сильно сказывалось в стране. Еще в 1810 году туда прибыл «со специальной миссией» некий Малам Дендо, племянник султана Белло. Странствуя с проповедями из города в город, он сумел сплотить вокруг себя большую группу единомышленников фульбе,

рассеянных по стране; они-то и составили «ядро» будущих завоевателей. Возможность для захвата реальной власти представилась спустя десять лет. В Нупе тогда все еще шла междоусобная война, вызванная распрями по поводу порядка престолонаследия.

Один из соперников правителя, Маджия, обратился к султану Белло за помощью. Дендо к тому времени стал «доверенным» советником Маджии и использовал, разумеется, свое влияние на него для усиления позиций своих сподвижников. «Повелитель правоверных» счел обстановку весьма благоприятной для вмешательства и послал в Нупе свои отряды. Армия Нупе была разбита, правитель бежал. Маджия занял его место, однако был вынужден в виде благодарности признать свою полную зависимость от Сокото. Отряды султана Белло остались в Нупе, якобы для того чтобы «поддерживать и защищать интересы нового правителя». С их помощью фульбе, число которых в стране все увеличивалось, к 1830 году стали фактическими хозяевами Нупе. Их сборщики, как писали Лэндеры, взимали подати во всех районах государства, их проповедники насаждали повсюду мусульманскую религию.

Марионеточный правитель Маджия все более превращался в номинального главу Нупе, в то время как Малам Дендо стал по сути дела некоронованным властелином государства. Как сообщал Ричард, Дендо «проводит весьма искусную политику»; он сосредоточил в своих руках контроль за сбором налогов, правосудием, а также командование большей частью армии. Причем, как подчеркивают английские путешественники, «на наиболее важные административные и военные посты Малам Дендо назначает не только одних фульбе, но и арабов, а также представителей других народов, но ни в коем случае не местных жителей».

Дендо проводил настолько независимую политику, что у Лэндеров создалось впечатление, будто «правитель Раббы не подчиняется даже султану Белло»⁷⁶. Как

⁷⁶ Нупе на самом деле находилось в непосредственном подчинении не Сокото, а Гванду. В 1808 году Осман дан Фодию разделил управление «империей» между своим сыном Мухаммедом Белло и братом Абдаллахом. К последнему отошли южные и западные эмираты, которые назывались «империей» Гванду. После смерти Османа Белло, однако, унаследовал титул главы всего государства — *саркин мусульми* («повелитель правоверных»).

записывает Ричард в дневнике, Малам Дендо при малейшей опасности может выставить «тысячу всадников, хорошо вооруженных и на отличных лошадях, а также огромное количество пеших воинов».

Относительно дальнейшего продвижения фульбе братья приходили к следующему выводу: «Сейчас фульбе овладели всем государством Нупе. Вскоре все йоруба попадут в положение нупе, и через несколько лет фульбе достигнут побережья». Действительно, султан Сокото мечтал о продвижении далее на юг, до берегов Бенинского залива.

К югу от Нупе, вплоть до правобережья Бенуэ, простиралась страна, народы которой еще не были включены ни в одно из крупнейших соседних государств. В один из важных центров этих независимых общин — Какунду⁷⁷, расположенную на левом берегу Нигера, — путешественники прибыли 22 октября.

Неподалеку от города их чуть было не забросали стрелами, приняв за фульбе. Недоразумение рассеяла одна из женщин, понимавшая немного язык хауса. Выслушав путников, она объяснила местным воинам, охранявшим подступы к городу, что «это — христиане, которые путешествуют вниз по реке к своей родной стране». Лишь после этого Лэндеры получили разрешение вступить на территорию Какунды, причем в городе их встретили радушно и гостеприимно.

«Нам была предоставлена, — пишет Ричард, — самая огромная комната, какую мы когда-либо видели. В обычное время в ней обучают детей мусульманским молитвам». Это была далеко не единственная школа, которую путешественники встретили во время своих странствий по Нижнему Нигеру. «Обучение состоит из запоминания нескольких мусульманских молитв, — рассказывал Джон, — это все, что школьный учитель сам, по-видимому, знает на арабском языке. Мальчики учатся весьма прилежно. Каждое утро они просыпаются задолго до рассвета и при светильниках старательно переписывают молитвы; после чего зачитывают их учителю по очереди, начиная с самого старшего. Делают они это резкими и пронзительными голосами и так громко, что их слышно за полмили. Громогласность их родите-

⁷⁷ Какунда, о которой пишут братья Лэндеры, по-видимому, идентична современному Будону.

ли признают как критерий отличного обучения. Тот, у кого самый звонкий голос, считается лучшим учеником».

В течение двух-трех дней, проведенных Лэндерами в Какунде, они мало что смогли узнать о ее истории и населяющем близлежащие территории народе. Какунда, как сообщают путешественники, состояла из четырех деревень, расположенных на небольшом расстоянии одна от другой. Это был главный город государства, носившего то же название. Во главе его стоял правитель, власть которого была в значительной степени ограничена: все его решения должны были утверждаться советом старейшин. Торговые отношения Какунда поддерживала в основном со странами, лежавшими к югу от нее. Много рабов, закупленных здесь, отправлялось к побережью. Язык нупе местный народ не понимал, но Лэндеры повстречали в Какунде много людей, говоривших на хауса.

Местные жители — искусные рыболовы. Лэндеры видели у них различные приспособления для ловли рыбы: сети, багры с железными крючками, удилища с лесками, сплетенными из травы и других волокон.

От Какунды Нигер поворачивает на юг, а затем течет к юго-западу. К Чаду (так Лэндеры называли Бенуэ)⁷⁸ путники приплыли 25 октября. Они были первыми европейцами, своими глазами увидевшими этот огромный приток Нигера. «В пять часов утра мы обнаружили, что находимся напротив очень большой реки, которая впадает в Нигер с востока: ширина устья что-то около трех-четырёх миль. На ее берегу мы увидели широко раскинувшийся город, одна часть его обращена к этой реке, другая — к Кворре». Это был Каттум, входивший в государство, созданное народом игала по берегам двух рек в месте их слияния. Его правитель — ата — контролировал довольно большую территорию на левобережье Нигера, простиравшуюся на сто миль к югу от места впадения Бенуэ. Границы государства были значительно расширены еще при отце правителя, находившегося до 1830 года у власти; в частности, на севере были присоединены многие районы по левому берегу Бенуэ, населенные родственным нупе народом игбирра, в том числе город Панда (или Фунда).

⁷⁸ Бенуэ — «мать воды» на языке бата (одного из племен, обитающих в верховьях этой реки).

Столицей государства был Идах. Но в него на этот раз путешественникам не удалось попасть (Ричард Лэндер побывал в Идахе спустя три года, во время экспедиции Мак-Грегора Лэрда). Более того, им вообще пришлось ночами тайком пробираться мимо крупных городов. Один деревенский старейшина предупредил их, что «если ата поймает вас, то задержит гораздо дольше, чем вам этого захочется».

Обстановка в стране действительно была крайне тревожной. Северные пограничные территории постоянно подвергались набегам отрядов фульбе. Вполне естественно, что, обеспокоенный этим, правитель относился с подозрением ко всем пришельцам с севера. Как раз в 1830 году, накануне приезда Лэндеров, два крупных города по берегам Бенуэ — упомянутая выше Панда (или Фунда)⁷⁹ и Котон Карифи (неподалеку от устья) — уже испытали на себе первые атаки фульбе. Оба города сильно пострадали во время этих набегов: дома были разрушены, население угнано в рабство.

Берега Нигера к югу от Идаха, вплоть до дельты, населяли ибо. Как свидетельствуют записи в дневнике Лэндеров, в то время у ибо было много городов и деревень, по существу независимых друг от друга. Многие города, которые путешественники посетили на своем пути вниз по Нигеру, занимали выгодное в торговом отношении положение и были довольно значительными по своим размерам. Торговые пути отсюда шли на северо-восток, в Борну. Местные жители сообщили братьям, что от Фунды до Куки сухопутным путем можно добраться за семнадцать дней, однако дорога по Нигеру и затем до Чадду (Бенуэ) удобнее и занимает всего на несколько дней больше. Наиболее интенсивная торговля велась с побережьем: в обмен на рабов и слоновую кость ибо получали оттуда главным образом мушкеты. Огнестрельное оружие, в основном кремневые ружья, было европейского производства. Поставлять его в западные районы дельты Нигера начали порту-

⁷⁹ Возвращаясь из Сокото в 1827 году, старший Лэндер очень хотел попасть в Фунду, которая, как ему говорили, находится в четырех днях пути (по воде) от побережья. Однако по дороге Ричард был задержан правителем Зарни и был вынужден продолжать путь через Нупе и Боргу. Если бы он попал в Фунду, то уже тогда смог бы добраться до Нигера и установить, что река течет в южном направлении, к побережью Гвинейского залива.

гальцы еще в XVI веке; в Восточной Дельте оно появилось позднее, но в конце XVIII — начале XIX века доставленные с побережья европейские ружья уже пользовались там массовым спросом.

У каждого человека здесь имеется мушкет, подчеркивает Ричард. Он сообщает и о так называемой «молчаливой торговле»⁸⁰, которая издавна велась в этих районах Нижнего Нигера. «Нам потребовалось купить ямс, и нашим гребцам удалось договориться, чтобы жители прибрежной деревни принесли его к нашим лодкам. Эти люди явились, вооруженные ружьями и мечами. Впрочем, такое же примерно оружие прихватили с собой и наши гребцы. Среди пришедших не было женщин, за исключением одной старой леди. Прибыв на берег, она распорядилась, чтобы весь ямс был разложен пучками перед нашими людьми в один ряд. Все ее распоряжения были точно выполнены. Затем владельцы ямса отошли на некоторое расстояние в сторону. Покупатель осматривал пучки; выбрав один из них, в котором, по его мнению, находился самый хороший ямс, он клал около такое количество своих товаров (одежды, боеприпасов и т. д.), какое считал равным ямсу по стоимости. Старая женщина все время была начеку и мгновенно определяла, достаточная эта компенсация или нет. Если ее решение было положительным, то она брала положенные вещи и передавала их владельцу ямса, а покупатель соответственно забирал пучок. В противном же случае, если одежды или какого-либо другого предложенного покупателем товара оказывалось недостаточно, женщина оставляла его на некоторое время лежачим, предоставляя таким образом возможность добавить еще что-нибудь. Если этого не происходило, старуха давала указание владельцу ямса забрать пучок, после чего предложенные вещи также полагалось взять назад. И все это — без единого слова с обеих сторон».

Много неприятностей братьям Лэндерам доставили местные торговые посредники и европейские торговцы пальмовым маслом. Самое плохое произошло 5 но-

⁸⁰ «Молчаливая торговля» — очень древний метод торгового обмена, при котором ни одна из сторон не вступает в непосредственный контакт с другой. Еще Геродот описывал, как карфагеняне пользовались им, скупая золото у народов, живших в сахарской зоне Западной Африки.

ября 1830 года у города Кири⁸¹, где в Нигер с востока впадает небольшой приток: на путешественников напал вооруженный отряд ибо на пятидесяти каноэ, все воины были переодеты в европейское платье, над лодками развевался английский флаг. Сопротивление было бесполезно: «В каждом каноэ,— записывает Ричард,— было по сорок человек, вооруженных так же, как и мы. Глупо было рисковать нашими жизнями и головами наших гребцов. Кроме мушкетов на носу каждого из напавших на нас каноэ имелась длинная четырех- или шести-фунтовая пушка».

Каноэ, в котором находились Лэндеры, было пущено ко дну, все вещи похищены или утоплены в Нигере, а самих братьев захватили в плен. 8 ноября их доставили в Або⁸². Город понравился путешественникам, несмотря на их отчаянное положение. Он был выстроен на открытом месте. Опрятные дома, вылепленные из желтой глины и крытые пальмовыми листьями, вокруг поля, на которых выращиваются плантейн, бананы, просо, овощи,— все производило отрадное впечатление. Страна была довольно густо населена. В течение ряда десятилетий она служила главным рынком, где торговцы из Бонни и Старого Калабара⁸³ скупали рабов. Теперь основным продуктом торговли стало пальмовое масло. «Сотни людей с побережья прибывали сюда с торговыми целями,— записывает Ричард в первый же день прибытия в Або,— в настоящее время много их живет в каноэ на рейде у города. Большое количество масла, которое англичане покупают в Бонни и на прилегающих реках, доставляется именно отсюда, так же

⁸¹ Названия Кири нет на современных картах. Этот город идентичен современной Асабе и находится на важном торговом пути, вниз по Нигеру к Онитше.

⁸² Або, который Лэндеры называют Ибо (по названию населявших эту страну народов),— важный торговый центр; расположен на пересечении трех основных водных путей в дельте: Нун, Бонни, Бенина (две последние реки также путем протоков соединены с Нигером). Удобная стратегическая позиция позволяла правителю Або осуществлять строгую торговую монополию в районах Южного Нигера.

⁸³ Бонни и Старый Калабар— наиболее крупные торговые центры Восточной Дельты. Наибольшей известностью издавна пользовался Бонни, основанный иджо еще в конце XIV— начале XV века на побережье залива Рио Реал. Старый Калабар был создан позднее народом эфик (ведут свое происхождение от ибибио) в месте слияния рек Кросс и Калабар.

как почти все рабы, которых ежегодно вывозят из этих мест французы, испанцы, португальцы».

Европейцев принял правитель страны — *оби*. Это был молодой, с виду хрупкий человек; взгляд его «выражал быструю работу мысли, ум и добрую натуру», — записывает Ричард свои первые впечатления, высказывая удивление по поводу рассказней о жестокостях *оби*. Этот «мягкосердечный коралловый король» (парадную одежду правителя украшали многочисленные кораллы), как величают его Лэндеры, тем не менее потребовал с них огромный выкуп. Он заявил братьям, что «твердо намерен получить за них столько английских товаров, сколько стоят двенадцать молодых рабов». И пока ему не возместят требуемое английские торговцы, находившиеся в Бонни, до тех пор братья будут находиться в плену.

Помощь пришла неожиданно, и отнюдь не от европейских торговцев. Находившийся тогда в Або сын правителя Брасса, одного из торговых городов-государств народа *иджо* в устье Нигера, согласился внести за Лэндеров требуемую сумму. Путешественники выдали ему своеобразный вексель «бук» — от английского *book* — «книга», как именовали этот документ местные жители, то есть обязательство «возместить королю Брасса стоимость товаров, которые его сын уплатил в качестве выкупа».

11 ноября Лэндеры смогли покинуть негостеприимный Або. В военном каноэ Брасса они отправились вниз по Нигеру, к его устью. Берега реки здесь, как отмечают путешественники, очень низкие, болотистые, их пересекают многочисленные связанные между собой протоки, которые образуют густую естественную сеть каналов. Местность вокруг густо покрыта мангровыми зарослями. Районы дельты довольно плотно заселены: то тут, то там путникам попадались деревни.

Основное население — народ *иджо*, однако много жителей и из глубинных районов — *ибо*, *ибиво* и других, которые в течение нескольких последних столетий проникали с севера в дельту, оттесняя аборигенное население в прибрежные болотистые районы. Их привлекала выгодная торговля с европейцами. Самыми крупными торговыми городами-государствами, созданными *иджо* в дельте, были Бонни, Брасс, Новый Калабар и другие. Большинство этих городов достигло расцвета в

XVIII веке — в период наибольшего размаха работорговли, в которой они играли роль торговых посредников.

Спустя пять дней после того как Лэндеры покинули Або, они прибыли в один из этих торговых центров — Брасс. Он состоял из двух городов, рассказывает Ричард, в каждом насчитывалось около тысячи жителей. Во главе одного находился «король Джэкиит», во главе другого — «король Форда» (все города-государства дельты обычно делились на кварталы; для управления ими, а также другими городами назначались особые наместники). Местность вокруг болотистая, в домах — всегда сыро. Вообще, «ни одно из всех неприглядных поселений, которые нам довелось посетить, — записывает Ричард 16 ноября, — не представляло глазам чужестранца такой безотрадной картины. Свиньи, козы и другие домашние животные бегают полуголодные по грязным улицам. Не менее голодный вид у мужчин, женщин, детей...»

Действительно, как сообщают путешественники, жители Брасса ничего не выращивали сами, кроме бананов, которые с небольшим добавлением рыбы составляли их обычный весьма небогатый рацион; ямс ввозился из стран ибо. Основное же занятие иджо — посредническая торговля, главным товаром которой начинало к этому времени становиться пальмовое масло. Изготовление его в странах Южного Нигера росло очень быстро: масло получало широкое применение в промышленности Европы, и спрос на него превышал предложение. Масло доставляли из стран ибо и сбывали торговцам из Ливерпуля.

«Правитель Форда» в свою очередь потребовал у путешественников выкупа, размер которого, правда, был в семь раз меньше. Пришлось Лэндерам вновь написать «книгу» на требуемую сумму.

За время пребывания в Брассе братья имели возможность обстоятельно обследовать расположенное в шестидесяти-семидесяти милях устье Нигера — Нун, которое оказалось вполне пригодным для захода больших европейских судов. Обнаружили путешественники здесь даже так называемый Город лоцманов, жители которого часто служили проводниками для торговых судов по рукавам дельты Нигера.

На Нуне Лэндерам посчастливилось встретить анг-

лийское торговое судно «Томас». Они немедленно обратились к капитану за помощью. Каково же было их удивление, когда тот наотрез отказался уплатить выкуп, внесенный за путешественников в Або, а также сумму, требуемую Фордой. Все, что он им пообещал,— это взять их на следующий день на борт, если они сами сумеют выпутаться из создавшегося положения и избежать плена.

24 ноября, так и не уплатив ни одному из вождей (к чести африканцев надо сказать, что они не прибегли к насилию), Лэндеры очутились наконец на борту «Томаса». Спустя три дня судно покинуло дельту Нигера и отправилось на остров Фернандо По. Там с разрешения правительства Испании, которой принадлежал этот остров, в 1828 году была основана база Британской африканской эскадры. Путешественники были высажены на остров, где их радушно встретил соотечественник Бикрофт, находившийся на службе у испанского правительства и исполнявший обязанности губернатора острова. Позднее Дж. Бикрофт стал первым британским консулом в городах-государствах дельты Нигера, к утверждению своего влияния в которых Великобритания приступила в середине XIX века.

20 января 1831 года с помощью Бикрофта Лэндеры отплыли на борту «Карнарвона» к берегам Великобритании. Их путешествие, продолжавшееся семнадцать месяцев, закончилось. За время пребывания на Нигере Лэндеры собрали много важных географических, исторических и торговых сведений. Прежде всего они окончательно разрешили загадку великой западноафриканской реки. В письме, полученном от Ричарда в декабре 1830 года, указывалось: «Реки Бенин, Формоза, Бонни, Калабар, Нун — все называются Масляными и, сообщаясь между собой, образуют Нигер». По мнению современников, это было наиболее важное географическое открытие века (журнал «Edinburgh Review», 1832 год, июль). Ричард писал также о богатых природных ресурсах края, открывавших широкие возможности для торговли, о больших городах и торговых путях Нижнего Нигера.

Весть об этих открытиях с выходом в свет много-томного дневника Лэндеров быстро распространилась не только в Англии, но и по всей Европе и в США.

Дневник путешественников представляет большой

интерес. Помимо увлекательной, почти приключенческой истории скитаний братьев по Нижнему Нигеру он содержит описание жизни африканцев и исторических событий того периода, зафиксированных точными и объективными наблюдателями.

Что можно сказать о научной значимости их путевых записей? Оба брата были наименее подготовленными к путешествию из всех, кто направлялся в конце XVIII — начале XIX века в Африку (если не считать Кайе). Они не получили никакой специальной подготовки, не знали местных языков (в первой поездке Ричард, правда, выучился немного говорить на хауса). Как подчеркивают сами Лэндеры, они «могли отвечать лишь за то, что видели». Тем не менее замечали они достаточно много, и глаз у них был верный. Причем братья хорошо дополняли один другого. Романтический Джон обычно описывал природу, более коммуникабельный Ричард вникал в события африканской жизни, в беды и заботы народа. Довольно хорошо подмечал он своеобразие африканской действительности, порой даже, с точки зрения европейца, довольно абсурдной; показывал нищету населения и вместе с тем неизменную веселость, благородство характера африканцев, их доброту и стремление к справедливости.

Научная заслуга путешественников и в том, что они первыми дали описание государств и народов Нижнего Нигера в 30-х годах XIX века. Их характеристики стали неоценимым дополнением к сухим фактам местных хроник, содержащих главным образом списки-перечни правящих династий. Факты, сообщенные этими заинтересованными и дружелюбно расположенными свидетелями, — настоящая находка для историка, занимающегося изучением отношений между государствами Нижнего Нигера или исследующего торговлю и торговые пути с побережья в глубинные районы. В то же время это отнюдь не сухие перечисления товарных потоков. Всюду живые люди: правители и крестьяне, торговцы и жрецы, гребцы на каноэ и могущественные маламы, вершившие судьбы целых государств и народов. Причем описаны все народы, с которыми так или иначе сталкивались Лэндеры: йоруба, фульбе, хауса, нупе, ибо, иджо и др.

Что же представлял собой Нигер, увиденный братьями Лэндерами?

На огромной территории, от Бадагри до Куки (столица Борну) и от Калабара до Сокото, были расселены самые разные народы. Созданные ими государства отличались не только по размерам территории, силе и могуществу их правителей, но также и политическими институтами, экономикой, религией. «Деспотическое» — этот эпитет наиболее часто употребляют братья для обозначения характера правления в большинстве государств на Нижнем Нигере. Однако это выражение очень неточно.

Проблемы, с которыми сталкивались африканские правители, были в основном те же, что и у монархов средневековой Европы, — бунтующие подданные, угроза вторжения через плохо защищенные границы, заговоры сановников и необходимость установления «закона и порядка», а также постоянная насущная потребность развития торговли, которая являлась источником как пополнения бюджета, так и получения вооружения. При всем этом африканский монарх должен был прислушиваться к мнению своих советников и стараться снискать доверие наиболее сильных сторонников.

Монархия — или ограниченная верховная власть короля и вождя — была обычной, но отнюдь не повсеместной системой управления в государствах, через которые пролегал путь Лэндеров. В Брассе их привело в смущение большое число лиц, носивших титул «король», в Старом Калабаре они столкнулись с маленькими республиками, каждая из которых имела своего собственного вождя и совет. У ибо богатый человек мог с помощью членов своей группы достигнуть власти.

Лэндеры отмечают слабые контакты между народами Нижнего Нигера. Люди таких удаленных друг от друга государств, как Юри и Калабар, не имеют никакой связи. Игала не знают о существовании других народов на севере Нижнего Нигера. Вместе с тем братья сообщают факты, свидетельствующие и об обратном: о людных рынках, на которых толпятся купцы из самых удаленных стран Африки, о торговых путях от Средиземноморья до Атлантики, по которым идут многочисленные караваны с товарами, о множестве каноэ, снующих по Нигеру. Торговля, таким образом, была основным связующим звеном. Караванные дороги шли от Триполи в Северной Африке через Феццан в Борну, затем в Кано. Из Кано в обратный путь к средиземноморско-

му побережью торговцы могли отправиться через Аир и богатые сахарские оазисы — Гадамес и Гат. На запад путь лежал к Качине и Сокото, на юг — к Зарии и Нупе. Из Нупе наиболее часто используемой была дорога на запад, через Боргу, в Гонджу и расположенное южнее Ашанти. Из Боргу на юг шел путь к Катунге и через районы, населенные йоруба, к Бадагри. Из Бадагри и Виды на каноэ можно было пробраться по цепи прибрежных лагун до самого устья Нигера. А по этой реке шел основной водный путь в глубинные районы Западной Африки; так торговцы из Бонни добирались до игала и далее.

Наиболее важным товаром в экспорте из бассейна Нижнего Нигера, как отмечали Лэндеры, все еще были рабы. Ежегодно две-три тысячи невольников отправляли через пустыню Сахару в Северную Африку. Еще большее количество их вывозилось из портов дельты за океан. Второй по значению товар — пальмовое масло, добываемое главным образом в стране ибо. Спрос на него все повышался. В обмен на рабов и масло народы дельты получали разнообразные промышленные товары, наибольшим спросом пользовались спиртные напитки и огнестрельное оружие.

Помимо внешней существовала и развитая межафриканская торговля. Хлопчатобумажные ткани из Кано продавались на рынках Томбукту. Соду из пустыни везли на рынки Нупе. Орехи кола, выращиваемые в Ашанти, караваны хаусанских купцов доставляли в Гонджа. Люди из Брасса ехали во внутренние районы за ямсом. Эти точные и обширные сведения о занятиях и политической жизни народов Нижнего Нигера — огромная заслуга братьев Лэндеров.

В отношении дневника Лэндеров необходимо добавить еще следующее. Оба брата во время путешествия вели каждый свои записи раздельно. Во время катастрофы, когда их каноэ было потоплено у Кири, Ричард потерял свой дневник. У него осталась только записная книжка с пометками о пути от Раббы до места катастрофы. У Джона же впоследствии пропали его записи от Раббы до Кири. Возвратясь в Лондон, братья решили опубликовать общий дневник их путешествия, объединив все сохранившиеся у них записи.

Таким образом, первая часть дневника содержит наблюдения Джона, вторая — записи Ричарда. Правда,

и в первой части немало написано старшим братом, а Джон в свою очередь внес много интересной и ценной информации во вторую часть заметок. Написанные братьями отрывки очень четко различаются по стилю. У Ричарда — простой и ясный язык, у Джона — витиеватый и довольно сложный. По возвращении Джон, вообще склонный к литературному труду, значительное время провел над общим дневником при подготовке его к печати.

Ни одно путешествие XIX века в Западную Африку не имело таких огромных политических и экономических последствий, как плохо оснащенная и слабо подготовленная экспедиция Лэндеров. По значению с ней могла сравниться разве что первая (кстати сказать, тоже весьма плохо и скупо снаряженная) экспедиция Мунго Парка.

И правительство Великобритании «щедро» наградило смелых исследователей: Ричарду за «наиболее важные открытия века», сулившие британской торговле и промышленности миллионы и миллионы, выдали целых... сто фунтов. Так что ему, несмотря на совершенно расстроенное здоровье, пришлось вскоре по возвращении из Африки вновь поступить на службу в таможенное управление Ливерпуля, чтобы прокормить семью. А Джон вообще не получил ни пенса. Правда, через год Королевское географическое общество все же нашло возможным выдать братьям премию 50 гиней на двоих...

Спустя сто лет, в 20-х годах XX века, на острове Джебба на Нигере был сооружен обелиск, на котором высечены следующие слова:

«Мунго Парку, 1795, и
Ричарду Лэндеру, 1830,
которые исследовали Нигер почти
от его истоков и до впадения реки в море.
Оба умерли в Африке и для Африки».

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

На этом наш рассказ заканчивается. Но не потому, что путешествием братьев Лэндеров завершилось исследование Нигера. Как раз наоборот: именно в 30-е годы XIX века изучением великой реки занимались многочисленные экспедиции. И все они двигались с юга на север — от устья вверх по течению. Это направление, ставшее доступным европейцам позднее остальных, — лишь после появления в Бенинском заливе Африканской эскадры флота его величества, — надолго сделалось главным⁸⁴. Исследования на Нижнем Нигере продолжались, и все же это был уже совершенно иной этап: открытие реки для европейской науки уступило место колониальному «освоению» Нигера.

Как только стали известны результаты путешествия Лэндеров, британские купцы и промышленники, интерес которых к африканским рынкам стремительно возрастал, немедленно сделали из них практические выводы: в Ливерпуле была создана Компания по торговле с внутренними областями Африки. И уже в апреле 1832 года она обратилась к правительству, прося предоставить ей хартию, которая бы предусматривала для акционеров привилегии в торговле на вновь открытых землях, в эксплуатации их недр и даже... в управлении этими землями. При этом, понятно, никак не принималось во внимание, что там уже есть законные африканские хозяева, которые вовсе не нуждаются в европейских «управителях».

⁸⁴ Только в 1853 году Г. Барт впервые после гибели Лэнга вышел к Нигеру с севера, а на западном направлении перерыв был еще больше: лишь в 1878 году француз Солейе увидел реку в районе Сегу.

А в июле того же 1832 года компания отправила на Нижний Нигер большую экспедицию под руководством своего президента Мак-Грегора Лэрда, владельца одной из крупнейших судостроительных фирм страны. За два года из сорока восьми европейцев — участников экспедиции — погибли тридцать девять; в их числе был и Ричард Лэндер, которого Лэрд пригласил с собой. Но людские потери не очень волновали руководителя этого предприятия: ведь, несмотря на них, все же удалось не только подняться по Нигеру до Раббы, но и обследовать нижнее течение Бенуэ почти на сотню миль от устья.

Возможности торговли в этих областях превосходили самые оптимистические ожидания, и Лэрд весьма радужным образом оценивал результаты своего путешествия, предвидя колоссальные прибыли от будущих коммерческих операций.

Однако аппетиты тех, от чьего имени он говорил, вовсе не ограничивались захватом выгодной торговли пальмовым маслом, которое в те годы было главным предметом легального вывоза с побережья Бенинского залива (нелегально продолжали вывозить рабов, причем делали это в еще бóльших масштабах, чем до запрещения работорговли). Нет, Лэрд смотрел гораздо шире: «Нигер дает возможность контролировать всю Западную Африку. Поэтому я считаю, что цепь британских постов должна протянуться по Нигеру до Сегу, а отсюда — по Тимбо до Сьерра-Леоне и до Барракунды в Гамбии».

Не правда ли, эти слова из отчета Лэрда министру иностранных дел лорду Палмерстону довольно любопытно перекликаются с тем, что говорил за тридцать пять лет до этого, в 1799 году, на собрании Африканского общества сэр Джозеф Бэнкс, когда, упоенный успехом первой экспедиции Парка, он предлагал отправить из Гамбии к Нигеру пятьсот солдат, построить на реке форты и взять в британские руки всю торговлю по ней? Да, за эти десятилетия британская буржуазия не утратила ни алчности, ни агрессивности, скорее наоборот.

Правда, Лэрд допускал, так сказать, теоретически, что жители вновь открытых областей не проявят особого желания подчиняться незваным пришельцам. Но эта сторона дела не вызывала у него беспокойства.

«Даже если бы эти люди и захотели воспротивиться занятию нашими соотечественниками различных пунктов по берегам реки,— продолжает он,— они не в состоянии будут это сделать с достаточной эффективностью из-за раздробленности, царящей в их стране».

Программу, с такой похвальной откровенностью намеченную в этом отчете, купцы и промышленники Лондона, Ливерпуля, Манчестера, Бирмингема неукоснительно проводили в жизнь при полнейшей поддержке всех сменявших друг друга правительств своей страны. При этом если в 30-е годы одна за другой следовали торговые экспедиции в низовья Нигера, то в 1841 году была предпринята первая попытка государственной колонизации этих областей — под все тем же, хорошо уже нам знакомым лозунгом пресечения работорговли. Надо, впрочем, сказать, что люди, имевшие близкое отношение к африканским предприятиям британского правительства, не слишком серьезно воспринимали такие разговоры. Тот же Мак-Грегор Лэрд писал, что «об ее (работорговли) так называемом подавлении можно говорить... лишь в ироническом смысле». Но как предлог для проникновения в глубь Африки «борьба против работорговли» всех вполне устраивала.

Рука об руку с купцами и военными шли христианские миссионеры. После правительственной экспедиции на Нигер в 1841 году к ним перешли функции передового отряда колонизации. Конечно, было бы несправедливым обвинять в этом всех миссионеров подряд: среди них оказывалось не так уж мало людей, искренне считавших себя носителями слова божия и убежденных в благородных целях своей деятельности. Беда только, что не они направляли деятельность британских духовных миссий. И угроза независимости народов, живущих по берегам Нигера, не становилась меньше оттого, что в числе миссионеров были и субъективно порядочные люди.

Недаром так высоко оценивал заслуги миссий в распространении британских интересов на Нижнем Нигере лорд Палмерстон, многолетний министр иностранных дел и премьер-министр ее величества королевы Виктории. И не зря одной из первых мер африканских правителей, намеревавшихся оказать сопротивление британским захватам, бывала обычно высылка миссионеров со своей территории.

К началу 50-х годов прошлого века миссионеры, направленные в западные области современной Нигерии «Церковным миссионерским обществом» и сумевшие в довольно большом числе обосноваться в странах йоруба, начали бомбардировать правительственные учреждения в Лондоне письмами, в которых всячески подчеркивались на редкость благоприятные перспективы хозяйственного освоения англичанами областей по правому берегу нижнего течения Нигера. Авторы писем вполне отдавали себе отчет в том, что для реализации этих перспектив необходима соответствующая политическая обстановка, и как бы подталкивали британское правительство на создание такой обстановки.

Если бы в Лагосе сидел вождь, поддерживающий с Британией союзнические отношения, писали они, то «огромная страна, простирающаяся по побережью на двести-триста миль до устья Нигера и изобилующая хлопком, тотчас открылась бы для торговли... Большинство преимуществ, какие предполагалось получить во время экспедиции, направленной вверх по Нигеру в 1841 году, может быть достигнуто британским правительством путем обеспечения навигации по реке Огун» (эта река соединяет Лагос с Абеокутой, одним из крупнейших городов народа йоруба). Таким образом, все большее и далеко не бескорыстное внимание англичан начал привлекать Лагос.

Британские историки до сих пор нередко утверждают, что такое внимание вызывалось-де тем, что в XIX веке Лагос был одним из главных работорговых портов на побережье Бенинского залива и, значит, контролировать его было необходимо все в тех же благородных целях пресечения работорговли. Однако даже беглый взгляд на карту побережья показывает, что дело обстоит далеко не так просто. Ведь остров Лагос, на котором начиналась современная столица Нигерии, лежит у единственного разрыва в гряде песчаных наносов, отгораживающих от океана узкую судоходную лагуну. Эта лагуна тянется на восток до самого устья Нигера, почти на двести километров.

Европейские купцы давно уже усвоили, что Лагос открывает дорогу как на Нигер, так и в противоположном направлении — на запад, в крупнейшие торговые центры на территории современных Западной Нигерии и Дагомеи — Бадагри и Видах; что по лагуне можно

добраться в такие важные порты, как Гватто в государстве Бенин и Брасс в государстве Нимбе; и что по судоходному Огуну из Лагоса легко попасть в центральные районы стран йоруба, богатые и густонаселенные. Географическое положение Лагоса позволяло его хозяевам держать под контролем обширную систему водных путей в низовьях Нигера. Овладение островом обеспечило бы прекрасный опорный пункт для последующего наступления на побережье — а именно это становилось все более очевидной целью британской политики в странах Бенинского залива.

Мы только что говорили о том, как миссионеры старались подтолкнуть британскую администрацию к более активной политике на Нижнем Нигере. Но справедливости ради следует сказать, что правительство ее величества едва ли нуждалось в такого рода подталкивании. Оно и само очень старательно готовилось к установлению своего контроля в странах Дельты. Основным орудием правительственной политики в эти годы оставалась Африканская эскадра, а главным поводом для вмешательства — борьба с работорговлей.

Впрочем, в 40-х годах к ней добавились еще и многочисленные жалобы миссионеров и купцов на действительные или мнимые притеснения, которым их подвергали местные африканские правители. Независимо от того, кто бывал прав в том или ином конкретном споре, эти жалобы служили прекрасным мотивом не только для того, чтобы постоянно держать в Бенинском заливе и заливе Биафра эскадру, но и для того, чтобы непрерывно усиливать ее боевой состав, доведенный к 1851 году до двадцати шести вымпелов.

Как раз командиры кораблей Африканской эскадры были в этот период главными практическими исполнителями политики британского правительства, направленной на постепенный захват низовьев Нигера: им было вменено в обязанность под лозунгом борьбы с работорговлей всеми доступными им средствами вынуждать африканских правителей к заключению договоров. Причем в текстах этих документов статьи, касавшиеся работорговли, отнюдь не занимали центрального места. Главное внимание их британские составители уделяли обеспечению фактически неограниченной свободы действий для миссионеров и беспрепятственной торговли для купцов (разумеется, английских).

«Договорные отношения», едва ли не самым действенным аргументом к установлению которых были корабельные орудия, пусть даже и молчащие до поры до времени, довольно трудно назвать равноправными. В сущности правители стран нигерской Дельты оказывались во все возрастающей зависимости от британских представителей, военных и гражданских, и им ничего не оставалось, как выполнять то, что те им диктовали.

Но даже в таком виде эти договоры не вполне устраивали руководителей британской колониальной экспансии. Именно лорд Палмерстон, подготовивший для командования Африканской эскадры инструкции, которыми предусматривалось всемерное расширение договорных отношений с африканскими вождями, одновременно рекомендовал по возможности избегать употребления самого слова «договор» (treaty), предпочитая ему термин «урегулирование» (arrangement). Доводы министра любопытны не только сами по себе, но и как очевидное свидетельство того, что в Лондоне и такие неравноправные соглашения не собирались рассматривать всерьез. Понятие «договора», рассуждает Палмерстон, применимо и допустимо лишь в отношениях между цивилизованными государствами (естественно, что африканские страны достопочтенный лорд в эту категорию не включал). Если же обозначить договоры с африканцами как «урегулирование» отношений, то подобный термин «исключал бы такие соглашения из класса дипломатических конвенций». Иначе говоря, и соблюдение их оказывалось бы необязательным для участников; правда, в последнем случае британские политики и военные имели в виду только себя, от африканцев же они неизменно требовали точного выполнения всех условий таких «урегулирований».

В 1849 году британское правительство предприняло очередной и очень важный шаг в деле укрепления своих позиций на побережье Бенинского залива (отчасти здесь сказалось и усиление французской конкуренции в этом районе). В основные государства Дельты были назначены британские консулы. В Лагосе им стал Дж. Бикрофт, с которым почти двумя десятилетиями раньше на острове Фернандо-По пришлось встретиться братьям Лэндерам. Именно Бикрофт обеспечил подготовку тех рубежей, с которых позднее, в последней чет-

верти XIX века, началось окончательное завоевание англичанами территории нынешней Нигерии.

Новоиспеченный консул опирался в своей деятельности не только на собственный солидный опыт, приобретенный за два десятка лет жизни в Западной Африке. С самых первых дней пребывания в новой должности он мог распоряжаться всей мощью Африканской эскадры. Сообщая Бикрофту о назначении, Палмерстон добавлял: «Командирам британских кораблей будет дано указание оказывать Вам всяческое содействие и помощь в выполнении Ваших обязанностей всеми имеющимися в их распоряжении средствами». А еще через полтора года, в феврале 1851 года, консул получил право по собственному усмотрению использовать силы флота, осуществляя цели британской политики в странах Дельты. И первым объектом, против которого Бикрофт обратил орудия эскадры, стал Лагос.

Немалую роль в решении ускорить захват острова сыграло то, что вождь — *олохун* — Косоко, пришедший к власти в 1845 году, решительно и небезуспешно противился усилению британского влияния в низовьях Нигера. Умело сочетая дипломатические, торговые и военные методы, Косоко создал серьезную угрозу британской политике, и открытое военное столкновение сделалось неизбежным.

В последних числах декабря 1851 года корабли и морская пехота Африканской эскадры после нескольких неудачных попыток, понеся чувствительные потери в многодневных жестоких боях, захватили совершенно разрушенный и покинутый жителями Лагос.

Так начинался последний этап колониального завоевания стран, лежащих вдоль течения Нигера. Их народам предстояли почти полвека упорной и кровопролитной борьбы против колонизации. В ходе этой борьбы африканские воины не раз вызывали восхищение даже у своих врагов, а их руководители многократно показывали себя блестящими дипломатами, администраторами и военачальниками. Но эта страница африканской истории, изобилующая примерами удивительной стойкости и массового героизма, заслуживает уже другой, особой книги.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бейкер Дж., История географических открытий и исследований, М., 1950.

Брюлова-Шокальская Н. В., В поисках неведомой реки (путешествия в Африку Мунго Парка и Ренэ Кафе), М., 1930.

Верн Ж., История великих путешествий, т. 1—3, М.—Л., 1961.

Вязов Е. И., Мунго Парк. Путешествие к берегам Нигера, М., 1960.

Зотова Ю. Н., Английская экспедиция в дельте Нигера, М., 1970.

Куббель Л. Е., Путь в Томбукту. Рассказ о путешествиях Александра Гордона Лэнга по внутренним областям Африки, М., 1971.

Магидович И. П., Очерки по истории географических открытий, М., 1957.

«Путешествие во внутренность Африки, предпринятое по приказанию и под управлением Аглинской Африканской компании в 1795, 1796 и 1797 г. хирургом Мунго Парком», М., 1806.

«Собрание путешествий, предпринятых агентами Лондонского общества африканских открытий во внутренность сей части света», т. 1—2, СПб., 1807.

Boahen A. A., Britain, the Sahara, and the Western Sudan, 1788—1861, Oxford, 1961.

Bovill E. W. (ed.), Missions to the Niger, vol. I—IV, Cambridge, 1964—1966.

Caillié R., Journal d'un voyage à Tombouctou et à Jenné dans l'Afrique Centrale, I—III, Paris, 1830.

Clapperton H., Journal of a Second Expedition into the Interior of Africa from the Bight of Benin to Soccatoo, to which is Added Journal of Richard Lander from Kano to Sea-coast Partly by a more Eastern Route, London, 1966 [1829].

Denham D., Clapperton H., Oudney W., Narrative of Travels and Discoveries in Northern and Central Africa in the Years 1822, 1823 and 1824, vol. I—III, London, 1826.

Hallet R. (ed.), The Niger Journal of Richard and John Landers, London, 1965 [1832].

Hallet R., The Penetration of Africa. European Enterprise and Exploration Principally in Northern and Western Africa, London, 1965.

Hallet R. (ed.), Records of the African Association, 1788—1831, London, 1964.

Jackson J. G., An Account of Timbuctoo and Housa Territories in the Interior of Africa by El Hage Abd Salam Shabeeny, with Notes, Critical and Explanatory, New Impression, London, 1967 [1820].

[Laing A.,] Travels in the Timmanee, Kooranko and Soolima Countries in Western Africa by Major Alexander Gordon Laing, London, 1825.

Lander R. and J., Journal of an Expedition to Explore the Course and Termination of Niger, I—III, London, 1832.

Lanoye F. de, Le Niger et l'exploration de l'Afrique Centrale... depuis Mungo Park, Paris, 1858.

Park M., The Journal of a Mission to the Interior of Africa in the Year 1805 together with other Documents, Official and Private, Relating to the Same Mission, London, 1815.

Park M., Travels in the Interior Districts of Africa, Performed in 1795, 1796 and 1797, vol. I—II, London, 1816.

«Voyages en Afrique par Bruce, Adanson, Bonaparte, Levaillant, Mungo Park, Burchell, Denham, Clapperton, Laing, Grey, René Caillé, Thompson et al.», Paris, 1853.

«Zwischen Mittelmeer und Tchadsee», Berlin, 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько слов к читателю	3
Как начиналась эта история	6
«Общество содействия открытию внутренних областей Африки»	11
Хаутон (1790—1791)	20
Парк (1795—1797)	37
Хорнеман (1797—1802)	59
Парк — вторая экспедиция (1805—1806)	74
От Парка до «миссии в Борну» (1805—1821)	87
Лэнг (1822)	93
«Миссия в Борну» (1822—1825)	106
Лэнг — второе путешествие (1825—1826)	139
Клаппертон — второе путешествие (1825—1827)	164
Кайе (1827—1828)	185
Братья Лэндеры (1829—1831)	211
Вместо заключения	238
Основная литература	245

**Юлия Николаевна Зотова
Лев Евгеньевич Куббель
В ПОИСКАХ НИГЕРА**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

■

Редактор Н. Н. В о д и н с к а я
Младший редактор К. А. Н е д о р е з о в а
Художник А. П. П л а х о в
Художественный редактор Э. Л. Э р м а н
Технический редактор М. В. П о г о с к и н а
Корректор Г. В. С т р у г о в а

*

Сдано в набор 22/V 1972 г.
Подписано к печати 4/IX 1972 г.
А-10107. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага № 1
Печ. л. 7,75. Усл. п. л. 13,02
Уч.-изд. л. 13,8. Тираж 15 000 экз.
Изд. № 3018. Зак. 1197. Цена 45 коп.

■

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4
Отпечатано во 2-й тип. изд-ва «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 10.

Цена 45 коп.